

№ 2, апрель 2011

ВЕСТНИК *Института*
Социологии

www.vestnik.isras.ru

НАУЧНЫЙ
ЭЛЕКТРОННЫЙ
ЖУРНАЛ

Тема номера:

**Образование
и молодёжь в России**

/Модернизация высшего
образования

/Приватизация и развитие
образования

/Молодёжь: профессиональные
траектории

/Профессиональное
самоопределение молодёжи

/Образование и семейные
ценности

Международный редакционный совет

Председатель:

ЯДОВ Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна — доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета;

ДИБИРОВ Абдул-Насир Зирарович — доктор политических наук, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, ректор Дагестанского института экономики и политики;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН;

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович — доктор социологических наук, руководитель Центра социологии образования, науки и культуры ИС РАН;

КОССЕЛА Кшиштоф — профессор Института социологии Варшавского университета (Польша);

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ;

КРАСИН Юрий Андреевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН;

КРУММ Райнхардт — доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Германия);

ЛАПИН Николай Иванович — член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН;

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович — доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета;

МИТРОВИЧ Любиша — профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Сербия);

МОРГАН Джон Уильям — доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич — доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета;

ПАН Давэй — доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Ординарный профессор НИУ-ВШЭ;

ЛИ Пэй Лин — профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета;

СКВОРЦОВ Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета;

ТАМАШ Пал — профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна (доктор социологических наук, заместитель Председателя Ученого совета и заместитель директора по научной работе ИС РАН);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич — член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования»;

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил — академик АН МНР, профессор, директор Академии управления МНР (Монголия).

Редакционная коллегия

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович — член-корр. РАН, директор ИС РАН

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна — д.филол.н., проф., Засл.деят. науки РФ, ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна — д.социол.н., ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна — д.социол.н., доц., ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович — к.полит.н., ИС РАН.

Редактор:

КОФАНОВА Елена Николаевна — к.социол.н., ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е.М. — к.социол.н., ИС РАН;

БЫЗОВ Л.Г. — к.э.н., ИС РАН;

ГОРБУНОВ В.В. — д.ист.н., ИС РАН;

ГОФМАН А.Б. — д.социол.н., проф., ИС РАН;

ДАНИЛОВА Е.Н. — к.филол.н., ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г.М. — к.филол.н., ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А.Ш. — к.ист.н., ИС РАН;

ЗУБОК Ю.А. — д.социол.н., проф., ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г.А. — д.филол.н., проф., ИС РАН;

МАГУН В.С. — д.псих.н., ИС РАН;

МАРКИН В.В. — д.социол.н., проф., ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С.В. — к.ист.н., ИС РАН;

РЫЖОВА С.В. — к.социол.н., ИС РАН;

СОГОМОНОВ А.Ю. — к.ист.н., ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З.П. — д.ист.н., проф., ИС РАН.

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	5
Тема номера: Образование и молодёжь в России.....	8
<i>Савинков В. И., Шереги Ф. Э.</i> Национальный проект «Образование» и модернизация системы высшего образования	8
<i>Ключарёв Г. А.</i> Приватизация как модернизационный путь развития профессионального образования	35
<i>Чередниченко Г. А.</i> Молодёжь после получения среднего образования: образовательные и профессиональные траектории	67
<i>Семенова Л. А.</i> Особенности профессионально-трудового самоопределения молодёжи	87
<i>Магун В. С.</i> Движение от традиционных семейных норм к современным: сравнение России и Франции.....	106
К методологии научных исследований.....	117
<i>Тихонов А. В., Рабинович Е. И.</i> Толковый словарь по социологии управления. Методологическое основание разработки.....	117
<i>Климова С. Г.</i> Теоретические подходы к изучению трудовых отношений на предприятии в методологии ситуационного анализа	132
<i>Гиндилис Н. Л.</i> Науковедение глазами его создателей	149
Трибуна молодого учёного	160
<i>Подъячев К. В.</i> Политическая методология в контексте формирования «умной политики».....	160
<i>Щеголькова Е. Ю.</i> Межэтнические взаимодействия населения Большого Сочи	172
<i>Грицай Л. А.</i> Социальное измерение современного российского родительства	187
Онлайн-приложения	
<i>Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры (несколько эпизодов)</i>	
<i>Шубкин В. Н. Пределы</i>	
<i>Гиндилис Н. Л. Серия интервью с российскими учёными</i>	

И.А. ХАЛИЙ
заместитель главного редактора
«Вестника Института социологии»,
доктор социологических наук

Представляю номер

Тема этого номера «Образование и молодёжь в России», которую представляет Давид Львович Константиновский (см. видеозапись на [сайте журнала](#)), лучше него не скажешь – не будем и пытаться. Но стоит дать характеристику наполнению рубрики.

Первая статья – автор Г. А. Ключарёв – посвящена модернизации процесса финансирования учреждений образования и его последствиям для качества самого образования – в каких институциях можно будет получить элитное (т. е. высококачественное), а где – массовое, и кто какое сможет обрести.

Во второй статье – авторы В. И. Савинков и Ф. Э. Шереги – представлен анализ результатов, достигнутых благодаря Национальному проекту «Образование», показано, насколько этот проект уже создал некую стартовую платформу для дальнейшей модернизации.

Последствиям полученного образования для молодёжи и открывающимся в связи с этим для неё перспективам посвящены две следующие статьи – авторы Г. А. Чередниченко и Л. А. Семёнова. Исследования показали, что нерешённых проблем в обществе в сфере образования очень много. И не обращать на них внимания нельзя.

Наконец, последняя в рубрике статья – автор В. С. Магун – обращается к проблемам образования неожиданным ракурсом: сравнительное исследование семейных ценностей в России и Франции приводит к выводу об их зависимости от уровня и качества образования. И это ещё раз подчеркивает высокую значимость образования для жизни и развития общества.

Вторая рубрика – для нашего журнала уже традиционная. В данном номере названа «К методологии научных исследований». В двух первых статьях рассматривается методология конкретных научных изысканий: в статье А. В. Тихонова и Е. И. Рабиновича представлен теоретико-методологический

подход, используемый при создании толкового словаря по социологии управления, а в работе С. Г. Климовой – применение ситуационного анализа в исследовании трудовых отношений. В фокусе третьей статьи рубрики (автор Н. Л. Гиндилис) находится собственно наука и науковедение: что это, зачем, для чего, кому необходимо. В онлайн-приложении (см. [на сайте](#)), опубликованном на сайте журнала, помещены сами авторские интервью с учёными, которые, надеемся, вызовут интерес у научного сообщества.

Главный редактор журнала М. К. Горшков, рассказывая о «Вестнике Института социологии» (см. видеообращение на [сайте журнала](#)) обещал давать слово молодым учёным. Мы представляем рубрику «Трибуна молодого учёного». Она открывается статьей молодого политолога К. В. Подъячева (хочется верить, это не последняя публикация политологов в Вестнике). Со свойственным молодым исследователям максимализмом автор предлагает скорректировать вектор политологических исследований, давая вполне достойное обоснование необходимости такого изменения. Этот материал можно рассматривать как добавление к предыдущей рубрике.

Вторая статья молодёжной рубрики – автор Е. Ю. Щеголькова – повествует о межэтническом взаимодействии жителей столицы Олимпиады-2014 – мультинационального Сочи. Значимость темы для современности трудно переоценить, а с учётом того, что автор опирается на анализ собственных эмпирических данных, её выводы заслуживают доверия.

Третья статья принадлежит перу молодого учёного из Рязани Л. А. Грицай (мы с большим интересом ожидаем новых материалов от учёных из российских регионов!) и посвящена теме современного родительства. Этот материал перекликается со статьёй о семейных ценностях В. С. Магуна: вывод последнего о преобладании традиционализма в этой сфере подтверждается не только анализом данных по ценностным основаниям родительства, но и попыткой молодого автора обосновать справедливость данного выбора наших соотечественников.

В рубрике «Наше наследие» планируется размещать труды наших ушедших коллег, которые и сегодня отличает актуальность, высокий уровень теоретизирования и значимость выводов, задающие нам, современным учёным, планку, которую не следует снижать.

Но, чтобы не ограничивать объём публикаций в этой рубрике и не сокращать возможности для публикации ныне здравствующих авторов, мы решили разместить эту рубрику непосредственно на сайте (см. [онлайн-приложение](#)), вне номеров журнала. Мы постараемся наполнять её с большей периодичностью, чем у самого журнала.

К выходу второго номера Вестника приурочено две статьи.

Статья Геннадия Семёновича Батыгина, безвременно ушедшего от нас 8 лет назад. В апреле 2011 г. ему бы исполнилось 60 лет. Мы стремимся к тому, чтобы этот уход не означал забвения его научных трудов. Уверены, что в них много ценного для современной науки. В [онлайн-приложении 1](#) опубликована статья «Советская социология на закате сталинской эры».

Совсем недавно мы утратили выдающегося ученого Владимира Николаевича Шубкина. Это большая потеря для научного сообщества. Публикуемая нами в [онлайн-приложении 2](#) его статья поражает тем, что 30 лет назад, в глубоко застойные советские времена, учёный смог выступить с такими подходами к деятельности социолога-профессионала, которые важны для нас и сейчас. Особенно советуем прочитать и усвоить её основные положения нашим молодым коллегам.

Т е м а н о м е р а : О б р а з о в а н и е и м о л о д ё ж ь в Р о с с и и

Н а ц и о н а л ь н ы й п р о е к т «Образование» и модернизация системы высшего образования

Савинков Владимир Ильич –

кандидат социологических наук, ведущий
советник Аппарата Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

e-mail: anpavluk@gmail.com

Шереги Франц Эдмундович –

кандидат философских наук, директор Центра
социального прогнозирования

e-mail: f-sheregi@inbox.ru

Национальный проект «Образование» и модернизация системы высшего образования

Аннотация

В статье на основе анализа данных экспертных опросов рассматриваются преимущества вузов – участников национального проекта «Образование» и условия, необходимые для успешной реализации программы модернизации высшего образования. Авторы утверждают, что в процессе реализации мероприятий модернизации потребуются коррекция отдельных решений в сфере нормативного и финансового обеспечения системы образования в РФ.

Abstract

The article uses the data of expert studies to explore the advantages of universities and colleges – participants of the national project “Education” and the conditions necessary for the to successfully implement the program of modernizing higher education. The authors claim that modernization requires a change in legal and financial foundations underlying contemporary Russian system of education.

Ключевые слова: национальный проект «Образование», высшее образование, модернизация образования

Keywords: national project “Education”, higher education, modernization of education

Национальный проект «Образование» как фактор модернизации системы высшего образования

Модернизация системы образования является органической частью модернизации экономики России (см.: [1; 2]). Стержневым мероприятием модернизации образования сегодня выступает национальный проект «Образование», призванный внести положительные изменения в образовательную практику на институциональном уровне. Обладая пятилетним временным лагом реализации, этот проект стал действенным стимулом творческих инициатив образовательных учреждений, связующим звеном между социальной политикой государства, направленной на модернизацию социально-экономических отношений, рост благосостояния населения и активизацию инновационных процессов в системе общего и профессионального образования (см.: [3; 4]).

Цель проводимых мероприятий – не просто выявить победителей конкурса, но и стимулировать инновационную активность всех остальных образовательных учреждений страны. Так, результаты экспертного опроса показали¹, что вузы, победившие во всероссийском конкурсе, существенно отличаются от вузов аналогичного профиля, не участвующих в национальном проекте. Представители администрации субъектов РФ выделили семь преимуществ вузов – участников национального проекта:

1. Правильный подход к кадровой политике, заключающийся в подборе специалистов не по внешним, «документальным» критериям, а по фактическому уровню научной квалификации;
2. Более совершенную организационную структуру вуза;
3. Широкое международное научное сотрудничество вуза с ведущими университетами экономически развитых стран;
4. Повышенное внимание к целевой подготовке собственных кадров в аспирантуре и докторантуре;
5. Умение преподавателей «вплетать» в педагогический процесс достижения современной науки;
6. Ориентацию факультетов на подготовку кадров, прежде всего, для территориальной экономики;

¹ В качестве экспертов в ходе опроса, проведенного Центром социального прогнозирования и маркетинга, выступили: 1) руководители органов управления образованием субъектов РФ; 2) руководители муниципальных (районных) органов управления образованием; 3) руководители вузов; 4) руководители общественных организаций и СМИ. Всего опрошено по квотной выборке 420 экспертов.

7. Тесное сотрудничество вуза с промышленными предприятиями в проведении производственной практики студентов.

Победа вуза в конкурсе в рамках национального проекта «Образование», по мнению представителей администрации субъектов РФ, оказала положительное влияние как на статус вуза в целом, так и на его рейтинг среди других учебных заведений региона. Это проявилось, прежде всего, в значительном повышении интереса к вузу со стороны выпускников средних школ региона. Кроме того, по мнению и населения регионов, и специалистов, в значительной степени вырос престиж диплома вуза – участника ПНПО, усилился интерес к инновационному опыту вуза со стороны других вузов региона, увеличилось число заказов предприятий и учреждений региона на подготовку специалистов, активизировались международные научные контакты. Многие преподаватели и научные сотрудники вуза – участника ПНПО привлечены в качестве экспертов в различные комиссии государственных органов, учреждений и производственных предприятий, вуз расширил шефство над школами в деле профессиональной ориентации.

Взаимоотношения представителей региональной власти с вузами, участвующими в национальном проекте «Образование», эксперты оценивают достаточно высоко. Они отмечают, что региональные власти оказывают содействие материально-техническому, кадровому и научному развитию вузов. Сам вуз-победитель, по мнению экспертов, в целом приветствует попытку региональных властей вникнуть в его проблемы, старается внедрить результаты образовательных инноваций в образовательную программу региона. Взаимодействие всех вузов – участников национального проекта «Образование» – с территориальными органами власти стало более плодотворным. По мнению 60% опрошенных руководителей вузов-победителей, региональные власти содействуют и материально-техническому, и кадровому, и научному развитию вуза. Остальные указали на то, что с региональными органами власти взаимодействие «корректное», проблем нет, но и помощи нет. 60% вузов принимают активное участие в решении вопросов социально-экономического развития региона.

С результатами инновационной деятельности вузов могут ознакомиться все желающие, кто проявит к этому интерес и обратится за информацией; однако сами вузы не придают своей работе широкой огласки, о чём свидетельствуют наши респонденты¹.

¹ Каждый пятый представитель СМИ из числа опрошенных вполне доволен степенью гласности и открытости инновационной деятельности вуза-победителя, чему способствуют регулярные активные контакты вуза со СМИ, предоставление информации о своей работе и достижениях. Однако треть указала, что инновационная деятельность вуза-победителя в их регионе ведется «замкнуто», доступ к информации имеют только специалисты.

Взаимодействие всех вузов – участников национального проекта «Образование» – с территориальными органами власти стало более плодотворным. По мнению 60% опрошенных руководителей вузов-победителей, региональные власти содействуют и материально-техническому, и кадровому, и научному развитию вуза. Остальные указали на то, что с региональными органами власти взаимодействие «корректное», проблем нет, но и помощи нет.

Эксперты дали высокую оценку взаимоотношений вуза-победителя с общественными организациями. Большинство указали, что общественные организации осуществляют с вузом своего региона совместные программы по поддержке талантливой молодёжи. Вуз-победитель регулярно приглашает представителей общественных организаций для обсуждения планов совместных благотворительных акций, поддерживает культурные движения молодёжи региона, предоставляя для этого свой клуб, шефствует над массовым спортивным движением молодёжи, поддерживает её творческие инициативы, предоставляя для этого свою материальную базу, хотя имеются и проблемы¹.

С точки зрения экспертов, главная цель национального проекта для системы высшего профессионального образования состоит в повышении качества образования. Кроме того, они полагают, что проект: позволит повысить квалификацию профессорско-преподавательского состава вузов-победителей; даст стимул к ускоренной модернизации высшего профессионального образования; будет содействовать укреплению материально-технической базы вузов; поддержит молодые таланты, учёных; будет способствовать качественному усовершенствованию образовательных программ; улучшит подготовку высококвалифицированных конкурентоспособных специалистов в соответствии с имеющимся и прогнозируемым спросом рынка труда; позволит сформировать новые управленческие механизмы в системе образования; будет способствовать поиску активных форм обучения и привлечению государственных и частных инвесторов для поддержки науки, работающей на социально-экономическое развитие регионов; даст толчок развитию инновационных технологий, инновационной деятельности образовательных учреждений; будет содействовать гарантированному трудоустройству студентов; окажет поддержку лидерам образования, активно внедряющим инновационные технологии; расширит доступность образования и послевузовских программ обучения с последующим трудоустройством специалистов по профессии; положительно повлияет на модернизацию образования; повысит престиж вуза в общественном мнении; усилит взаимодействие науки и образования, бизнеса и науки; будет способствовать закреплению высококвалифицированных кадров в вузе; снизит различия в системе подготовки молодых специалистов между вузами центральных и других регионов; явится стимулом для развития других вузов, пока не участвующих в национальном проекте.

Рассмотрим, как повлияло участие вузов в национальном проекте «Образование» за последние два года на характер их образовательной и научной деятельности. Согласно данным

¹ Всего 20% опрошенных руководителей общественных организаций в регионах отметили, что инновационной деятельности вуза-победителя присуща широкая гласность. Большинство же (58,5%) указали, что инновационная деятельность вуза-победителя ведётся в целом открыто, но со стороны вуза скорее «пассивно».

С точки зрения экспертов, главная цель национального проекта для системы высшего профессионального образования состоит в повышении качества образования.

экспертного опроса, благодаря государственной поддержке в рамках национального проекта «Образование», в вузах произошли следующие изменения:

- достигнуты значительные успехи в области научных исследований;
- повысились уровень и качество использования достижений современной науки в образовательном процессе;
- стали шире применяться активные формы обучения студентов и аспирантов;
- усовершенствовалась организационная структура вузов;
- активизировалось сотрудничество вузов с промышленными предприятиями по проведению производственной практики студентов.

Это важные изменения, соответствующие основным целям национального проекта – повышению качества образовательного процесса и инновационного уровня научной работы вузов. Однако вузам не удалось осуществить отбор талантливой молодёжи на условиях предоставления беспроцентного долгосрочного образовательного кредита и только частично удалось расширить и укрепить международное научное сотрудничество с ведущими университетами экономически развитых стран, активизировать использование модульного принципа в образовательном процессе.

Во многих вузах усовершенствовалась организационная структура. В каждом втором вузе расширились демократические начала управления на уровне принятия стратегических решений образовательной политики. Осуществлена целевая ориентация факультетов на подготовку кадров, прежде всего, для региональной экономики, стало более тесным взаимодействие с региональными предпринимателями по развитию материально-технической базы вуза на условиях соучреждения, развивается непрерывное образование на основе программ дистанционного обучения. Активно внедряется программа двухуровневой подготовки специалистов (бакалавриат и магистратура).

В то же время, как отметили эксперты, изменения статуса вузов как ресурсных инновационных центров незначительны. Они коснулись в основном намерений вузов распространить свой инновационный опыт в других вузах, не участвующих в национальном проекте.

Реализация национального проекта «Образование» как стержневого фактора модернизации системы образования в ближайшие годы столкнётся с негативной демографической тенденцией. В предстоящие пять лет государственная политика, в том числе реализация приоритетных направлений развития образования, в большой степени будет зависеть от

Реализация национально-го проекта «Образование» как стержневого фактора модернизации системы образования в ближайшие годы столкнётся с негативной демографической тенденцией.

значительного колебания численности той части населения, которую принято называть учащейся молодёжью. В обозначенный период изменение её численности будет подвержено негативному влиянию «демографической ямы» – резкому сокращению (источник прогнозных данных: [5]). Для Российской Федерации, не отличающейся высоким уровнем рождаемости, период до 2013 г. в демографическом плане неблагоприятный. Это может явиться причиной нежелательных экономических и социальных последствий.

В частности, способствовать сокращению: числа образовательных учреждений; численности персонала, обслуживающего сферу образования; спроса со стороны населения на широкий спектр товаров и услуг, связанных со сферой образования; трудовых ресурсов, особенно в отраслях экономики, уже сегодня демонстрирующих увеличение спроса на квалифицированных специалистов.

Прогноз до 2013 г. свидетельствует, что численность населения в возрасте 7–22 года будет уменьшаться весь этот период. В сравнении с 2006 г., в 2012 г. численность представителей этой возрастной группы будет меньше на 21%, а численность учащейся молодёжи образовательных учреждений всех типов (общеобразовательных и профессиональных) – на 17%. В то же время, за счёт роста рождаемости, впервые за явившем о себе в 2000 г., уже в 2010 г. произойдёт рост доли учащихся в составе населения, и этот показатель в дальнейшем будет увеличиваться, прежде всего за счёт роста доли учащихся общеобразовательных школ (см. рис. 1 и таблицу 1).

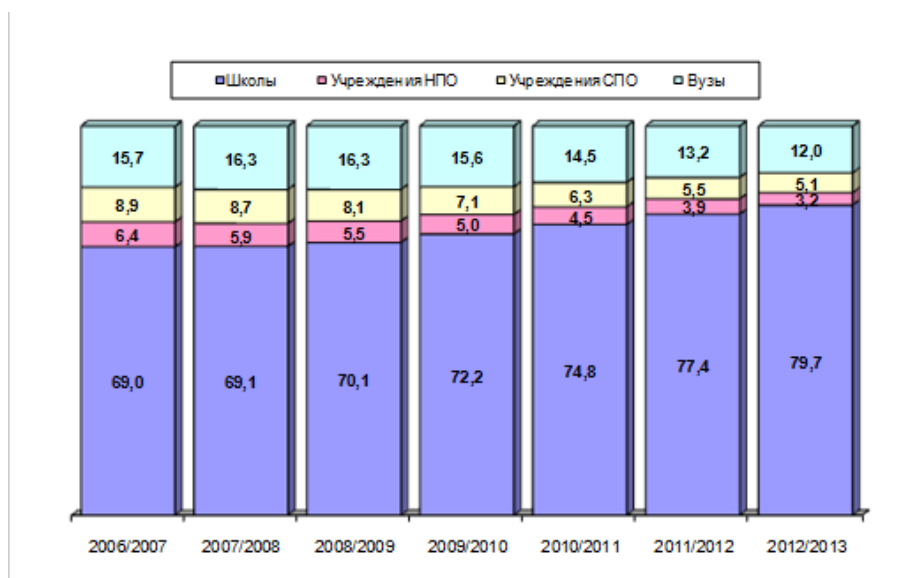

Рис. 1. Прогноз доли обучающихся по очной форме по типам образовательных учреждений, %

Таблица 1

**Прогноз численности обучающихся по очной
форме по типам образовательных учреждений
Российской Федерации, тыс. человек**

Образовательные учреждения	Учебный год						
	2006/2007	2007/2008	2008/2009	2009/2010	2010/2011	2011/2012	2012/2013
Школы	14263,7	13674,8	13266,5	13174,5	13253,4	13461,0	13666,5
Учреждения начального профессионального образования (НПО)	1332,4	1170,6	1041,0	912,2	788,6	670,6	555,8
Учреждения среднего профессионального образования (СПО)	1836,0	1715,3	1526,2	1304,1	1112,2	964,7	869,5
Вузы	3251,2	3234,3	3086,6	2850,0	2566,4	2292,5	2058,6
Всего обучающихся по очной форме	20683,3	19795,0	18920,3	18240,8	17720,6	17388,8	17150,4

Демографическая проблема приведёт в основном к сокращению численности студентов. Сокращение численности преподавателей нецелесообразно, т. к. через 4 года предстоит рост численности учащихся и, соответственно, студентов вузов.

Опыт реализации национального проекта «Образование» свидетельствует о том, что он оказывает весьма благотворное влияние на развитие вузовской науки. Подавляющее большинство преподавателей всех вузов, участвующих в национальном проекте, оценивают состояние научной работы в своём учебном заведении положительно (см. рис. 2). Преподаватели вузов, не участвующих в национальном проекте, оценили состояние науки в своём учебном заведении значительно критичнее, чем преподаватели вузов, участвующих в национальном проекте. Благотворным изменениям в вузовской науке, по мнению последних, в значительной мере способствовала государственная бюджетная поддержка.

Демографическая проблема приведёт в основном к сокращению численности студентов. Сокращение численности преподавателей нецелесообразно, т. к. через 4 года предстоит рост численности учащихся и, соответственно, студентов вузов.

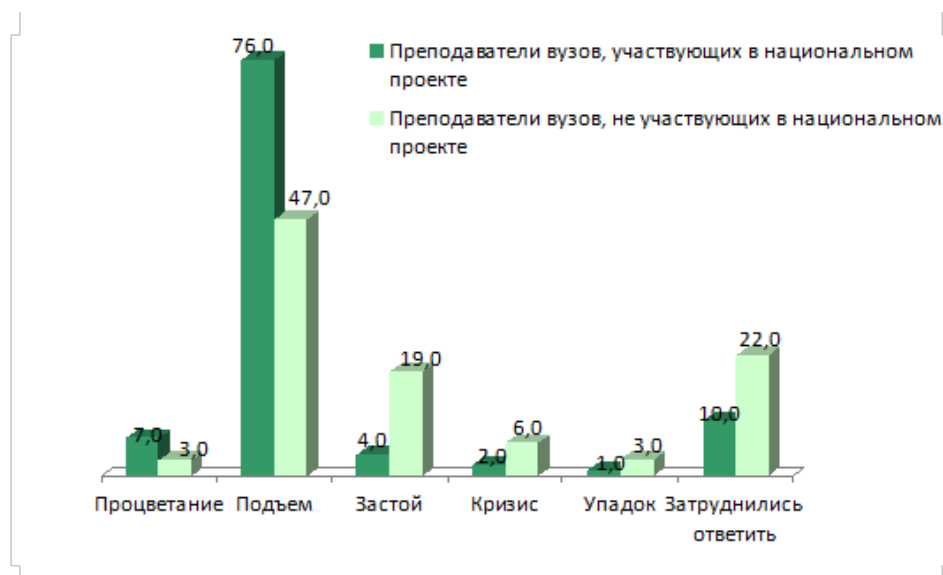

Рис. 2. Оценка преподавателями вузов – участниками национального проекта «Образование» – состояния науки в своём вузе в 2009 г., %

В вузах – участниках национального проекта – наиболее широкий ассортимент форм конечных результатов научной работы реализовали преподаватели экономического и технического профилей. Больше всего монографий и учебников написали экономисты, учебных пособий – преподаватели технического и гуманитарного профилей, диссертации активнее всего защищались по естественнонаучному профилю, интенсивнее других преподаватели этой специализации занимались написанием отчётов по итогам исследования (каждый второй). В изобретениях для патентования (или в патентовании) лидируют аграрии (14%), у них лучшие результаты и по внедрению в производство (29%). Эти данные рождают оптимистические выводы, что сельскохозяйственная наука после долгого застоя начала возрождаться, пусть пока в отдельных, лучших вузах. Конечные результаты научной работы в формах изобретения и внедрения представлены также преподавателями технического и экономического профилей (см. таблицу 2).

Так ли однозначен научный успех этих вузов по сравнению с теми, которые обнародовали меньшее количество результатов своего научного труда? Значимость научной продукции во многом определяется формой, в которой представлены результаты научной работы. Выступление на конференции, организованной вузом, публикация тезисов или методическое пособие не идут в сравнение с монографией, запатентованным изобретением и тем более с запуском его в производство. Конечно, в иных тезисах в концентрированном виде могут содержаться идеи, делающие переворот в науке, а монография может быть «пустой». Но эти случаи редки. Сравнительный анализ с полным основанием позволяет сделать вывод, что преподаватели вузов, не участвующих в национальном проекте, значительно чаще результаты своей научной работы обнародо-

вали в формах меньшего научного «калибра», чем преподаватели вузов – участников национального проекта, а в формах большего «калибра» – реже.

Таблица 2

Преподаватели вузов – участников национального проекта – о конечном результате своей научной работы, в зависимости от специализации, %

Конечный результат научной работы	Основная специализация				
	Гуманитарная	Экономическая	Естественнаучная	Техническая, инженерно-техническая	Сельскохозяйственная
Выступление, доклад	37,5	35,3	70,6	54,9	57,1
Статья (статьи)	62,5	64,7	76,5	58,8	28,6
Брошюра (брошюры)	12,5	5,9	17,6	11,8	0,0
Монография	0,0	23,5	5,9	5,9	14,3
Изобретение для патентования (или патентование)	0,0	5,9	0,0	13,7	14,3
Отчет по итогам исследования	12,5	29,4	52,9	49,0	14,3
Учебник	0,0	11,8	5,9	7,8	0,0
Учебное или методическое пособие	50,0	35,3	41,2	51,0	42,9
Диссертация	0,0	11,8	17,6	2,0	0,0
Внедрение в производство	0,0	11,8	0,0	3,9	28,6
Не было конечного результата	0,0	11,8	5,9	3,9	28,6

Инновационные инициативы вузов, поддержанные национальным проектом, были встречены в коллективах учебных заведений с большим энтузиазмом, хотя их личное участие в инновационных программах различных статусных групп неодинаково. Больше всего проявляющих энтузиазм и активность в реализации инновационных инициатив – среди представителей администрации и профессорско-преподавательского состава вузов – участников национального проекта (соответственно 78% и 61%).

Активность участия преподавателей в инновационной образовательной программе вуза в значительной степени зависит от наличия у них учёной степени. В вузах – участниках национального проекта – в инновационной образовательной программе задействовано значительно больше преподавателей, не имеющих ученой степени, – 41%, в том числе 18,5% – активно (см. рис. 3).

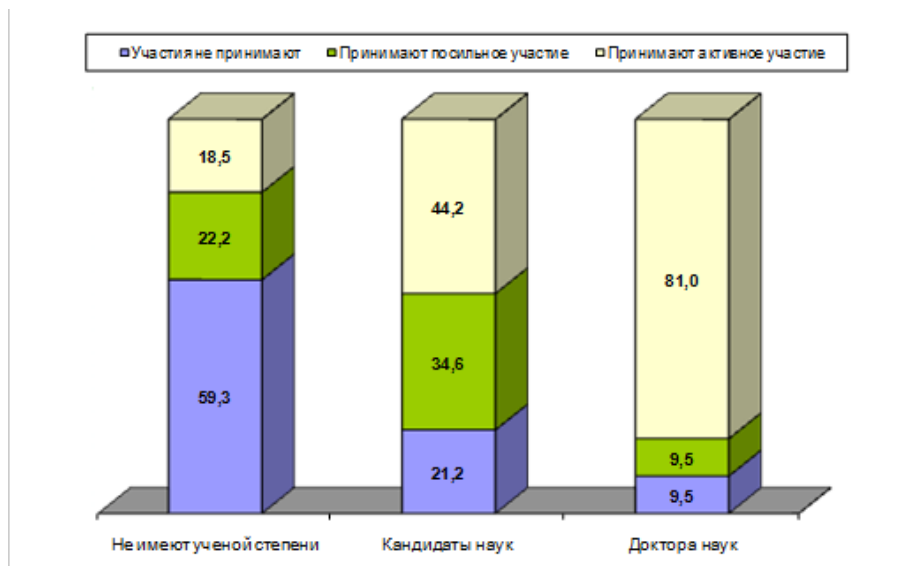

Рис. 3. Степень участия преподавателей вузов – участников национального проекта – в инновационной образовательной программе учебного заведения, в зависимости от ученой степени, %

Подавляющее большинство преподавателей вузов – участников национального проекта – были заняты в мероприятиях по совершенствованию образовательного процесса. Количественный и качественный сравнительный анализ широкого спектра мероприятий, в которых участвовали преподаватели, позволяет сделать следующие выводы: большинство преподавателей принимают участие в мероприятиях, касающихся совершенствования форм организации учебного процесса, пересмотра учебных программ и подготовки новых учебных курсов, а также подготовки методических материалов и учебников, что подтверждается конечными результатами их научной деятельности; по общему количеству участников в большинстве мероприятий лидируют преподаватели вузов, которые более 2-х лет задействованы в национальном проекте.

В связи с получением вузами государственной бюджетной поддержки большая часть (54%) преподавателей вузов – участников национального проекта – отметила, что они в своей работе ориентируются на современные технологии (см. рис. 4).

В вузах, получивших господдержку, задача всеобщей компьютерной грамотности преподавателей в целом решена, и в таком плане проблемы больше нет. Решена эта задача и в вузах, не участвующих в национальном проекте. В современных условиях нельзя представить развитие эффектив-

ных методов обучения без применения электронной техники, электронных учебных материалов. В улучшении условий образовательной деятельности, в совершенствовании учебного процесса, его интенсификации важная роль отводится внедрению в «образовательное пространство» новейших информационных технологий.

Среди преподавателей вузов-участников национального проекта каждый четвёртый занимается совершенствованием условий образовательной деятельности за счёт расширения сферы применения информационных технологий. Но обеспеченность электронными учебными материалами ещё недостаточна даже в тех вузах, которые участвуют в национальном проекте.

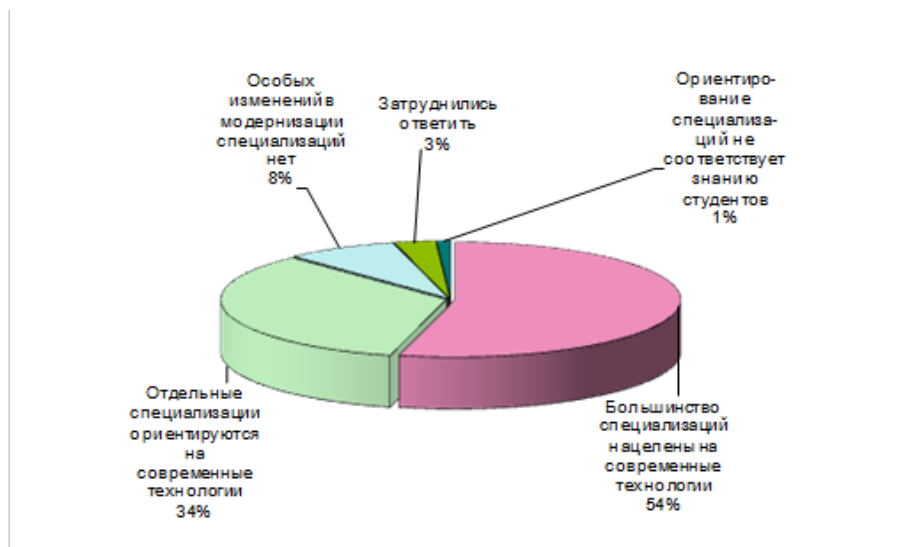

Рис. 4. Мнения преподавателей вузов – участников национального проекта – о том, как меняются образовательные программы факультетов в связи с получением вузом государственной бюджетной поддержки

В вузах, получивших господдержку, задача всеобщей компьютерной грамотности преподавателей в целом решена, и в таком плане проблемы больше нет. Решена эта задача и в вузах, не участвующих в национальном проекте. В современных условиях нельзя представить развитие эффективных методов обучения без применения электронной техники, электронных учебных материалов. В улучшении условий образовательной деятельности, в совершенствовании учебного процесса, его интенсификации важная роль отводится внедрению в «образовательное пространство» новейших информационных технологий.

Среди преподавателей вузов – участников национального проекта – каждый четвёртый занимается совершенствованием условий образовательной деятельности за счёт расширения сферы применения информационных технологий. Рабочие места многих преподавателей оборудованы разнообразной электронной техникой. Преподаватели вузов – участников национального проекта – имеют в целом широкие возможности для использования в учебном процессе электронных учебных материалов, наличие которых в вузе подтвердили 64% опрошенных преподавателей. Формы имеющихся электронных материалов: учебные пособия, лекционные материалы, лабораторные работы, методические материалы, программы тестирования, пособия для самостоятельных работ студентов. Среди

причин, по которым некоторые преподаватели не пользуются электронными учебными материалами при их наличии в вузе, назывались две: недостаточное количество компьютерных аудиторий, в которых могли бы работать все «предметники» по расписанию; отсутствие необходимого количества компьютеров для проведения полноценного занятия.

Таким образом, обеспеченность электронными учебными материалами преподавателей ещё недостаточна даже в тех вузах, которые участвуют в национальном проекте.

Говорить о том, что перечисленные формы инноваций несут в себе значительный образовательный прогресс, нет оснований. Здесь, скорее всего, речь может идти о практике восполнения технологического отставания в системе образования. Такие же «инновационные» процессы происходят и в вузах, не участвующих в национальном проекте, только более медленными темпами из-за недостатка материально-технического потенциала и квалифицированных кадров.

Мониторинг показал высокую стабильность состава профессорско-преподавательских кадров в вузах – участниках национального проекта. Увольнение кадров по собственной инициативе – явление редкое. Более того, за последние годы в трети вузов – участников национального проекта – наметился приток молодых кадров. Ситуация здесь более благоприятная, чем в вузах, не участвующих в национальном проекте. Взаимодействие и взаимопомощь между вузами-победителями и остальными вузами страны в настоящее время трудно назвать активными. Всего 10% опрошенных руководителей вузов, не участвующих в национальном проекте, ответили, что руководство победившего вуза обращалось к ним с предложением перенять свой инновационный опыт для внедрения в практику научно-педагогической работы. Из них никто не согласился принять предложение вуза-победителя, решив, что данный инновационный опыт им не подходит.

Одна из важных функций национального проекта «Образование» – содействие широкой практике непрерывного образования. Непременное условие развития современной системы непрерывного профессионального образования – создание условий для повышения роли общественных институтов в управлении образованием. Здесь речь идёт не только о повышении эффективности образовательных функций, но и об усилении демократических принципов управления таким важным социальным институтом, как система профессионального образования. В рамках модернизации образования участие общественности в управлении этой сферой предполагается осуществить путём закрепления правового статуса попечительского, управляющего и наблюдательного советов образовательных учреждений. Что касается попечительских функций общественных институтов в управлении образованием, то они и ранее пользовались, и в настоящее время пользуются поддержкой абсолютного большинства представителей

Мониторинг показал высокую стабильность состава профессорско-преподавательских кадров в вузах – участниках национального проекта. Более того, за последние годы в трети таких вузов наметился приток молодых кадров. Ситуация здесь более благоприятная, чем в вузах, не участвующих в национальном проекте.

Непременное условие развития современной системы непрерывного профессионального образования – создание условий для повышения роли общественных институтов в управлении образованием.

педагогической общественности (95%). Однако такие органы общественных институтов, как управляющий и наблюдательный советы, поддержкой большинства (кроме руководителей органов управления образованием субъектов РФ) не пользуются.

Главная цель национального проекта «Образование» для высшей школы – повышение качества образования. Для достижения этой цели необходимо усилить работу вузов по следующим направлениям: модернизация процесса повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов-победителей; ускоренная модернизация процесса профессионального образования; укрепление материально-технической базы вузов; поддержка молодых талантов, учёных; модернизация и усовершенствование образовательных программ; подготовка высококвалифицированных конкурентоспособных специалистов в соответствии с имеющимся и прогнозируемым спросом рынка труда; формирование новых управленческих механизмов в системе образования и поиск активных форм обучения; улучшение информационной базы вуза; расширение международных контактов вуза; привлечение государственных и частных инвесторов для поддержки науки и профессиональной подготовки специалистов, работающих на социально-экономическое развитие регионов; развитие инновационных технологий; поддержка инновационной деятельности образовательных учреждений; содействие гарантированному трудоустройству студентов по специальности; регулярный обмен опытом с лидерами образования, активно внедряющими инновационные технологии; реформирование учебного процесса при подготовке специалистов с высшим образованием (изменение перечня предметов, изучаемых студентами); расширение доступности образования и послевузовских программ обучения с последующим трудоустройством специалистов; усиление взаимодействия науки и образования.

Всё сказанное свидетельствует о положительном эффекте национального проекта в вузах-победителях, однако о конечных итогах в плане активизации их инновационной образовательной деятельности говорить ещё рано. Реализация ПНПО способствовала формированию позитивных ожиданий в сфере образования, которые касались благожелательного отношения СМИ к проблемам вузов, поддержки инновационной деятельности, новых образовательных проектов. В вузах возник интерес к самоанализу своих образовательных достижений, определению перспектив развития.

Не менее важно и в дальнейшем поддерживать усилия вузов – участников национального проекта, ориентированные на расширение практической направленности учебного процесса и взаимодействия со службой учёта и регулирования рынка труда, переориентацию специализаций факультетов с учётом спроса региональной экономики на специалистов интеллектуального труда.

Реализация ПНПО способствовала формированию позитивных ожиданий в сфере образования, которые касались благожелательного отношения СМИ к проблемам вузов, поддержки инновационной деятельности, новых образовательных проектов. В вузах возник интерес к самоанализу своих образовательных достижений, определению перспектив развития.

Необходимо также стимулировать такую, пока ещё слабо развитую форму повышения эффективности, унификации образовательного процесса, динамизма студентов, как использование модульного принципа образовательного процесса.

Есть сферы, где резерв для улучшения всё ещё остаётся большим. Это, прежде всего, социальные гарантии для преподавателей, условия международной коммуникации, оплата труда. Проблемы, которые сегодня необходимо решать в вузах, участвующих в национальном проекте, проистекают, как показал мониторинг, из того, что существенного притока новых научных и преподавательских кадров в вузы не наблюдается. Также недостаточна спонсорская деятельность вуза в области поиска молодых талантов и их безвозмездного обучения на своих факультетах. Не увеличивается численность поступающих в вуз иностранных граждан, практически не растёт число потенциальных соинвесторов в развитие отраслевых факультетов вуза, сотрудники вуза не активизировали просветительскую деятельность среди населения, не стали активнее выступать в СМИ, участвовать в общественных движениях, не растёт число заказов со стороны предприятий и учреждений региона на выполнение научных проектов.

Инновационная деятельность ряда вузов-победителей ведётся «замкнуто», и доступ к ней имеют только специалисты. Что касается взаимодействия вузов, участвующих в национальном проекте, с территориальными органами администрации и общественными организациями, то опыт здесь положительный и достоин дальнейшей поддержки и распространения.

Позитивная роль национального проекта «Образование» в развитии интеллектуального потенциала регионов

Необходимым условием формирования инновационной экономики является модернизация системы образования, как основы динамичного экономического роста и социального развития общества, фактор благополучия граждан и безопасности страны¹. Обновление организационно-экономических механизмов на всех уровнях системы образования призвано обеспечить её соответствие перспективным тенденциям экономического развития и общественным потребностям, повысить практическую ориентацию отрасли, её инвестиционную привлекательность. Важно это и потому, что возможность получения качественного образования продолжает оставаться одной из наиболее важных жизненных ценностей граждан, решающим фактором социальной справедливости и политической стабильности.

¹ Концепция развития образования в общем процессе модернизации российской экономики системно изложена в [6].

Стратегическая цель государственной политики в области образования – повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина.

Реализация этой цели предполагает решение следующих приоритетных задач: 1) обеспечение инновационного характера базового образования; 2) модернизация институтов системы образования как инструментов социального развития; 3) создание современной системы непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров; 4) формирование механизмов оценки качества и востребованности образовательных услуг с участием потребителей, участие в международных сопоставительных исследованиях путём создания прозрачной, открытой системы информирования граждан об образовательных услугах, обеспечивающей полноту, доступность, своевременное обновление и достоверность информации.

Реализация этих целей предполагает в перспективе к 2020 г. формирование 20 научно-образовательных центров мирового уровня, интегрирующих передовые научные исследования и образовательные программы, решающих кадровые и исследовательские задачи общенациональных инновационных проектов; формирование инфраструктуры и институциональных условий академической мобильности студентов и преподавателей; создание условий для обеспечения участия в непрерывном образовании не менее 50% граждан трудоспособного возраста ежегодно; внедрение системы ежегодной поддержки до 100 организаций, реализующих лучшие инновационные программы непрерывного профессионального образования; институциональное обеспечение поддержки семейного воспитания детей во всех муниципальных образованиях; усиление позиций российского образования на мировом рынке образовательных услуг; обеспечение условий, при которых показатели качества образования в российских образовательных учреждениях будут находиться в начале рейтинг-листа результатов международных сопоставительных исследований.

В случае реализации намеченных задач повышение конкурентоспособности российского образования станет критерием его высокого качества, а также обеспечит позиционирование России как одного из лидеров в области экспорта образовательных услуг. Реализация инновационного варианта развития экономики предполагает увеличение общих расходов на образование с 4,8% валового внутреннего продукта (в 2007–2008 гг.) до 7% в 2020 г., в том числе увеличение расходов бюджетной системы – с 4,1% до 5,5–6% валового внутреннего продукта. Естественно, такую нагрузку не может взять на себя только государственный бюджет. Правомерно ожидание активного софинансирования со стороны бизнес-структур. Однако темпы привлечения российского бизнеса к софинансированию системы образования пока нельзя признать удовлетворительными.

Так, по мнению руководителей муниципальных органов управления образованием¹, доля внебюджетных средств в общем объеме инвестиций в школах сегодня составляет в среднем 5%. По мнению руководителей органов управления образованием субъектов РФ, доля внебюджетных средств в общем объеме инвестиций в сферу профессионального образования следующая: высшее профессиональное образование – 30%; среднее профессиональное образование – 20%; начальное профессиональное образование – 10%.

До 2012 г. повысить долю внебюджетных средств в общем объеме инвестиций в школах до 25% считают полностью реальным 6% опрошенных руководителей муниципальных органов управления образованием, реальным только при благоприятных условиях в стране – 29,9%, нереальным – 51,8% и затруднились ответить – 13,7%.

О возможности повысить долю внебюджетных средств в общем объеме инвестиций в сферу профессионального образования мнение руководителей органов управления образованием субъектов РФ следующее (см. таблицу 3).

Таблица 3

Мнение руководителей органов управления образованием субъектов РФ о возможности до 2012 г. повысить до 25% долю внебюджетных средств в общем объеме инвестиций в сферу профессионального образования, %

Уровни профессионального образования	Считают полностью реальным	Считают реальным только при благоприятных условиях в стране	Считают нереальным	Итого считают реальным
Высшее профессиональное образование	31,0	52,4	16,6	73,4
Среднее профессиональное образование	21,4	71,4	7,2	92,8
Начальное профессиональное образование	16,7	61,9	21,4	78,6

¹ Здесь и далее используются результаты общероссийского репрезентативного опроса, проведенного Центром социального прогнозирования и маркетинга. В качестве экспертов к участию в мониторинге были привлечены: руководители управлений образованием субъектов РФ (86 человек), а также районных органов управления образованием (500 человек); руководители органов по делам молодежи, управления образованием, экономической и социальной политики администрации субъектов РФ, в которых находятся вузы-победители общероссийского конкурса национального проекта «Образование» (200 человек); руководители вузов (200 человек); представители средств массовой информации (СМИ), освещающие проблемы высшей школы (200 человек); общественных организаций, взаимодействующих с высшими профессиональными образовательными учреждениями (200 человек).

Треть опрошенных руководителей вузов полагают, что увеличение доли НИОКР и НИР в структуре доходов вуза более чем на 25% – реально; 46,3% считают, что это возможно лишь при благоприятных условиях в стране; нереальным считают 51,8%; и 11,3% затруднились ответить. По мнению 90% руководителей органов управления образованием субъектов РФ, сегодня привлечь предприятия и учреждения частного (акционированного) сектора к софинансированию подготовки квалифицированных специалистов и рабочих в целом нелегко.

Что касается уровня оснащённости учреждений образования современным учебным оборудованием для гарантии высокого качества образования, то, по мнению руководителей органов управления образованием субъектов РФ, оно обеспечено на должном уровне в высших профессиональных образовательных учреждениях – в среднем на 65%, в средних профессиональных образовательных учреждениях – в среднем на 55%, в начальных профессиональных образовательных учреждениях – в среднем на 50%, в учреждениях общего образования – в среднем на 60%.

Что касается уровня оснащённости учреждений образования современным учебным оборудованием для гарантии высокого качества образования, то, по мнению руководителей органов управления образованием субъектов РФ, оно обеспечено на должном уровне в высших профессиональных образовательных учреждениях – в среднем на 65%, в средних профессиональных образовательных учреждениях – в среднем на 55%, в начальных профессиональных образовательных учреждениях – в среднем на 50%, в учреждениях общего образования – в среднем на 60%.

Единого мнения по вопросу о соотношении практических результатов инновационных образовательных программ школ-победителей с основными концептуальными положениями политики развития общего образования региона у руководителей органов управления образованием субъектов РФ нет. Треть опрошенных считает возможным учёт инновационных инициатив школ-победителей при разработке образовательной политики региона, другая треть считает это затруднительным из-за отсутствия технических и финансовых возможностей, и последняя часть респондентов полагает, что большинство инновационных проектов школ-победителей находится в стадии завершения и апробации, поэтому о распространении опыта в региональном масштабе говорить рано.

Результаты исследования показали, что мнения и степень информированности экспертов о ходе реализации национального проекта «Образование» во многом схожи, хотя имеются и различия. Например, оценивая факторы, существенно отличающие вуз-победитель от других вузов аналогичного профиля, представители администрации чаще всего (на это указали 46% данной категории работников) отмечают более совершенную организационную структуру вуза. Представители

СМИ, как правило, выделяют широкие международные контакты вуза с ведущими университетами экономически развитых стран (50%), а с точки зрения представителей общественных организаций самый важный фактор, определяющий инновационный потенциал вуза-победителя – умение преподавателей использовать в педагогическом процессе достижения современной науки (50%).

Представители всех групп экспертов отметили правильную кадровую политику вуза-победителя: повышенное внимание к целевой подготовке собственных кадров в аспирантуре и докторантуре, подбор специалистов не по формальным, «документальным» критериям, а по фактическому уровню научной квалификации.

Для журналистов (38%) и административных работников (39%) более важной, чем для представителей общественных организаций, оказалась практическая направленность учебного процесса: тесное сотрудничество вуза с промышленными предприятиями региона по проведению производственной практики студентов, переориентация специализации факультетов вузов с учётом спроса региональной экономики на специалистов интеллектуального труда.

Административные работники чаще представителей других экспертных групп в качестве инновационного достижения вуза-победителя упоминали работу по отбору талантливой молодёжи на условиях предоставления беспроцентного долгосрочного образовательного кредита (18%). Они же значительно чаще других указывали на развитие вузом-победителем активных форм обучения (39%).

Представители СМИ гораздо реже остальных групп экспертов называли такой фактор, как расширение демократических начал управления на уровне принятия стратегических решений образовательной политики (13%). Они же, в отличие от представителей других групп экспертов, оказались не осведомлены об использовании региональным вузом-победителем модульного принципа образовательного процесса (см. таблицу 4).

Подавляющее большинство опрошенных экспертов (72% журналистов и представителей общественных организаций, 89% административных работников) высоко оценили инновационный потенциал ведущего вуза своего региона. По их мнению, вуз-победитель обладает достаточным опытом разработки и внедрения инновационных образовательных программ и может справиться с ролью ресурсного центра для других вузов не только в масштабах своего региона или города, но и в масштабах всей страны.

Лишь немногие представители СМИ (3%) и общественных организаций (6%) полагают, что вуз-победитель в их регионе не обладает достаточными финансовыми и кадровыми ресурсами, чтобы оказывать помощь другим вузам.

Таблица 4

**Мнения опрошенных экспертов о том, что сделало
возможными инновационные достижения вуза,
расположенного в их городе (регионе), %**

Мнения	Представители СМИ	Представители администрации субъектов РФ	Представители общественных организаций
Более совершенная организационная структура вуза	31	46	16
Расширение демократических начал управления на уровне принятия стратегических решений образовательной политики	13	21	22
Расширение демократических начал самоуправления в студенческом коллективе	6	7	9
Правильный подход к кадровой политике, закрывающийся в подборе специалистов не по внешним, «документальным» критериям, а по фактическому уровню научной квалификации	38	32	34
Повышенное внимание к целевой подготовке собственных кадров в аспирантуре и докторантуре	25	29	41
Ориентация факультетов на подготовку кадров прежде всего для территориальной экономики	22	21	19
Тесное взаимодействие со службой учёта и регулирования рынка труда, переориентация специализации факультетов с учетом спроса региональной экономики на специалистов интеллектуального труда	19	21	16
Умение преподавателей «вплетать» в педагогический процесс достижения современной науки	41	29	50
Тесное сотрудничество вуза с промышленными предприятиями по проведению производственной практики студентов	38	39	28

Продолжение таблицы 4

Мнения	Представители СМИ	Представители администрации субъектов РФ	Представители общественных организаций
Отбор талантливой молодёжи на условиях предоставления беспроцентного долгосрочного образовательного кредита	9	18	6
Взаимодействие с региональными предпринимателями по развитию материально-технической базы вуза на условиях соучреждения	13	7	9
Широкое международное научное сотрудничество вуза с ведущими университетами экономически развитых стран	40	29	31
Использование модульного принципа образовательного процесса	0	14	13
Широкое применение активных форм обучения	19	39	22
Развитие непрерывного образования на основе программ дистанционного обучения	9	7	13

Административные работники, по сравнению с остальными группами опрошенных, заметно выше оценивают потенциал ведущего вуза своего региона и практически не сомневаются в наличии у него достаточных финансовых и кадровых ресурсов для оказания помощи другим высшим учебным заведениям.

Мнения различных экспертных групп об изменении статуса вуза после его победы в конкурсе в рамках национального проекта «Образование» во многом сходны. Практически все группы опрошенных указывают на существенный рост интереса к инновационному опыту вуза-победителя со стороны других вузов региона, а также повышение числа желающих поступить в аспирантуру и докторантуру вуза.

Опрошенные специалисты считают, что после победы в конкурсе многие преподаватели и научные сотрудники вуза были привлечены в качестве экспертов в различные комиссии государственных органов, учреждений и производственных предприятий, стали активнее выступать в СМИ, участвовать в общественных движениях. Значительное повышение в общественном мнении населения и специалистов престижа диплома вуза-победителя отметили в первую очередь административные работники (46%) и представители общественных организаций (22%).

Административные работники лучше представителей других групп экспертов осведомлены о научно-практической и «предпринимательской» деятельности вузов своего региона. Так, они значительно чаще других отмечают у вуза-победителя рост числа заказов со стороны предприятий и учреждений региона на подготовку специалистов (31%) и на выполнение научных проектов (16%).

Практически никто из участников опроса не отметил активизации безвозмездной просветительской деятельности вуза среди населения или его спонсорско-благотворительной деятельности в области поиска молодых талантов с целью их дальнейшего безвозмездного обучения на своих факультетах (см. таблицу 5).

Таблица 5

Мнения опрошенных экспертов о том, как изменился статус (рейтинг) вуза-победителя среди остальных вузов города (региона), %

Мнения	Представители СМИ	Представители администрации	Представители общественных организаций
К инновационному опыту вуза-победителя интерес стали проявлять и другие вузы региона	44	43	47
Резко возрос интерес к вузу со стороны выпускников средних школ	31	21	47
Возросло число заказов со стороны предприятий и учреждений региона на подготовку специалистов	6	7	31
Возросло число заказов со стороны предприятий и учреждений региона на выполнение научных проектов	3	4	16
В значительной степени повысилось число желающих поступить в аспирантуру и докторантуру вуза	19	14	19
В общественном мнении населения и специалистов престиж диплома вуза вырос в значительной степени	3	46	22
Активизировались международные научные контакты вуза	22	14	31

Продолжение таблицы 5

Мнения	Представители СМИ	Представители администрации	Представители общественных организаций
Многие преподаватели и научные сотрудники вуза привлечены в качестве экспертов в различные комиссии государственных органов, учреждений и производственных предприятий	16	18	19
В значительной степени выросло число реальных потенциальных соинвесторов в развитие отраслевых факультетов вуза	6	11	3
Вуз расширил свою деятельность по шефству над школами в деле профессиональной ориентации школьников	0	11	3
Сотрудники вуза стали активнее выступать в СМИ, участвовать в общественных движениях	16	11	19
Сотрудники вуза активизировали безвозмездную просветительскую деятельность среди населения	0	0	0
Вуз стал проводить активную спонсорскую работу в области поиска молодых талантов и их безвозмездного обучения на своих факультетах	0	0	0

Представители всех экспертных групп неоднозначно оценивают степень гласности и открытости освещения вуза-победителя конкурса – своих инновационных достижений.

Так, более половины экспертов отметили, что инновационная деятельность вуза-победителя в их регионах ведётся в целом открыто, но со стороны вуза скорее «пассивно». По их мнению, с результатами инновационной деятельности вуза могут ознакомиться все, кто проявит к этому интерес и обратится за информацией, однако сам вуз не придаёт своей работе желаемой широкой гласности (см. таблицу 6). Около трети административных работников (32%) и 28% журналистов отметили высокую степень гласности и открытости вуза-победителя

своего региона, что обеспечивается регулярными активными контактами вуза со СМИ региона и передачей информации о своей работе и достижениях.

Некоторая часть опрошенных экспертов считает, что инновационная деятельность вуза-победителя их региона ведётся «замкнуто» и доступ к ней имеют только специалисты. Так думают прежде всего представители общественных организаций (28%), часть журналистов (19%), административных работников (14%).

Таблица 6

Мнения экспертов о степени открытости и гласности, с которой вуз-победитель освещает результаты своей инновационной работы, %

Мнения	Представители СМИ	Представители администрации	Представители общественных организаций
Всей инновационной работе вуза-победителя присуща широкая гласность, в том числе регулярная передача информации в СМИ	28	32	13
Инновационная работа вуза-победителя ведётся открыто, с ней могут ознакомиться все желающие, однако сам вуз не предают этой работе желаемой широкой гласности	53	54	53
Инновационная работа вуза-победителя ведётся «замкнуто», доступ к информации о ней имеют только специалисты	19	14	34
Итого	100	100	100

По мнению большинства журналистов и административных работников, взаимоотношения вуза-победителя со СМИ складываются достаточно хорошо: 43% административных работников и 34% журналистов отметили, что вуз-победитель регулярно приглашает представителей СМИ для информирования широкой общественности о своих инновационных достижениях. Ещё 28% журналистов и 18% респондентов из администрации считают, что ведущие вузы их региона проявляют заинтересованность в контактах с представителями СМИ, стремятся сами регулярно освещать результаты своих инновационных достижений, активно готовят для этого специальные сообщения.

Представители общественных организаций и административные работники по-разному оценивают взаимоотношения вуза-победителя с общественными организациями региона. Так, если 19% представителей общественных организаций

отмечают, что вуз слабо с ними контактирует, а помощь со стороны вуза является минимальной, то среди респондентов из администрации таких ответов нет. По мнению большинства представителей общественных организаций и административных работников, отношения между вузом и общественными организациями благоприятные, осуществляются совместные программы по поддержке талантливой молодёжи, проводятся различные мероприятия. Представители администрации оптимистичнее в оценках, заметно выше оценивая роль вуза-победителя в оказании шефской помощи массовому спортивному движению, поддержке культурных движений и творческих инициатив молодёжи региона (см. таблицу 7).

Таблица 7

Мнения экспертов о том, как складывается взаимодействие вуза-победителя с общественными организациями, %

Мнения	Представители общественных организаций	Представители администрации
Отношения благоприятные, осуществляются совместные программы по поддержке талантливой молодёжи	44	39
Вуз-победитель регулярно приглашает представителей общественных организаций для обсуждения планов совместных благотворительных акций	19	11
Вуз-победитель регулярно оказывает поддержку молодёжным и правозащитным организациям	25	21
Вуз-победитель шефствует над массовым спортивным движением молодёжи, предоставляя для этого свою спортивную базу	9	25
Вуз-победитель широко поддерживает культурные движения молодёжи региона, предоставляя для этого свой клуб	16	32
Вуз широко поддерживает творческие инициативы молодёжи, предоставляя для этого свою материальную базу	16	36
Вуз всегда откликается на миротворческие и экологические инициативы молодёжи	9	14
Вуз слабо контактирует с общественными организациями, и помощь со стороны вуза является минимальной	19	0

Резюме

Приведённые данные свидетельствуют о том, что в субъектах Российской Федерации развитие образования происходит в комплексе с модернизацией системы образования в целом, с усовершенствованием иных социальных институтов. Система образования изменяется не только под влиянием федеральной политики, но и в значительной степени подвержена влиянию изменений функционирования региональных систем образования.

Успешность реализации программы модернизации образования во многом определится пониманием её положительной направленности и поддержкой со стороны широких слоёв общества: профессионального сообщества и граждан, как основных потребителей образовательных услуг. Реализовать программу возможно только при активном участии всех заинтересованных сторон: учителей и преподавателей, руководителей учебных заведений, территориальных органов управления образованием. Необходимым условием широкого участия и поддержки программы является полная информированность всех заинтересованных субъектов по всему спектру вопросов, касающихся модернизации образования. К ним следует отнести в первую очередь принципы, цели, задачи и ожидаемые результаты мероприятий по поддержке и обновлению образования. Правомерно предположить, что в процессе реализации мероприятий модернизации потребуются коррекция отдельных решений, в том числе, в связи с необходимостью учёта происходящих в обществе изменений: демографических, экономических, социальных.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что в субъектах Российской Федерации развитие образования происходит в комплексе с модернизацией системы образования в целом, с усовершенствованием иных социальных институтов.

Успешность реализации программы модернизации образования во многом определится пониманием её положительной направленности и поддержкой со стороны широких слоёв общества.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2006 г. № 848 «О мерах государственной поддержки субъектов Российской Федерации, внедряющих комплексные проекты модернизации образования».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 01 декабря 2007 г. № 826.
3. Об основных итогах и перспективах реализации приоритетного национального проекта «Образование» // Образование в документах. Информационно-аналитический бюллетень. Январь 2008, № 2 (17), с. 65.
4. О ходе реализации приоритетного национального проекта «Образование» в 2007 году и задачах на 2008 год // Образование в документах. Информационно-аналитический бюллетень. Январь 2008, № 1 (285), с. 36.
5. Шереги Ф. Э., Зайцев С. Б. Прогноз изменения численности учащейся молодёжи образовательных учреждений Российской Федерации (2007/08 – 2012/2013 учебные годы). – М.: ЦСП, 2008.
6. Указ Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825.

Т е м а н о м е р а : О б р а з о в а н и е и м о л о д ё ж ь в Р о с с и и

П р и в а т и з а ц и я к а к м о д е р н и з а ц и о н н ы й п у т ь р а з в и т и я п р о ф е с с и о н а л ь н о г о о б р а з о в а н и я

Ключарёв Григорий Артурович – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических исследований Института социологии РАН

e-mail: klucharev@isras.ru

Приватизация как модернизационный путь развития профессионального образования¹

Аннотация

В контексте вхождения России в Болонский процесс и признания принципа непрерывности образования на протяжении всей жизни в настоящей статье анализируется один из возможных путей модернизации профессиональной школы – расширение негосударственного (частного) сектора.

Abstract

The article explores possible ways of implementing the Bologna principles that call for continuous life-long education. It proposed creation of private (non-government) universities as a strategy of modernizing learning and vocational training.

Ключевые слова: частное образование, негосударственные вузы, университеты, взрослые учащиеся

Keywords: private higher education, vocational training, quality assurance, adult learners

Введение

Опыт трансформирующихся экономик имеет одну важную особенность, связанную с эволюцией образовательных систем. Оказывается, что по мере перехода к рыночным отношениям доля негосударственного, частного сектора и, соответственно, финансового капитала, неуклонно возрастает. С точки зрения логики рынка ничего странного в этом нет: товарно-денежные отношения распространяются не только на сферу материального производства и оказания услуг, но и на область производства и распространения знаний и технологий. Разумеется, сторонники коммерциализации культуры и об-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-03-00247а «Непрерывное образование, человеческий капитал и социально-экономические неравенства в период трансформаций».

разования подвергаются серьёзной критике, в том числе, и по поводу трудностей с обеспечением качества обучения. Однако, при более внимательном рассмотрении вопроса всякий раз, когда споры заходят о недостаточности качества, приходится уточнять о каком – массовом (инклюзивном) или элитарном (экссклюзивном) – образовании идёт речь. Элитарное образование всегда имеет высокое качество. Массовое, по своему определению, высокого качества быть не может, да и не должно. В этой ситуации в пользу частного (и массового, и элитного) образования приводится следующий основной аргумент: частные инвестиции по сравнению с бюджетным, государственным финансированием обеспечивают более высокую гибкость, адаптабельность учебного процесса к быстро изменяющимся требованиям рынка труда.

Не менее важно и то, что финансовая независимость от государства с его жесткой системой контроля и распределения средств позволяет полнее реализовать на практике один из основных принципов высшей профессиональной школы – университетскую автономию и обеспечение академических свобод. При правильном инвестировании частного капитала и эффективном менеджменте – как об этом свидетельствуют примеры всемирно известных негосударственных учебных центров, таких как Оксфордский, Кембриджский, Гарвардский университеты, Массачусетский технологический институт и ряд других – обеспечивается высокая и стабильная, если говорить языком экономистов, отдача или выгода как в материальных, так и в нематериальных активах.

Конечно, не стоит абсолютизировать роль частного, негосударственного профессионального образования – очень многое зависит от конкретной социально-экономической ситуации и культурно-исторических традиций в каждом конкретном случае. В сегодняшнем мире можно встретить самые разные организационно-правовые формы управления учебными заведениями. Но есть существенная закономерность, которая проявляется в переходных, трансформационных экономиках почти во всех странах: по мере развития рыночных экономик доля негосударственных средств в профессиональном образовании неуклонно возрастает. Происходит приватизация образования, об основных формах которой пойдёт речь в настоящей статье.

Что происходит в мире?

Наблюдается определённая закономерность развития частного образования в странах с переходной экономикой (см.: [1]). Оказывается, что доля частного сектора тем выше, чем значительнее показатели экономического развития страны. Среди лидеров – Чили, где 92,8% всех высших учебных заведений частные. Похожие показатели в Бразилии (89,1%).

Есть существенная закономерность, которая проявляется в переходных, трансформационных экономиках почти во всех странах: по мере развития рыночных экономик доля негосударственных средств в профессиональном образовании неуклонно возрастает. При этом доля частного сектора тем выше, чем значительнее показатели экономического развития страны.

Ещё более впечатляет ситуация в Индонезии, где число негосударственных вузов почти в сто раз превышает государственные (по состоянию на 2009 г. в стране около 2,9 тыс. частных вузов и всего 32 государственных)¹. Среди лидеров приватизации в образовании при сбалансированных показателях – Мексика: 32,7 / 62,3 (0,52), Китай: 14,2 / 40,8 (0,35). В группе постсоветских государств лидирует Грузия: 19,2 / 85,2 (0,23).

Следует, тем не менее, признать, что доля негосударственного профессионального образования существенно варьируется в зависимости от уровня экономического развития страны и культурно-исторических традиций. Как отмечалось, процессы приватизации в образовании характерны на начальных и/или наиболее динамичных этапах экономических трансформаций, именно в эти периоды значение отдачи от вложений может иметь максимальные значения (см.: [2; 3; 4]). С приватизацией в образовании связывают возможность снижения уровня неравенства в обществе. Особенно это имеет значение при переходе от государственного социализма к либеральным рыночным отношениям, – переходе, который, по сути, и составляет содержание рассматриваемой трансформации. Побочным, но достаточно актуальным (сейчас) результатом приватизации является также снижение уровня коррупции в образовании (см.: [5]).

Однако, по мере перехода к стабильным, устойчивым режимам, соответствующим, главным образом, высокой степени экономического развития, темпы приватизации приостанавливаются. Как видно из таблицы 1, не во всех странах со стабильно развитой экономикой частное образование доминирует.

Частное образование, как показывает опыт компаративных исследований (см.: [7]), крайне многообразно. Это многообразие объясняется тем, что оно легче и быстрее (чем государственное и муниципальное) адаптируется к изменениям на рынке труда и в социальной жизни. Провайдеры частного образования могут сотрудничать между собой, создавать лоббистские структуры в виде профессиональных или корпоративных союзов или ассоциаций и действовать по законам и правилам бизнеса и рыночной экономики. Себестоимость образовательного процесса здесь, как правило, ниже, чем в государственном секторе. Это достигается за счёт многих факторов, среди которых, например, возможности быстрой адаптации

¹ Для оценки масштабов и темпов приватизации в образовании используют индекс приватизации, который определяется соотношением следующих показателей: а) совокупная численность студентов, обучающихся в негосударственных заведениях в отношении к общему числу студентов в стране; б) число частных учебных заведений в отношении к общему числу учебных заведений данного уровня в стране. В странах с устойчивым режимом приватизации эти показатели имеют высокую положительную корреляцию. В среднем, относительное число частных заведений (б) в полтора-два раза превышает относительное число частных студентов (а), что свидетельствует о сбалансированности процессов приватизации. К примеру, максимальное значение данного показателя (индекс приватизации) наблюдается в Чили – 77,6 / 92,8 (0,83) – и означает почти полную приватизацию образования, а минимальный в ЮАР – 4,1 / 83,8 (0,04) – полное её отсутствие.

учебных планов под конкретный проект или специальность; демократичный подход к составу преподавателей, при котором практический опыт работы имеет большее значение, чем наличие учёных степеней и званий. Сам учебный процесс по содержанию и форме менее формализован и академизирован, он больше ориентируется на запросы и восприятие происходящего самими учащимися, принятые в их среде модели поведения и времяпрепровождения после плановых занятий.

Таблица 1

Доля частного сектора высшего образования (по количеству учащихся от их общего числа (см.: [6]), %

Типы стран	0–10%	10–35%	35–60%	Свыше 60%
Страны с переходной экономикой	Куба, ЮАР	Египет, Кения	Индия, Малайзия	Чили, Бразилия, Индонезия, Филиппины
Страны со стабильно развитой экономикой	Германия, Новая Зеландия	Венгрия, США	Великобритания	Япония, Республика Корея

Современная типология частных учебных заведений высшего/третичного профессионального образования основана на следующих признаках.

1. Тип собственности и основные источники финансирования

По этому критерию, включающему состав учредителей и круг попечителей-инвесторов, выделяются индивидуальные, благотворительно-религиозные, корпоративные, учреждённые неправительственными (общественными) организациями или другими юридическими лицами учебные заведения. Это один из основных показателей приватизации в образовании. По мере того как возрастает доля средств из негосударственных источников, в некоторых случаях может сохраняться государственная собственность. Тем не менее, в основе – рыночные принципы управления, ориентированные на получение выгод и прибыли.

2. Система управления

Речь идёт о профессиональном менеджменте, который в основном заимствован из среды бизнеса и осуществляет экономически обоснованное управление университетом с целью активного участия в конкурентной среде. Академические менеджеры имеют достаточную квалификацию и свободу действий для того, чтобы ориентироваться на рынке труда и образовательных услуг, в выборе наиболее оптимальной в конкретной ситуации модели организации учебного процесса. Существенно, что этика бизнеса, которая приходит в универ-

ситетские «коридоры управления» – ректораты – предполагает принятие на себя коллективной ответственности за результат и качество обучения от имени данного учебного заведения.

Важная особенность такого менеджмента, который иногда называют «академическим капитализмом», заключается в создании структур, ориентированных на потребителя. Эти структуры обеспечивают предоставление различных – по содержанию, форме, продолжительности, результату – образовательных услуг. При этом ведётся целенаправленная работа по обеспечению необходимого уровня финансирования за счёт деятельности, непосредственно не связанной с учебным процессом. Так, например, известный негосударственный Академический холдинг STMIK Amicom (Джакарта, Индонезия) при численности очных студентов около 20 тыс. человек помимо собственно учебной деятельности учредил теле- и радиоканалы, ведёт коммерческие программные разработки, в качестве провайдера оказывает интернет-услуги, занимается рекламой и маркетингом мобильных телесистем. В результате такой коммерческой, внебюджетной деятельности стоимость обучения для студентов здесь одна из самых низких в стране и регионе, что обеспечивает победу в конкурентной борьбе с другими учебными заведениями, расширение контингента учащихся и повышение качества образования.

3. Уставные цели

Принципиально возможны два варианта – коммерческие (получение прибыли) и некоммерческие (культурно-просветительские и информационно-образовательные). От того, какие цели указаны в Уставе университета, во многом зависит порядок налогообложения и свобода деятельности в каждой конкретной стране. Во многих странах (США, Бразилия, Кения и др.) активно действуют некоммерческие учебные заведения, учреждённые религиозными организациями. Однако характер и содержание обучения здесь, как правило, светские. Желающие специализироваться на богословской проблематике занимаются факультативно и дополнительно. А «религиозная» компонента проявляется лишь в более строгом дресс-коде во время занятий, коллективном исполнении одной из молитв по особо торжественным случаям и полном запрете алкоголя и табака на кампусе и в самом университете.

4. Абсолютная и относительная численность студентов, преподавателей и менеджмента

Это достаточно важный пакет количественных показателей, определяющий эффективность обучения и уровень затрат¹. Отмечается общая тенденция, когда при увеличении численности студентов уровень затрат понижается, а полученная выгода расходуется на повышение качества. Однако, это не всегда так.

¹ Оптимальное соотношение варьируется и часто служит одним из важных показателей при лицензировании и аккредитации учебного заведения во многих странах мира (см., например, [8; 9]).

Например, крупнейший частный вуз в Чехии – университет Яна Амоса Коменского (численность студентов около 6 тыс. человек) по качественным показателям (данные рейтингования) намного превосходит государственный Карлов университет (около 45 тыс. студентов). В России частные вузы делятся на две группы, в зависимости от численности студентов – менее или более 700 человек.

5. Степень доступности и качество

По данному критерию есть вполне определённая закономерность – чем легче поступить в учебное заведение, тем ниже в нём качество образования. Массовое образование – вполне обоснованный шаг по выравниванию шансов и возможностей представителей разных слоёв населения. Оно всегда ориентировано не столько на потребности рынка труда, сколько на спрос на конкретную специальность или профессию среди непосредственных потребителей данной услуги – учащихся и их родителей. Массовое образование руководствуется принципом «заплати и получи»¹.

В противоположность, элитное образование труднодоступно для населения. В некоторых случаях такое учреждение определяют как созданное для «учащихся из элит» или для «привилегированных учащихся»². Поэтому, правильнее считать, что настоящее элитное учебное учреждение ориентировано на подготовку учащихся к дальнейшей занятости в привилегированных секторах экономики или иной элитной профессиональной деятельности. При этом очевидное преимущество элитного учебного заведения состоит в приращении социального капитала своих выпускников и создании из их числа сетевого сообщества. Как показывает опыт, роль такого сообщества и неформальных связей между его членами имеет большое значение в трудоустройстве на престижные позиции и, как результат, в достижении высокого качества жизни.

Ситуация в России: негосударственные вузы и особенности приватизации

Как уже отмечалось, приватизация в образовании, – а точнее сокращение бюджетного финансирования и привлечение частных, негосударственных и иных источников, – является одной из существенных черт трансформационных экономик. В ходе приватизации влияние государственных структур на процесс профессиональной подготовки и переподготовки постепенно сокращается до признаваемого оптималь-

¹ Что в англоязычной литературе определяется ёмким словосочетанием “demand absorbing”, которое буквально означает «потребление требуемого», а по смыслу переводится старорусским «чего изволите?».

² Критики такого подхода справедливо отмечают, что тогда и малоспособные из обеспеченных семей (rich fools) попадают в число элитных учащихся.

ным в каждом конкретном случае уровня разрешительно-контролирующих (лицензирование, аккредитация) функций. На этом фоне расширяется участие негосударственных источников в обеспечении учебного процесса. Эксперты выделяют несколько основных путей приватизации, которые характерны для трансформационных экономик большинства стран мира, включая государства на постсоветском пространстве (см.: [10–14]). Кратко охарактеризуем их.

1. Полная или частичная приватизация материальных активов, в том числе основных фондов (здания, оборудование, архивы, библиотеки и т. д.) в виде смены собственника или арендатора.

2. Приватизация отдельных служб, например, материально-технического обслуживания, обеспечения студентов и преподавателей питанием и медицинскими услугами, открытие доступа в коммерческие ресурсные сети и т. д.

3. Постепенное увеличение доли внебюджетных, негосударственных источников финансирования. К примеру, программой модернизации в России (см.: [15]) поставлена задача выйти на показатель 25-процентного стороннего финансирования к 2012 г. каждого учреждения высшего профессионального образования¹. Как одну из форм приватизации можно считать открытие во многих российских вузах программ обучения по второй специальности (на платной основе), поскольку это приносит внебюджетные поступления.

4. Ваучеризация – использование при оплате стоимости учёбы государственных финансовых обязательств перед определёнными группами населения (возможно, в форме ГИФО – государственного именованного финансового обязательства).

5. Коммерциализация (ориентация на получение прибыли) деятельности учебного заведения за счёт расширения сфер активности, в том числе финансово-хозяйственной, которая не связана непосредственно с учебным процессом. При этом возможно учреждение собственных коммерческих структур и предприятий.

6. Сокращение влияния государственных структур на управление учебным заведением, создание собственного или приглашение «со стороны» профессионального менеджмента на контрактной основе из числа специалистов, имеющих большой практический опыт управления образованием в рыночных условиях. Бюджетное (государственное) финансирование может сохраняться, например, в случае национальных исследовательских университетов.

¹ Для сравнения приведём основные статьи поступлений в бюджет Гарвардского университета: оплата учёбы из средств студентов – 30%, благотворительные и безвозмездные взносы и частные пожертвования – до 10%, доходы от выполнения научно-исследовательских и иных проектов, участие в которых происходит на конкурсной основе – около 60% (см.: [16]).

Разумеется, данным перечислением не исчерпывается перечень возможных путей, которые инструментально обеспечивают приватизацию в образовании. Её суть заключается в совокупности различных структурных и системных преобразований, связанных с ограничением влияния государственных механизмов и средств на деятельность высшей профессиональной школы.

Здесь уместно сделать следующее замечание, связанное с очевидным несоответствием принятой у нас терминологической дихотомии «государственное – негосударственное (частное)» реальному положению дел. Понятно, что для любого учебного заведения принципиальное значение имеют источники (размеры, разумеется, также) финансирования, статус учредителя и вид собственности. Так, «государственный» означает, что финансирование происходит в основном из государственного бюджета, т. е. за счёт налоговых поступлений, а учредителем являются федеральные или муниципальные власти. В международной практике такой тип учебных заведений называется “public” (общественные), что соответствует действительной ситуации, когда общественные средства граждан как налогоплательщиков консолидируются в государственном бюджете, а затем перераспределяются в пользу образования. Всё же остальное, что имеет иные, негосударственные источники происхождения – от частных благотворительных пожертвований до прибыли от коммерческой и предпринимательской, включая и саму учебную или научную деятельность, – называется “private”, т. е. в прямом переводе – частное. Приватизация в этом контексте как раз и означает увеличение доли частного капитала и сокращение государственного (бюджетного). С учётом сказанного, на наш взгляд, постепенно следует вводить в оборот термин «общественное» учебное заведение вместо «государственное», что более соответствует действительности.

Остановимся подробнее на особенностях приватизации образования в современном российском обществе. В Федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (см.: [17]) под негосударственными вузами понимаются образовательные учреждения, созданные в организационно-правовых формах, предусмотренных гражданским законодательством РФ для некоммерческих организаций и управляемые частными лицами, коммерческими или общественными организациями. Законодательство предусматривает, что негосударственные вузы могут полностью или частично финансироваться из бюджета учредивших их организаций. Принципиальное значение имеет то, что негосударственные вузы, согласно действующему законодательству, создаются не путём превращения государственных вузов в частные, а организацией новых учебных заведений.

В своей основе негосударственные вузы действуют в интересах государства и общества, реализуют уникальные авторские программы и технологии, методики и методы обучения; осваивают новые экономические подходы в управлении; приносят дополнительный заработок педагогическим кадрам; они создаются не взамен государственных вузов, а в дополнение к ним, расширяя спектр предоставляемых населению образовательных услуг. Стоит отметить, что процесс создания негосударственных вузов в 1990-е гг. с самого начала происходил спонтанно, учредители проявляли поспешность при их легализации, что привело к целому ряду упущений и неопределённости их статуса. В этой связи естественным стало появление образовательных учреждений, неготовых и неспособных обеспечивать подготовку специалистов высокой квалификации. Это нанесло ущерб системе высшего образования в целом и, прежде всего, имиджу негосударственного образования (см.: [18]).

К настоящему времени система негосударственного профессионального образования стала приобретать свою форму, многие негосударственные вузы получили лицензию и аккредитацию, успешно конкурируют с государственными вузами. За последние три года численность негосударственных вузов составляет порядка 500–650 учреждений в зависимости от методики подсчёта и ведомственной принадлежности источника данных (см.: [18; 19, с. 105–107]). Около двух третей из них имеют государственную аккредитацию. Общая численность студентов в этом сегменте профессионального образования приближается к полутора миллионам человек (оптимистичная оценка). Если произвести расчёт индекса приватизации, исходя из минимальных значений, то соотношение числа учебных заведений составит $474/1134=0,41$, соотношение числа студентов: $1298/6214=0,20$. Общее значение коэффициента равно 2, что соответствует устойчивым и сбалансированным процессам приватизации в стране, изменять которые административными методами (ограничение лицензирования или сокращение нормативов приёма, например) не имеет смысла.

Дальнейшее развитие массового и элитного негосударственного образования и увеличение количества частных вузов в стране определённо соответствует задачам модернизации. На сегодняшний день негосударственные вузы в России находятся на переходном этапе развития и неоднородны по величине, материально-технической базе, времени существования, качеству образовательных услуг, профессорско-преподавательскому составу, квалификации руководителей, размеру и происхождению уставного капитала. Поэтому целесообразно давать оценку не системе в целом, а конкретным вузам и их руководителям. Значительная часть негосударственных вузов обладает необходимым инновационным потенциалом и ресурсами, чтобы максимально привести содержание учебного процесса в соответствие с задачами трансформирующейся экономики.

За последние три года численность негосударственных вузов составляет порядка 500–650 учреждений в зависимости от методики подсчёта и ведомственной принадлежности источника данных. Около двух третей из них имеют государственную аккредитацию. Общая численность студентов в этом сегменте профессионального образования приближается к полутора миллионам человек (оптимистичная оценка).

Среди частных учреждений есть элитные вузы, добившиеся заметных успехов и признания; чисто рыночные структуры, возникшие как реакция на спрос населения на услуги, которые государственные вузы не предоставляют. С другой стороны, и это является основанием для серьёзной критики негосударственного сектора, появляются и бесследно исчезают вузы-однодневки, по существу продающие дипломы, последующая профессиональная карьера обладателей которых остаётся под большим вопросом. Часто такие вузы открывают в небольших провинциальных городах и районных центрах (!) свои филиалы, которые не в состоянии обеспечить качественное очное обучение и ограничиваются заочными программами низкого уровня. Это, конечно, вызывает справедливую критику. С другой стороны, такая ситуация – симулякр (по Бодрийяру, видимость деятельности), когда одни делают вид, что учат, а другие – что учатся, – многих устраивает (см.: [21]). Как показывают исследования, абитуриентов и их родителей мало интересуют перспективы трудоустройства по окончании учёбы. Абсолютное большинство учащихся отдаёт предпочтение данным учебным заведениям по иным причинам, среди которых – близость расположения к месту проживания, умеренная (доступная) ежемесячная плата, отсрочка от службы в армии, наличие друзей и знакомых среди студентов (см.: [22]). А такие действительно важные рейтинговые показатели, как наличие опытных кадров, материально-технические возможности, доступ к информационным сетям и ресурсам, размеры и инфраструктура студенческого городка (если он имеется помимо общежития), данную группу потребителей часто не интересуют вовсе.

Такой выбор, в общем, неудивителен. Как правило, свой личный и жизненный успех молодёжь на данном этапе связывает не с формальным образованием, а с иными факторами, которые на практике имеют решающее значение. Статистика и опросы это подтверждают. Так, половина юных россиян не работают по полученной профессии, а каждый пятый взрослый человек в стране вообще никогда не трудился по полученной в вузе специальности. Как выясняется, для хорошего трудоустройства теоретические знания имеют мало значения, гораздо важнее владение набором определённых практических знаний и навыков, среди которых лидируют «знание иностранного языка» и «уверенное использование современных информационных технологий» (более 40% респондентов). Далее следуют «хорошие коммуникативные навыки» (39%), «готовность работать в команде» (27%), «обладание приятной внешностью» (25%) и «наличие здоровых амбиций» (22%) (см.: [23, с. 228–236, 340–356]).

Посмотрим, какие конкретные шаги возможны со стороны администраций вузов и университетов с целью поиска наиболее адекватных ответов на обостряющуюся ситуацию конкурентной борьбы за студентов в условиях продолжаю-

Половина юных россиян не работают по полученной профессии, а каждый пятый взрослый человек в стране вообще никогда не трудился по полученной в вузе специальности.

щейся ещё несколько лет «демографической ямы». Вероятны следующие сценарии развития демографического кризиса и реакции на него.

Первый возможный путь – это значительное (до 50% от нынешнего объёма) и быстрое (в течение ближайших 2–3 лет) сокращение рынка образовательных услуг, ликвидация учебных заведений преимущественно негосударственного статуса и высвобождение десятков тысяч (с учётом совместителей) человек профессорско-преподавательского и вспомогательного (обслуживающего) персонала. Логично предположить, что в числе закрывшихся окажутся наиболее слабые вузы, с низкими показателями трудоустройства выпускников по полученной специальности. При этом местным и региональным органам управления образования на основании действующего законодательства придётся «пристраивать» не закончивших обучение студентов промежуточных курсов в другие вузы, имеющие лицензии и аккредитацию. Такой сценарий в принципе возможен, но не выгоден, прежде всего, тем, кто зарабатывает на образовании.

Также стоит принять во внимание, что пока у нас не принято анонсировать обязательства вуза относительно ожидаемых результатов обучения. В условиях отсутствия открытого рейтингования и прозрачности многих это устраивает – реализуется коммерческий интерес и оказывается платная услуга, которую, возможно, следовало бы подкрепить заключением индивидуальных контрактов со студентами (или с их родителями) на момент начала обучения. Если признать хотя бы за некоторыми участниками – поставщиками и потребителями образовательного рынка – правомерность таких правил игры, то возможно имеет смысл более гибко и лояльно проводить разрешительную политику и предоставлять небольшим негосударственным учебным заведениям с числом учащихся, не превышающим, как правило, 100–300 человек, статус «предпринимательского университета». Такой частный университет мог бы пользоваться всеми правовыми и налоговыми преимуществами, гарантированными сегодня государством малому бизнесу.

Второй возможный путь – это экспорт образовательных услуг за счёт привлечения на свою территорию иностранных студентов (главным образом, из стран СНГ) с целью последующего трудоустройства в России. Экономическая целесообразность такого подхода состоит не только в получении прибыли учебным заведением, но и в подготовке молодого специалиста, интегрированного в принимающее общество. По сути, речь идёт о новом образовательном канале натурализации, основанном на внешних человеческих ресурсах. Государство постепенно осознаёт необходимость поддержки данной формы работы (см.: [24]). Следуя количественным показателям, не стоит забывать и о политической составляющей академических обменов и контактов. В качестве иллюстрации укажем, что,

например, в 2008/09 учебном году из 15,5 тыс. граждан ЮАР, получивших высшее образование за рубежом, в вузах РФ учились всего 6 человек (см.: [19, с. 263]). Ранее в советских гражданских и военных вузах прошли обучение и стажировки на бесплатной основе более 2 000 выходцев из ЮАР – активистов правящей партии Африканский национальный конгресс (АНК), в их числе – президент страны, министр иностранных дел, ряд секретарей АНК и других.

Третий путь, который имеет минимальные предварительные затраты и представляется достаточно перспективным для большинства негосударственных вузов и университетов, состоит в привлечении к участию в существующих и новых учебных и просветительских программах взрослого населения, которое в состоянии покупать образовательные услуги. Именно негосударственные «предпринимательские» и «просветительские» университеты, а также другие институты высшей школы в «гонке на выживание» могли бы стать поставщиками образовательных, информационных и просветительских услуг взрослому населению.

Для реализации этого имеются все необходимые условия.

Университет как субъект образовательного пространства, располагает значительной, по сравнению с другими институтами общества, как уже отмечалось, академической автономией и имеет возможности эффективно реализовать многие формы непрерывного и дополнительного образования. Именно под юрисдикцией негосударственного учебного заведения может осуществляться дополнительное образование, в котором участвуют разные возрастные группы – от молодёжи до пенсионеров. В зависимости от запросов взрослых студентов обучение может быть формальным с необходимым контролем за содержанием и соответствующей сертификацией, а может проходить неформально – без жёсткой регламентации формы и содержания занятий. При этом, экзамены, зачёты, как правило, не применяются. Сочетание формального и неформального обучения позволяет наиболее гибко и эффективно привести учебный процесс в соответствие с ситуацией на рынке труда, сполна ответить на запросы учащихся.

Благодаря своей автономии университет самостоятельно разрабатывает и утверждает образовательные программы, учебные планы, методическое обеспечение учебного процесса, определяет структуру управления. В компетенции университета находятся и такие важные вопросы, как приём на работу и расстановка кадров, распределение должностных обязанностей, размер оплаты труда и премирование работников. Разумеется, университетская автономия, которую мы считаем основным фактором успешной конкуренции с другими поставщиками образовательных услуг, не является абсолютной.

Университет, как субъект образовательного пространства, располагает значительной, по сравнению с другими институтами общества, академической автономией и имеет возможности эффективно реализовать многие формы непрерывного и дополнительного образования. Именно под юрисдикцией негосударственного учебного заведения может осуществляться дополнительное образование, в котором участвуют разные возрастные группы – от молодёжи до пенсионеров.

Негосударственные вузы вынуждены руководствоваться установленными квотами приёма и контрольными показателями, которые определяются государственной лицензией.

С целью поддержания своего положительного имиджа университет взаимодействует с исполнительной властью: участвует в местном самоуправлении и социальных программах обучения и переподготовки временно не работающих и трудоустройствающихся граждан, мигрантов и меньшинств, предлагает набор услуг малоимущим и социально-незащищенным слоям местного населения.

В заключение отметим, что по мере развития частного университета всё полнее реализуются следующие инновации в управлении учебным процессом. К ним, в первую очередь, относятся:

- разработка и принятие нетиповых учебных планов, которые перекрывают действующие государственные стандарты и легко трансформируются с необходимой периодичностью и частотой;
- традиционная организационная структура «факультет – деканат – кафедра» постепенно уступает место администрациям конкретных учебных программ и проектов;
- появляется сеть учебных площадок и филиалов (представительств), местоположение которых определяется максимальной близостью к потребителю;
- управление переходит к менеджерам, имеющим опыт оказания образовательных, информационных и культурно-досуговых услуг населению;
- в качестве преподавателей на контрактно-договорной основе приглашаются специалисты (возможно и без учёных степеней и званий), но обязательно имеющие значительный практический опыт по данной специальности и навыки преподавания;
- поощряется основанная на современных информационно-сетевых технологиях система управления и отчётности, взаимодействия со всеми участниками процесса.

Особенности финансирования частного учебного заведения

Некоторые считают, что приватизация и децентрализация высшей школы радикально изменит роль университетов и их место в общественной жизни. Другая же часть экспертов придерживается мнения, что без подобных реформ просто не обойтись. Тем не менее, очевидно, что частные учебные заведе-

ния имеют более устойчивую мотивацию для вхождения в рыночную экономику, чем государственные вузы. Эффективное инвестирование, рост финансовой и социальной (человеческий капитал) отдачи становятся основными целями частного профессионального образовательного учреждения.

Рассмотрим главные источники финансирования учебной деятельности.

1. Прямые платежи физических лиц – студентов

На начальных этапах приватизации могут составлять до 80–90% бюджета учебного заведения, но постепенно этот источник уменьшается в два и более раз и замещается другими поступлениями.

2. Прибыль от внеучебной коммерческой деятельности

Согласно своему Уставу частное заведение может заниматься коммерческой деятельностью, как в сфере формального образования, так и вне её, прежде всего в сфере неформального образования, к которой относятся, например, просветительство, консалтинг, информационные услуги, поддержание обучающей медиасреды. В этой связи интересен опыт КНР, где после интенсивного трёхлетнего обсуждения был принят «Закон о развитии частного образования» (2002)¹. Причиной длительных дебатов, предшествующих принятию закона, стало традиционное для конфуцианской морали и значительной части китайского общества понимание учёбы как священного, целомудренного занятия, на котором нельзя зарабатывать. Тем не менее, результатом административных усилий лоббистов этого закона и прагматически настроенной части руководителей образования Закон был принят со следующей показательной преамбулой: «Частные учебные заведения могут и должны осуществлять свою деятельность, если извлечение из неё прибыли не является основной целью» [25].

3. Проектная деятельность

Поддерживается из различных (возможно, государственных) источников на конкурсной основе. В устойчивых экономиках это одна из наиболее значимых статей в бюджете вуза, которая может составлять до 60–80%. Столь высокий показатель, как мы бы сказали НИОКРов и НИРов, свидетельствует о серьёзной научной репутации данного учебного заведения. Но в переходных условиях этот источник только предстоит освоить. Одна из главных трудностей состоит в том, что многие инициаторы подобных проектов с недоверием относятся к частным учебным заведениям и не позволяют им на равных конкурировать с государственными вузами. Тем не менее, с повышением репутации конкретного заведения возможности проектного финансирования возрастают. Этому

¹ The Law for the Facilitation of Minban – буквально в переводе с китайского (в англ. редакции) «Закон по поддержке и ускорению развития частного образования».

также соответствует принятый в 2010 г. порядок участия на равных условиях российских государственных и частных вузов в конкурсах проектов целевых программ и стипендий.

4. Инвестиции

Имеют целью получение выгод в краткосрочной или долгосрочной перспективе. Одна из основных задач российской модернизации образования состоит в повышении инвестиционной привлекательности. Поставлена задача к 2012 г. достигнуть такого уровня, при котором 25% бюджета учебного заведения высшего профессионального образования обеспечат сторонние инвестиции. Для этого предусматривается повышение экономической самостоятельности учреждений, снижение инвестиционных рисков за счёт развития общественных (наблюдающих и участвующих в деятельности) структур и организаций. Как показывают исследования (см.: [26]), высший менеджмент учреждений профессионального образования третьего уровня достаточно хорошо осознаёт перспективность данного направления модернизации. Так, среди опрошенных руководителей 31,1% считают, что к 2012 г. не менее четверти средств, инвестированных в учебный процесс, будут иметь внебюджетное (частное, негосударственное) происхождение. При этом в экономически развитых регионах страны доля внебюджетных средств уже в настоящее время превышает 40%, что также подтверждает наличие тренда в сторону приватизации профессионального образования. Наибольшие значения данного показателя – в Центральном Черноземном регионе – 60% – и в Санкт-Петербурге – 55%.

Как ни странно, но большую роль в развитии частного инвестирования в образование может сыграть государство. Происходит это следующим образом. Государство не вкладывает средства непосредственно, но находит формы законодательной поддержки благоприятного инвестиционного климата, которым потенциальный инвестор заинтересуется, например, при строительстве и обустройстве нового студенческого городка (кампуса) с соответствующей инфраструктурой. В подтверждение сошлёмся на уже упомянутый «Закон по поддержке и ускорению развития частного образования в КНР», в котором указано, что инвестору частного образования гарантируется «поддержка местных администраций в виде налоговых льгот и права использовать часть собственности учебного заведения по своему усмотрению. При этом банки могут рассчитывать на получение разумного вознаграждения от своих инвестиций в образование» [25].

Согласно этому же закону, в КНР создан специальный фонд (Government Matching Fund), который автоматически удваивает поступившие частные инвестиции в образование за счёт государственных средств. Кстати, это достаточно распространённая в мире практика – с каждой единицей инвестированных средств до получателя реально доходят две единицы.

На практике применяется и так называемое косвенное инвестирование. В этом случае в состав учредителей и попечителей учебного заведения входят влиятельные в финансовом или политическом отношении корпорации и предприятия. Такие крупные компании, как, например, “Kaplan”, “Apollo Group”, “De Vry” (США), являются учредителями университетов и имеют с этого определённые доходы. В России к числу таких компаний-учредителей, вероятно, можно отнести «Норникель», Газпром, Сбербанк, ЮКОС (РГГУ) и ряд других, хотя официальные данные не публиковались. Разумеется, на муниципальном и региональном уровнях в числе учредителей и попечителей могут оказаться не столь крупные корпорации и предприятия.

5. Образовательные кредиты

Их специфика заключается в целевом заимствовании средств для организации учебного процесса или оплаты учебы на максимально льготных для заёмщика – частного учебного заведения или студента-учащегося – условиях. Образовательное кредитование является важным финансовым инструментом в странах со стабильной экономикой. Напротив, в трансформирующихся обществах кредитование, как правило, развито недостаточно и не всегда имеет хорошие перспективы, как, например, это произошло в России с ваучерами или ГИФО.

Тем не менее, образовательное кредитование остаётся эффективной социальной технологией инвестиций в человека. Оно способствует накоплению человеческого капитала, который в перспективе будет конвертирован в капитал финансовый. В отношении заёмщика – физического лица – кредитование становится тем инструментом, который персонифицирует ответственность учащегося и, в конечном счёте, позволяет оптимизировать процесс обучения, поскольку все знают, для чего учиться и на какой результат ориентироваться. В юридической практике этому соответствуют контрактные отношения, которые, как считают эксперты, в ближайшее время будут повсеместно установлены в сфере частного образования.

Более подробно механизм данного вида кредитования выглядит следующим образом. Получатели образования (как физические, так и юридические лица – частные учебные заведения) за счёт полученного кредита оплачивают стоимость обеспечения и организации учебного процесса, а в последствии также (частично) потенциальные кредитные риски. Государство посредством бюджетной системы (за счёт налогоплательщиков) оплачивает состоявшиеся кредитные риски, которые постепенно передаются частным финансовым институтам, в том числе – страховым компаниям. Однако на сегодняшнем этапе в рамках распространённого бюджетного финансирования государство оплачивает и себестоимость функционирования образовательной системы, и скрыто реа-

лизовавшиеся кредитные риски. В качестве примера такого скрытого риска можно назвать отрицательную доходность выпускников вузов, проявившуюся в работе не по полученной специальности и не требующей высокой квалификации, с пониженной оплатой и, как следствие, в недополучении налогов бюджетной системой.

Расширение частного образовательного кредитования позволит существенно увеличить объём привлекаемых финансовых ресурсов (сейчас этот показатель ниже среднестатистического) и снизить связанные с кредитованием риски. При этом в относительно короткие сроки ожидается снижение общего уровня процентных ставок при одновременном расширении круга заёмщиков. Очевидно, что это важный модернизационный путь, поскольку он способствует реализации меритократической модели российского профессионального образования.

6. Частная безвозмездная благотворительность

Уставы всех университетов, как правило, допускают получение безвозмездной помощи на условиях невмешательства в свою внутреннюю (академическую) жизнь. При этом, как показывает практика, всегда существуют люди, благотворительные и филантропические организации и фонды, которые эпизодически или регулярно на безвозмездной основе жертвуют часть своих средств на развитие образования. Это могут быть именные стипендии для определённых категорий студентов, переоборудование и обновление аудиторий или лабораторий, строительство библиотек или благоустройство студенческих городков. Всё это передаётся безвозмездно в пользование учебным заведениям¹.

Получил известность пример благотворительности крупного предпринимателя Ли Ка-шинга², который на собственные средства обучил в учреждённом им же университете победителей школьных олимпиад из различных регионов Китая, а после окончания учёбы – обеспечил их работой на своих предприятиях в Гонконге.

Во многих странах мира, в том числе в США, странах Соединённого королевства, Китае, Нигерии, Кении, благотворительные пожертвования в образование достигают значительных размеров. В конечном счёте, участие в благотворительности – это вопрос не только индивидуального выбора и предпочтений, но также культуры и традиций – направить ли личные средства на строительство материальных объектов – храмов, мостов, футбольных стадионов, или на поддержку образования. Заметим, что хотя благотворитель делает пожертвование (взнос) безвозмездно, на практике он рассчитывает на косвенную благодарность. Такими «косвенными привилегиями» для жертвователей и доноров могут стать

¹ Одно из самых оригинальных в Европе зданий научной библиотеки – Hallward Library – было подарено Ноттингемскому университету (Великобритания)(см.: [27].)

² Li Ka Shing – крупный предприниматель и благотворитель (см.: [28]).

их бесплатная реклама в университете и на кампусе, беспошлинная продажа их продукции. Также возможно вхождение представителя донора или самого благотворителя в органы управления университетом, участие в таких процессах, как назначение профессоров, распределение стипендий и т. д.

В России пожертвования в высшее частное образование пока не анонсировались, хотя в истории страны данный вид поддержки образования практиковался в определённые периоды достаточно широко. Эксперты считают, что дело не в отсутствии благотворителей, а в неразвитости законодательства. Нет юридического понятия, отсюда и нет соответствующей практики.

7. Прямое бюджетное финансирование

Помимо содействия инвестициям в частное образование и других проявлений протекционистской политики государства, возможно прямое бюджетное (государственное) финансирование учебных заведений. Однако на практике государственная поддержка весьма избирательна – это объясняется рядом причин.

Во-первых, государство согласно расходовать средства по своим социальным обязательствам, в частности, обеспечивая детям и молодёжи возможность социализации в системе начального и среднего общего образования. Как раз в этом сегменте частный сектор малоактивен, за исключением элитного и, соответственно, немассового эксклюзивного образования. В среднем по стране на 90 средних общеобразовательных школ приходится лишь одна частная¹. Однако и в средней школе отмечается тенденция повышения доли частных расходов на образование. Так, в 2008/09 учебном году родители «доплатили» за обучение каждого ребёнка более 7 тыс. рублей (см.: [30]).

Во-вторых, и это касается в основном высшей и средней профессиональной школы, возможно целевое бюджетное финансирование частных заведений под конкретные социальные группы – семьи с низким уровнем доходов, победители олимпиад и особо одарённые учащиеся, представители коренных национальностей и т. д.². Также, практикуется поддержка по конкретным массовым специальностям, не пользующимся особым спросом, но которые востребованы сложившейся профессиональной структурой региона – шофёр, парикмахер, медицинская сестра, учитель и др.

В-третьих, на бюджетную поддержку в той или иной форме может рассчитывать неформальная образовательная деятельность частного учебного заведения, если она отвечает идеологическому заказу государства, интересам влиятельных общественных групп, партий, движений.

¹ Рассчитано по: [29].

² Косвенной бюджетной поддержкой можно считать выравнивание возможностей (affirmative action) студентов и преподавателей государственных и частных учебных заведений в использовании государственных фондов, других источников и средств, включая образовательное кредитование.

Инвестиции как форма приватизации: мнения экспертов и населения

Для выявления общего отношения к приоритетному направлению «повышение инвестиционной привлекательности сферы образования», экспертам и населению – потребителям образовательных услуг – было предложено высказать своё мнение по поводу следующих основных мероприятий модернизации профессионального образования: а) увеличение разнообразия правовых форм образовательных учреждений; б) усиление их финансово-хозяйственной самостоятельности; в) разработка правовых и экономических механизмов соучредительства и софинансирования учреждений; г) привлечение дополнительных средств путём расширения дополнительных образовательных услуг для взрослого населения на платной основе¹.

Как оказалось, все указанные мероприятия в основном поддерживаются большинством экспертов, причём за последние три года число одобряющих конкретные шаги по модернизации удвоилось. Вместе с тем, в результате неформализованных и углублённых интервью, выяснилось, что содержание указанных мероприятий и то, как реформы отразятся на деятельности конкретного учебного заведения, большинство респондентов определённо не представляют. Так, «дифференцированное бюджетное финансирование учреждений высшего профессионального образования в соответствии с характером реализуемых ими образовательных программ» поддержали около 40% экспертов всех уровней (см. таблицу 2), хотя, как показало исследование, для руководителей вузов не имеет принципиального значения, откуда «пришли» средства – из местного или федерального бюджета. А для руководителей управлений образования в субъектах федерации это имеет принципиальное значение. То же самое касается и «субсидирования малоимущих граждан для получения профессионального образования»: для ректоров (73,0%) – это означает лишь обеспечение занятости своего преподавательского состава за счёт дополнительного контингента учащихся, а для руководителей регионального уровня (96,7%), которые, де-факто являются представителями местной исполнительной власти, использование той же самой субсидии означает проведение активной социальной политики по отношению к малозащищённым слоям населения.

¹ Характеристика исследований (2009 и 2010 гг.), данные которых использованы в настоящем разделе, приводится в конце статьи.

Таблица 2

Мнения руководителей органов управления образованием субъектов РФ и руководителей вузов, о том, какие меры по обновлению финансового механизма функционирования системы профессионального образования необходимо реализовать в первую очередь, %

Меры	Руководители органов управления образованием субъектов РФ	Руководители вузов
Дифференцированное бюджетное финансирование учреждений высшего профессионального образования в соответствии с характером реализуемых ими образовательных программ	40,0	37,3
Субсидирование граждан из малообеспеченных семей для получения ими профессионального образования	96,7	73,0
Стимулирование работодателей для финансирования профессионального образования	100,0	84,1
Нормативно-правовое обеспечение экономической самостоятельности вузов, в том числе на основе увеличения разнообразия организационно-правовых форм образовательных учреждений	56,7	47,6

Исследование выявило несовпадение оценок экспертов различного уровня конкретных шагов и программ, которые позволили бы повысить инвестиционную привлекательность. Оценки значительно разошлись и в отношении таких важных элементов модернизации, как «экономическая самостоятельность», «прозрачность финансово-хозяйственной деятельности», «снижение и страхование инвестиционных рисков» (см. таблицу 3).

Как оказалось, ректоры и преподаватели больше всего обеспокоены сокращением набора учащихся, падением нагрузки и, соответственно, зарплаток. А это внутрисистемные противоречия. Руководители более высокого уровня в силу своего положения рассматривают систему образования инструментально. Столкнувшись с неблагоприятной социально-демографической ситуацией в регионе, они воспринимают систему образования как место, где можно паллиативно разрешить обострившиеся вопросы межпоколенческой напряжённости на

рынке труда. По этим и другим наблюдениям можно сделать вывод о том, что несовпадение взглядов руководителей образования различного уровня на набор первоочередных модернизационных шагов – неблагоприятная тенденция, которая хорошо просматривается именно на региональном уровне.

Таблица 3

**Мнение экспертов о том, что необходимо сделать
в первую очередь для повышения инвестиционной
привлекательности сферы образования, %**

Что необходимо сделать	Руководители органов управления образованием субъектов РФ	Руководители районных органов управления образованием	Руководители вузов	Преподаватели вузов
Максимально повысить степень экономической самостоятельности всех образовательных учреждений	33,3	47,8	47,6	40,1
Создать условия для снижения инвестиционных рисков в образовательной сфере и для развития практики государственного страхования рисков	30,0	37,0	27,0	27,8
Обеспечить бóльшую прозрачность (для учредителей и общественности) финансово-хозяйственной деятельности учреждения	60,0	66,3	42,9	45,9
Привлекать к управлению менеджеров-профессионалов	53,3	78,3	60,3	52,0

В современной ситуации важным (если не основным) источником дополнительных средств, которые могут быть направлены на поддержку и развитие учреждений профессионального образования, являются дополнительные инвестиции граждан. Согласно действующему законодательству образовательные учреждения вправе оказывать платные дополнительные услуги не только для детей, но и для взрослых на договорной основе по любым программам, кроме включённых в государственные образовательные стандарты – ГОСы. Такую практику считают оправданной среди руководителей органов

Несовпадение взглядов руководителей образования различного уровня на набор первоочередных модернизационных шагов – неблагоприятная тенденция, которая хорошо просматривается именно на региональном уровне.

управления образованием субъектов РФ – 93%, руководителей районных органов – 71%. Среди руководителей сферы образования субъектов РФ 93%, а районных органов управления 92% считают, что доход, полученный от оказания дополнительных образовательных услуг для взрослых, следует зачислять в бюджет учебного заведения, в том числе на увеличение заработной платы преподавателям. В то же время каждый четвертый опрошенный эксперт считает, что платность нарушает принцип социальной справедливости и выравнивания стартовых возможностей в получении профессионального образования.

Что касается самого населения, то большая его часть согласна оплачивать образовательные услуги в сфере высшего, среднего профессионального и дополнительного образования, вкладывая свои средства в получение той или иной специальности и накапливая человеческий капитал (см. таблицу 4). Однако и здесь выказывается предпочтение смешанной – платной и бесплатной – форме оказания услуг. Прежде всего, за полное бесплатное обучение выступают родители тех детей, которые учатся в ПТУ, лицее. Это во многом связано с тем, что уровень дохода в этой группе на члена семьи составляет 2940 руб., что почти в два раза ниже, чем в семьях, в которых дети обучаются в вузе – 5183 руб. В среднем по стране этот показатель составляет 4371 руб., а в случае обучения в техникуме или колледже – 4908 руб.

Таблица 4
Мнение населения о платности различных уровней профессионального образования, %

Мнение	Начальное профессиональное образование (НПО)	Среднее профессиональное образование (СПО)	Высшее профессиональное образование (ВПО)	Дополнительное профессиональное образование (ДПО) для взрослых
Должно быть только бесплатным	69,7	55,0	36,9	16,7
Может быть и бесплатным, и платным	24,5	39,7	59,0	61,2
Должно быть только платным	0,3	0,7	1,7	14,3
Затруднились ответить	5,5	4,6	2,4	7,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Каждый четвертый опрошенный эксперт считает, что платность нарушает принцип социальной справедливости и выравнивания стартовых возможностей в получении профессионального образования.

Большая часть населения согласна оплачивать образовательные услуги в сфере высшего, среднего профессионального и дополнительного образования, вкладывая свои средства в получение той или иной специальности и накапливая человеческий капитал. Но предпочтение все же отдается смешанной – платной и бесплатной – форме оказания услуг.

Исследование мнений руководителей о платности образования в динамике (см. таблицу 5) позволило выявить выраженную тенденцию роста значений: за пять лет доля считающих, что образование должно быть платным, т. е. по сути финансироваться самими учащимися в совокупности с другими поступлениями, выросла на треть – с 55,6% до 80,0%.

Таблица 5

**Мнение руководителей структур образования
в субъектах РФ о платности услуг дополнительного
профессионального образования, %***

Образование	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Должно быть платным	55,6	51,4	60,3	68,4	80,0
Должно быть бесплатным	25,9	43,3	39,7	31,6	20,0

* Сумма цифр в столбцах может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

Большая часть экспертов считает, что необходимо соблюдать принцип равенства стартовых возможностей, а для этого следует совершенствовать практику финансирования и привлекать различные внебюджетные источники. Так, значительная часть ректоров (73,3%) считают целесообразным развитие частично возмещаемого образовательного кредитования¹, что является перспективной технологией (см. таблицу 6).

Таблица 6

**Мнение ректоров / руководителей вузов о целесообразности
реализации новых форм финансирования учреждений
профессионального образования, %**

Формы финансирования	Считают целесообразным	Считают не целесообразным	Затруднились ответить
Использование образовательного кредита	73,3	13,3	13,4
Финансирование научных исследований на грантовой основе	40,0	16,7	43,3
Участие в конкурсах проектов вне зависимости от типа учебного заведения	60,0	10,0	30,0
Выделение федеральных субсидий для учреждений НПО и СПО	86,7	3,3	10,0
Возможность самостоятельного использования имущества учреждениями НПО и СПО	53,3	36,7	10,0

¹ Предложенный частью респондентов (17%) «беспроцентный долгосрочный кредит для талантливой молодёжи» здесь не рассматривается, поскольку не ясно, каким образом и из каких источников его осуществлять.

Руководители более высокого уровня, как следует из таблицы 7, также поддерживают различные формы субсидирования и образовательного кредитования.

Таблица 7

Оценка руководителями управлений образованием субъектов РФ мер по обновлению практики финансирования профессионального образования, %

Меры	Это даст положительный эффект		Трудно оценить последствия	Это даст отрицательный эффект	
	2008 г.	2009 г.		2008 г.	2009 г.
Частичная (выборочная) поддержка учреждений ВПО в соответствии с реализуемыми ими образовательными программами	31,6	40,0	50,0	5,2	10,0
Субсидирование и/или кредитование малоимущих граждан для получения профессионального образования	78,9	96,7	3,3	0,0	0,0
Привлечение работодателей к софинансированию учебного процесса	73,7	100,0	0,0	0,0	0,0
Дальнейшее расширение экономической самостоятельности вузов	42,1	56,7	40,0	5,3	3,3

По этому поводу отметим, что в 2010 г. Сбербанк России приступил к реализации принципиально новой для страны программы образовательного кредитования. Её суть состоит в том, что все без исключения заёмщики, независимо от своих доходов, получают средства на профессиональное образование на условиях, значительно лучших, чем обычный потребительский кредит (порядка 17–22% годовых). В данном случае полная процентная ставка по кредиту равна ставке рефинансирования Банка России (7,75%) плюс 3% – премия Банка, итого – 10,75%. Но для заёмщика кредит обойдётся в 4,94%, так как оставшуюся часть ставки рефинансирования компенсирует государство¹. Похожие программы в имиджевом режиме про-

¹ Условия образовательного кредитования Сбербанка РФ указаны в [31].

водились ранее частным банком «Союз» (программа «Кредо») и финансовой компанией «Крейн» О. Дерипаски (см.: [32]). Однако без поддержки (страхования) со стороны государства они оказались убыточными и были прекращены (см.: [33]).

Ещё одним важным ресурсом, который поддержали 60% ректоров, является выравнивание шансов государственных и частных учреждений профессионального образования при участии в конкурсах исследовательских и других проектов, имеющих целевое финансирование. Такая возможность предусматривается и новым (2011 г.) «Законом об образовании». Проектная деятельность, имеющая целевое финансирование, в том числе участие в федеральных целевых программах (ФЦП), может приносить значительные поступления в бюджет заведения.

Интересная ситуация отмечена по поводу включения работодателя в обеспечение учебного процесса, что поддержано всеми (100%) экспертами. С точки зрения руководителей регионального управления, прямое финансовое участие работодателя в подготовке кадров – это логичная мера. Но при этом 90% опрошенных указали, что привлечь предприятия и работодателей к софинансированию подготовки квалифицированных специалистов и рабочих нелегко. Предприниматели и работодатели имеют на этот счёт иное мнение. Для них система образования выполняет иную роль, нежели для чиновников и управленцев – при определённых условиях оно может способствовать развитию производства и получению дополнительной прибыли. Однако это не происходит само по себе. Во многих интервью с работодателями и руководителями служб подбора персонала высказывались сомнения в возможности качественной подготовки специалистов существующими вузами, даже при наличии целевого финансирования со стороны работодателя. Как правило, работодатели и их представители отдадут предпочтение негосударственным вузам, которые имеют достаточно простую систему финансовых отношений с заказчиком и более свободные учебные планы, позволяющие осуществлять учебную практику на предприятии работодателя по гибкому графику и на условиях, устраивающих все стороны. Важно подчеркнуть, что средние и, особенно, крупные работодатели, предпочитают создавать свои корпоративные учебные заведения, никак не связанные с нынешней системой ВПО. В рамках дополнительного образования здесь реализуются учебные и подготовительные программы с привлечением опытного персонала от работодателя, которые лучше знают специфику работы, принятые этические нормы и корпоративные традиции и, тем самым, создают необходимые условия для эффективного обучения и подготовки.

С точки зрения руководителей регионального управления, прямое финансовое участие работодателя в подготовке кадров – это логичная мера. Но при этом 90% опрошенных указали, что привлечь предприятия и работодателей к софинансированию подготовки квалифицированных специалистов и рабочих нелегко.

Выводы

Доля негосударственного профессионального образования существенно варьируется в различных странах в зависимости от уровня экономического развития и культурно-исторических традиций. Как правило, процессы приватизации в образовании характерны на начальных и наиболее динамичных этапах экономических трансформаций. Именно в эти периоды размер отдачи от вложений в образование имеет максимальные значения. Далее, по мере перехода к стабильным, устойчивым режимам, соответствующим высокой степени экономического развития, темпы приватизации приостанавливаются, достигнув постоянных значений.

Увеличение доли финансовых активов негосударственного происхождения в системе российского профессионального образования, подготовки и переподготовки работников – объективная необходимость, которая определяется развивающимися экономическими отношениями. Как выясняется, частные инвестиции, в отличие от государственных, бюджетных, обеспечивают более высокую гибкость, адаптабельность учебного процесса к постоянно изменяющимся требованиям рынка труда. Не менее важно и то, что финансовая независимость от государства с его жёсткой и неповоротливой системой контроля и распределения средств создаёт условия для распространения новых технологий на сферу образования в целом. При этом на практике реализуется один из основных принципов высшей профессиональной школы – университетская автономия и обеспечение академических свобод. Всё это создаёт необходимые условия для инноваций в условиях модернизации экономики.

Специфика сегодняшней российской приватизации профессионального образования заключается в том, что за последние 10–15 лет появились несколько сотен учебных заведений, источником финансирования которых являются исключительно негосударственные и частные средства. В настоящее время в условиях «демографической ямы» рост числа частных вузов приостановился, а конкуренция с государственными учебными заведениями обострилась. Государство в лице органов управления образованием приступило к проведению политики протекций, направленной на поддержку, прежде всего, бюджетных учреждений и ограничение деятельности частных. Тем самым, произошло замедление модернизации образования и прироста его инновационного потенциала.

С другой стороны, на практике, в рамках действующей системы государственного образования происходили и продолжают интенсивные процессы увеличения доли внебюджетных и привлечённых «со стороны» средств. Открытие платных программ и курсов, предоставление возможности обучения по второй специальности, первые шаги по кредитованию студен-

Финансовая независимость от государства с его жёсткой и неповоротливой системой контроля и распределения средств создаёт условия для распространения новых технологий на сферу образования в целом.

Государство в лице органов управления образованием приступило к проведению политики протекций, направленной на поддержку, прежде всего, бюджетных учреждений и ограничение деятельности частных. Тем самым, произошло замедление модернизации образования и прироста его инновационного потенциала.

тов, расширение финансово-хозяйственной самостоятельности вузов, – все эти и другие шаги, которые были предприняты в рамках Национального приоритетного проекта, позволяют считать приватизацию профессионального образования продолжающейся. Суть такой приватизации заключается в совокупности различных структурных и системных изменений, направленных на ограничение влияния государственных механизмов и средств на деятельность высшей профессиональной школы.

Приватизация, в широком смысле этого термина, в целом положительно воспринимается подавляющим большинством экспертов и, отчасти, населением. Выяснилось, что за последние пять лет число сторонников приватизации среди экспертов выросло на треть и достигло 80%. Что касается самого населения, которое отождествляет понятия «платное» и «частное», то большая его часть согласна оплачивать услуги высшего, среднего и дополнительного профессионального образования. Однако, при этом, весь вопрос в размере оплаты. Население рассчитывает на привлечение внебюджетных источников, снижающих стоимость обучения, таких как средства инвесторов и работодателей, льготные и безвозмездные кредиты, социальные льготы и компенсации.

По характеру своей деятельности частные учебные заведения в самые ближайшие годы переместятся всё больше в сферу неформального и внесистемного образования, освоят новые сферы социального пространства и создадут там инновационную образовательную среду. Эта среда будет более чутко реагировать на меняющиеся запросы рынка труда и постепенно сформирует самонастраивающуюся систему подготовки, переподготовки и трудоустройства экономически активного населения. Отсутствие «академического снобизма» в негосударственных вузах и прочные связи с предприятиями-работодателями, профессиональными союзами, ассоциациями, корпоративными сообществами позволят занять свою нишу в системе сервисного обслуживания рынка труда, а следовательно, сохранить место в конкурентной гонке за центральную фигуру образования – учащегося.

С точки зрения интересов государства и его обязательств риски при такой стратегии приватизации минимальны. Посредством освоения новых форм деятельности и расширения контингента учащихся за счёт взрослого населения сфера образования в целом экстенсивно развивается, повышается её доступность. А при условии открытости информации о своей деятельности, участии в независимых рейтингах, проведении мониторинга трудоустройства выпускников – будет обеспечиться и повышение качества.

Таким образом, имеются все основания утверждать, что инновационный потенциал, с которым политическая власть справедливо связывает успех модернизации и социально-экономических преобразований в стране, в значительной степени

определяется интенсивностью и особенностями процессов приватизации, в том числе, в профессиональном образовании на всех его уровнях.

Примечание

Использованы данные мониторинга реализации нацпроекта «Образование», проведённого Центром социального прогнозирования (руководитель Ф. Э. Шереги), в ходе которого в период 2008–2010 гг. опрошено 65 руководителей и 65 заместителей руководителей (всего 130 экспертов) органов управления образованием субъектов РФ, 400 руководителей районных органов управления образованием, 320 руководителей и 80 заместителей руководителей (всего 400 экспертов) вузов, 1400 преподавателей вузов, 600 директоров и 1400 учителей средних общеобразовательных школ. Опрос проходил в 65 субъектах Российской Федерации. Анализ результатов осуществлён в форме сравнения с данными сопоставимых опросов, проведённых по идентичной методике соответственно в 2005, 2006, 2007, 2008 и 2009 гг.

Также использованы данные исследования «Негосударственное профессиональное образование» (руководитель Г. А. Ключарев), в ходе которого проведены персональные углублённые интервью с экспертами – руководителями и преподавателями успешных с коммерческой точки зрения лицензированных и аккредитованных частных университетов, имеющих хорошую перспективу «выживаемости» и дальнейшего развития. Среди опрошенных 8 ректоров; 19 деканов и руководителей учебных программ, 25 преподавателей. Каждый из респондентов работает в данном вузе не менее пяти лет. В их числе – пять докторов наук, двадцать имеют учёную степень кандидата наук. Более половины располагают богатым практическим опытом работы по специальности, которую преподают в вузе. Среди опрошенных два члена Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ, руководитель пресс-службы политического деятеля федерального уровня, консультант известного PR-агентства, региональный политтехнолог с большим опытом, автор популярного пособия по русскому языку для иностранцев, мастер спорта по альпинизму. Также опрашивались представители региональных служб занятости (12 человек). Исследование проводилось в сентябре – октябре 2010 г. в Москве, Краснодаре, Курске, Ярославле, Орле, Костроме, Йошкар-Оле (Республика Марий Эл). В качестве дополнительного метода использовался контент-анализ масс-медиа по данной проблематике, а также материалы совместного заседания Ассоциации негосударственных вузов и Экспертного совета Комитета по образованию Госдумы РФ (Стенограмма заседания в Российском новом университете

(РосНОУ) 09.04.2010) и личное неформализованное интервью с одним из заместителей председателя Комитета по образованию ГД РФ (октябрь 2010 г.).

Библиографический список

1. Bjarnason, Svava; Cheng, Kai-Ming; Fielden, John et al. A New Dynamic: Private Higher Education. – Paris: UNESCO, 2009, pp. 8–13.
2. Ордин О. Неравенство и экономический рост. Подходит ли кривая Кузнеця для российской экономики? М.: Институт финансовых исследований. URL: <http://www.finansy.ru/publ.pmacro003.htm>; 15.02.2011.
3. UNICEF Transmonee, 2008 (9), TransMONEE database. URL: <http://www.unicef-icdc.org/resources/transmonee.html>
4. Newell, A.; Reilly, B. Rates of return to educational qualifications in the transitional economies // Education Economics. 1999, N 7 (1), pp. 67–84.
5. Heyneman, P. S.; Anderson, H. K., Nyrallyeva, N. The cost of corruption in higher education // Comparative Education Review. 2008, N 52 (1), pp. 1–26.
6. Program of research on Private Higher Education. URL: <http://www.albany.edu/dept/eaps/prophe/data/international.html>
7. Otero, M. S.; Whitworth, A. Equality in Higher Education in Spain and the UK: Mismatch between Rhetoric and Policy? // University of Oxford. Higher Education Quarterly. 0951–5224. Volume 60, N 2, April 2006, pp. 167–186.
8. Adeyemi, K. Equality of access and catchment area factor in university admissions in Nigeria // Higher Education. 2001, N 42, pp. 307–332.
9. Alvarez-Mendiola, G. Lifelong Learning policies in Mexico: context, challenges and comparisons // Compare. Vol. 36, N 3, September 2006, pp. 379–399.
10. Varghese, N. V. Institutional Restructuring in higher education within the Commonwealth of Independent States. – Paris: UNESCO Institution for Education Planning, 2009, pp. 9–10.
11. Private supplementary tutoring in Central Asia. New opportunities and burdens. Silova, Iveta (ed). – UNESCO, International Institution for Educational Planning, 2009.

12. Education for some more than others? A regional study on education in central and eastern Europe and the Commonwealth of Independent States (CIS). – Geneva, UNICEF, 2008.
13. Pitt, J.; Pavlova, M. Pedagogy in transition: from labor training to humanistic technology education in Russia // S. Webber, I. Liikanen (eds). Education and civic culture in post-communist countries. – New York: Palgrave, 2001, pp. 231–247.
14. Brunner, J. J.; Tillett, A. Higher Education in Central Asia: the challenges of modernization (case studies from Kazakhstan, Tajikistan, the Kyrgyz Republic and Uzbekistan). – Washington, DC: World Bank, 2007.
15. Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 гг. Постановление Правительства РФ № 803, 23.11.2005.
16. Statistical Database // Harvard Gazette. 2007. December 13. URL: <http://www.hno.harvard.edu/gazette/2007/12.13/99-finaid.html>
17. Федеральный закон РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=109937;fld=134;dst=4294967295;from=103051-0>
18. Растопшина И. А. Социально-экономические и политические предпосылки создания системы негосударственного образования в России // Научные труды Московского гуманитарного университета №72. – М.: Изд-во МосГУ, 2006.
19. Численность учащейся молодежи образовательных учреждений Российской Федерации / Под ред. Ф. Э. Шереги, А. Л. Арефьева. – М.: Минобрнауки, ЦСИ, ЦСПиМ, 2010.
20. Зернов В. А. Частные вузы: быть или не быть? URL: <http://www.5-TV.ru/video/503554>; 14.02.2011.
21. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в своё будущее? Доклад. Общественная палата РФ. Рук. Я. И. Кузьминов – М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
22. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи. – М.: ЦСПиМ, 2008, с. 419–462.
23. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
24. Арефьев А. Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. – М.: ЦСИ, 2007, с. 585–586.

25. Li, Fengliang; Ding Xiaohao; Morgan, W. John. Higher Education and the starting wages of graduates in China // International Journal of Educational Development. 2009, N 29, pp. 374–381.
26. Шереги Ф. Разработка модели расчета коэффициента удовлетворённости полученным образованием (профессиональное образование). – М.: Центр социального прогнозирования, 2010, с. 67.
27. The University of Nottingham. About the University. Libraries. URL: <http://www.nottingham.ac.uk/about/facilities/libraries.aspx>
28. Li Ka Shing // Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Li_Ka-shing; 15.02.2011.
29. Образование в Российской Федерации: 2008. Статистический ежегодник. – М.: ГУ-ВШЭ, 2008.
30. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Национальный проект образование. Оценки экспертов и позиция населения. – М.: Центр социального прогнозирования, 2008, с. 200–212.
31. Образовательный кредит // Сбербанк России. Официальный сайт. URL: http://sberbank.ru/moscow/ru/person/credits/money/learn_s; 16.03.2011.
32. Моторина А., Таратура Ю. Студентам преподадут антикризисную программу: Минобрнауки спасает бедных студентов // Коммерсант. № 7/17 (4062), 19 января 2009.
33. Диденко Д. В., Ключарев Г. А. Образовательное кредитование в России: состояние, проблемы, пути решения // Финансы и бизнес. 2010, № 1.

Т е м а н о м е р а : О б р а з о в а н и е и м о л о д ё ж ь в Р о с с и и

М о л о д ё ж ь п о с л е п о л у ч е н и я с р е д н е г о о б р а з о в а н и я : о б р а з о в а т е л ь н ы е и п р о ф е с с и о н а л ь н ы е т р а е к т о р и и

Чередниченко Галина Анатольевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

e-mail: galcher50@mail.ru

Молодёжь после получения среднего образования: образовательные и профессиональные траектории

Аннотация

На материалах лонгитюдного социологического исследования (1998–2008 гг.) жизненных путей выпускников средних школ, средних специальных учебных заведений и профессиональных училищ Новосибирской области анализируются процессы формирования образовательных и профессиональных траекторий молодёжи, накопление ею в течение 10 лет самостоятельной жизни образовательных ресурсов и его воздействия на объективное социально-профессиональное положение.

Abstract

The paper is based on the results of longitudinal study (1998–2008) of lives among those leaving secondary schools, specialized secondary schools and training colleges of Novosibirsk region. The author analyzes processes of youth educational and professional trajectories formation, accumulation of educational resources taking place during the 10-years period of independent life as well as its influence upon objective social-professional positions.

Ключевые слова: образовательные и профессиональные траектории, накопление образовательных ресурсов, человеческий капитал, формальное и дополнительное образование, социально-профессиональный статус

Keywords: educational and professional trajectories, accumulation of educational resources, human capital, formal and additional education, socio-professional status

Тесная взаимосвязь между экономическим ростом и развитием образования в современном мире ориентирует стратегию образовательной политики на активное стимулирование инвестиций в человеческий капитал. Это порождает повсеместное расширение охвата молодёжи всё более высокими уровнями образования. В сложившихся реалиях образование продолжает во многом восприниматься молодёжью в качестве

инструментальной и терминальной ценности, хотя не всеми молодыми оно осознается как необходимый ресурс, реально способный повысить благосостояние, уровень и качество жизни. В результате разные группы молодёжи весьма дифференцированно вовлечены в повышение уровня своего интеллектуального развития, накопление и обновление необходимых знаний и навыков. В этой связи особенно важны знания о том, как в условиях сегодняшнего российского общества складываются образовательные и профессиональные траектории молодых представителей разных социальных групп, получивших различный уровень формального стартового образования; каковы избираемые молодёжью стратегии с точки зрения формирования и накопления человеческого капитала.

В методологическом плане обращение к концептам «образовательная и профессиональная траектории» вместо традиционных понятий перехода от образования к труду вызвано трансформациями социальной практики. Традиционная модель перехода «учёба – работа» как дискретный процесс смены учебной деятельности на трудовую всё более уходит в прошлое. Расширение инвестиций в образование (общее, профессиональное, дополнительное – в структурах как формального, так и неформального и информального обучения), а также широкое распространение среди молодёжи нестандартной занятости и новых форм гибкого использования рабочей силы (позволяющей совмещать и/или попеременно чередовать учёбу и работу) сформировали за последние 15–20 лет новую модель: длительный взаимосвязанный процесс попеременного или параллельного обращения и возобновления учёбы и работы. Таким образом, у нас в стране складывается ситуация, аналогичная той, что наблюдается и достаточно давно фиксируется социологами (см.: [1; 2]) в развитых странах Запада, – пролонгирование периода чередования/совмещения самых разнообразных форм образования и труда.

Важнейшим методологическим инструментом изучения образовательных и профессиональных траекторий молодёжи становится теория человеческого капитала¹ и лежащая в его рамках парадигма непрерывного образования. Под человеческим капиталом понимается совокупность воплощённых в человеке экономически ценных ресурсов – знаний, навыков, мотиваций, способностей к восприятию и продуцированию новой информации, – целесообразно используемых им в процессе труда, содействующих росту его производительности и заработка. Он формируется как накопленный результат образовательной и практической деятельности в течение предшествующей жизни и неотчуждаем от его носителя (человека). Образование рассматривается не как потребительское, а как инвестиционное благо, поскольку вложения в человеческий

¹ Сформулирована на рубеже 1950–1960-х гг. Т. Шульцем и Г. Беккером (см.: [3; 4; 5, с. 49–155]). Об истории и различных направлениях исследований в ракурсе теории человеческого капитала (см.: [6, с. 7–56]).

В сложившихся реалиях образование продолжает во многом восприниматься молодёжью в качестве инструментальной и терминальной ценности, хотя не всеми молодыми оно осознается как необходимый ресурс, реально способный повысить благосостояние, уровень и качество жизни.

Важнейшим методологическим инструментом изучения образовательных и профессиональных траекторий молодёжи становится теория человеческого капитала и лежащая в его рамках парадигма непрерывного образования.

капитал обеспечивают, как правило, его обладателю получение в дальнейшем более высокого дохода. Данная теория, как и вся неолиберальная парадигма, в рамках которой эта теория развивается, возлагает всю ответственность за собственные жизненные успехи или неудачи на самого индивида.

Образовательные и профессиональные траектории молодёжи тесно связаны, поскольку рекурсивно связаны рынок труда и система образования. Вместе с тем, они являются всё же разнородными формами перемещения в пространстве социальных позиций. Образовательная траектория может быть определена как получение её субъектом формальных квалификаций, институционально подтверждённых компетенций, информально приобретённого опыта в виде знаний и навыков, то есть она представлена не только как движение прежде всего от «уровня» к «уровню» образования, от диплома к диплому, от квалификации к квалификации, но и как формально не фиксируемое приращение и приумножение знаний и навыков. Профессиональная траектория определяется с точки зрения перехода субъекта от одной позиции на рынке труда к другой, эти позиции различаются уровнем оплаты труда, квалификации, социальным статусом профессии и оцениваются в ракурсе карьерной успешности/неуспешности. Таким образом, образовательная траектория может выступать в виде своего рода «инвестиций», а профессиональная траектория становится социальным полем применения данных ресурсов или их конверсии в соответствующие позиции на рынке труда. Выстроенную логику связи следует понимать, прежде всего, как теоретическую схему, упрощающую в аналитических целях в реальности взаимосвязанные процессы. Для индивида путь в образовании и путь в профессии одинаково самоценны, а образовательная и профессиональная траектории оказываются рядоположенными как в ценностных ориентациях, так и в социальной практике.

Накопление образовательных ресурсов

Изучение процессов накопления образовательных ресурсов в ходе формирования профессиональных траекторий молодёжи базируется на материалах исследовательского проекта «Профессиональные и образовательные траектории молодёжи в изменяющейся России», который реализуется в ИС РАН на основе лонгитюдного социологического исследования 1998–2008 гг.¹ Оно охватывает одну и ту же когорту молодёжи серией опросов: выпускников полных средних школ, средних специальных учебных заведений (ссузов) и профессиональных

¹ Материалы данного исследования представлены в: [7–11]. Банк данных социологического исследования содержит информацию о 1246 выпускниках дневных средних школ, ссузов и ПУ.

училищ (ПУ) Новосибирской области в 1998 г. в ходе их первого выбора места учёбы и/или работы, и в 2008 г. – спустя 10 лет их самостоятельного образовательного и трудового пути; дополнительно в 2008 г. осуществлялось качественное исследование – интервьюирование части респондентов выборки.

Стартовый образовательный ресурс (тот тип среднего учебного заведения, которое первоначально оканчивают юноши и девушки) оказывается существенной социальной характеристикой, дифференцирующей дальнейшее накопление ими образовательного капитала, проявляющейся длительно, явно и латентно в складывающихся образовательных и профессиональных траекториях разных групп молодёжи. Оговорим сразу, что здесь имеется в виду: 1) непосредственно сама полученная различная подготовка – разный объём культурного капитала, накапливаемый при получении среднего образования в дневной средней школе, ссузе и ПУ, а также обретение в ссузах и ПУ профессиональных квалификаций различающихся уровней; 2) особенности социальных характеристик молодёжи (при переходе от школы к ссузу и от ссуза к ПУ – отрицательный отбор контингентов учащихся с точки зрения успеваемости, а также ресурсов образования, статуса, материального положения их семей¹). Эти различия продуцируют дифференциацию в преобладающих системах ценностей, в том числе в ценности образования и мотивации к его повышению, а также различия в стратегиях и реальном поведении указанных трёх групп молодёжи в дальнейшем в сферах образования и труда и именно в этом смысле проявляются как «влияние образовательного потока» (факта окончания школы, ссуза или ПУ) на формирование образовательных и профессиональных траекторий молодёжи. Во избежание путаницы в дальнейшем изложении (где придётся часто оперировать понятиями различных уровней образования) зафиксируем за тремя группами молодёжи факт получения ими разного типа стартового среднего образования и будем их называть: «бывших выпускников полных средних школ» соответственно «поток “школа”», «бывших выпускников ссузов» – «поток “ссуз”», «бывших выпускников ПУ» – «поток “ПУ”».

Процесс накопления человеческого капитала разными потоками молодёжи прослеживается при сравнении занимаемых позиций в сфере образования по двум хронологическим срезам (см. таблицу 1): сразу после окончания средних учебных заведений (1998 г., данные левых колонок) и спустя десять лет жизни (2008 г., данные правых колонок).

¹ Социально-профессиональный статус семьи учащегося определялся по высшему уровню статуса отца или матери. Состав семей учащихся по укрупненным группам: 1) руководители, специалисты с высшим образованием; 2) мелкие собственники; 3) служащие, мастера, бригадиры; 4) рабочие – распределяется следующим образом: поток «школа» – 45%, 15%, 26%, 13%; поток «ссуз» – 32%, 8%, 30%, 26%; поток «ПУ» – 13%, 7%, 10%, 69%. Распределение отцов по уровням образования 1) высшее; 2) среднее специальное; 3) ПТУ; 4) среднее общее и неполное среднее выглядит так: «школа» – 36,4%, 31,6%, 8,5%, 20,2%; поток «ссуз» – 17,3%, 30,6%, 22,3%, 22,3%; поток «ПУ» – 8,5%, 19,7%, 23,9%, 42,2%.

Таблица 1

Уровень получаемого (имеющегося) и достигнутого образования у разных «потоков» молодёжи в год окончания среднего учебного заведения (1998) и спустя десять лет (2008), Новосибирская область, %

Имеют или получают образование	Поток «школа»		Поток «ссуз»		Поток «ПУ»	
	1998	2008	1998	2008	1998	2008
Полное среднее общее	4,0	5,9	-	-	-	-
Начальное профессиональное	7,4	6,6	-	-	46,6 + 24,4	64,0
Среднее специальное	22,4	14,3	53,3 + 3,3	48,4	10,5	18,6
Незаконченное высшее	-	4,8	-	6,6	-	2,3
Высшее	65,8	64,0	38,5	43,4	1,2	15,1
Второе высшее, аспирантура	-	4,4	-	1,6	-	-
Нет информации	0,4	-	4,9	-	17,4	-
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Уже в ходе первого распределения – в 1998 г. – обнаружилось основное различие между потоком «школа» и потоками «ссуз» и «ПУ»: первые практически все (95,6%) продолжают своё обучение, причём большинство в вузах (65,8%), а вторые во многом чаще сохраняют уровень полученного начального или среднего профессионального образования. В этом нет никакой неожиданности: типичные пути молодёжи разных потоков соответствуют назначению разных типов средних учебных заведений. Выпускники средней дневной школы уже многие десятилетия в подавляющем большинстве, особенно в крупных и средних городах, сразу после окончания школы поступают в вузы (наш массив включает выпускников школ малых городов и сёл, что снижает общую долю поступивших в вузы до двух третей; соответствующий показатель для выпускников крупнейшего города Новосибирска – 72,5%). Та молодёжь, которая после окончания 9-летки обращается к учёбе в ссузе и ПУ, делает это ради получения профессиональной подготовки наряду со средним образованием. Поэтому неудивительно, что большинство выпускников ссузов и ПУ по их окончании используют полученную подготовку и выходят с имеющимся уровнем образования на рынок труда: 53,3% выпускников ссузов (и ещё 3,3% поступают вновь в другие средние специ-

альные учебные заведения) и 46,6% выпускников ПУ (и 24,4% продолжают ещё один год в тех же ПУ углублять полученные или осваивать дополнительные специальности¹).

Наряду с наиболее типичными существуют и другие каналы подготовки, к которым, хотя и в меньшей степени, обращается молодёжь разных потоков в год окончания среднего учебного заведения. Среди всех выпускников дневных школ 22,4% поступают в средние специальные учебные заведения и совсем небольшая часть – 7,4% – в ПУ (из числа сельской молодёжи соответственно 27,5% и 31,3%). У окончивших ссузы вторым существенным узлом притяжения является поступление в вуз – 38,5%, часть этой подгруппы оказывается в высшей школе благодаря договорным отношениям между однопрофильными учебными заведениями о приёме успешных выпускников ссуза в вуз. Лишь совсем небольшая часть выпускников ПУ продолжает учёбу, при этом система СПО оказывается гораздо более доступной (поступает 10,5% контингента), нежели высшая школа (1,2%).

Основной чертой накопления за десять лет образовательного капитала молодёжью становится увеличение доли тех, кто прошёл через систему высшего образования. В потоке «школа» такое увеличение (с 65,8% до 73,2%²) происходит за счёт перераспределения выпускников, поначалу поступивших в ссуз или ПУ: доли получавших в первый год и имеющих спустя десять лет такое образование соответственно сократились с 22,4% до 14,3% и с 7,4% до 6,6%. Таким образом, господствующая латентная ориентация молодёжи, оканчивающей дневные средние школы, на высшее образование оказывается очень устойчивой; и она, в конечном счёте, перекрывает альтернативные варианты выбора, превращая их во временный компромисс.

В потоке «ссуз» приращение доли прошедших через учёбу в высшей школе (с 38,5% до 51,6%) разделило его на две равновеликие подгруппы: сохранивших среднее профессиональное и получивших высшее образование. Данный факт ретроспективно подтверждает, что через этот канал подготовки реализуются две типичные стратегии, направляющие выбор молодёжи в момент окончания 9 классов школы: короткий путь получения относительно квалифицированной специальности и альтернативный дневной школе вариант обеспечения доступа в высшую школу. У части молодёжи в планах выбора нередко более или менее осознано присутствуют обе стратегии – первая как страховка второй на случай неблагоприятного стечения жизненных обстоятельств.

Поток «ПУ» наиболее стабилен в сохранении той подготовки, которая молодёжи даётся в «стартовых» профессиональных училищах – 64,0% лиц сохраняют спустя десять лет начальное профессиональное образование. Накопление образо-

¹ В тот период такая подготовка предлагалась в ПУ на коммерческой основе.

² Включены получившие одно и два высших образования, подготовку в аспирантуре, имеющие неполное высшее образование и сейчас обучающиеся в вузе.

Господствующая латентная ориентация молодёжи, оканчивающей дневные средние школы, на высшее образование оказывается очень устойчивой; и она, в конечном счёте, перекрывает альтернативные варианты выбора, превращая их во временный компромисс.

В потоке «ссуз» приращение доли прошедших через учёбу в высшей школе (с 38,5% до 51,6%) разделило его на две равновеликие подгруппы: сохранивших среднее профессиональное и получивших высшее образование.

Поток «ПУ» наиболее стабилен в сохранении той подготовки, которая молодёжи даётся в «стартовых» профессиональных училищах – 64,0% лиц сохраняют спустя десять лет начальное профессиональное образование.

вательного потенциала в институциональной форме происходит здесь почти в равной мере ещё по двум каналам: спустя десять лет 18,6% молодёжи получают среднее профессиональное образование и 15,1% – высшее (плюс 2,3% неполное высшее). В отличие от потока «ссуз» у выпускников ПУ не было институциональных льгот при поступлении в вуз, между тем относительный прирост молодёжи, прошедшей через систему высшего образования, здесь был самым большим: увеличение на порядок – с 1,2% до 17,4%.

Молодёжь накапливает человеческий капитал и в виде дополнительного образования в разных его формах – на профессиональных и краткосрочных курсах, тренингах, деловых играх, в системе повышения квалификации и переподготовки, дистанционного образования, обучения через интернет. Всего такого рода образование за рассматриваемые десять лет получили в целом 47,1% молодёжи потока «школа», 35,2% – потока «ссуз» и 29,1% – потока «ПУ». Одновременно внутри потоков доля получивших дополнительное образование растёт прямо пропорционально уровню институционального образования (см. таблицу 2). В совокупности эти результаты подтверждают известный социологический факт – «образование есть удел образованных», то есть, чем выше и качественнее имеющееся образование, тем более разбужены образовательные потребности и тем чаще люди прибегают к учёбе, инвестируют в образование, в том числе и дополнительное. Именно более развитыми личными мотивациями и более инициативным отношением к самообразованию может быть объяснён тот факт, что среди достигших одинакового уровня формального образования обращение к дополнительному обучению растёт от потока «ПУ» к потоку «ссуз» и далее потоку «школа» (соответствующие показатели среди лиц с высшим образованием равнялись 27%, 42% и 54%).

Таблица 2

**Доля получивших дополнительное образование
в зависимости от уровня институционального
образования, %**

Уровень имеющегося образования	Поток «школа»	Поток «ссуз»	Поток «ПУ»
Среднее общее	25,0	-	-
Начальное профессиональное	22,2	-	30,9
Среднее профессиональное	35,9	28,8	25,0
Незаконченное высшее	41,7	37,5	-
Высшее (в т. ч. два высших, аспирантура)	54,0	41,8	26,6
Итого	47,1	35,2	29,1

В совокупности эти результаты подтверждают известный социологический факт – «образование есть удел образованных», то есть, чем выше и качественнее имеющееся образование, тем более разбужены образовательные потребности и тем чаще люди прибегают к учёбе, инвестируют в образование, в том числе и дополнительное.

Здесь отражается и влияние сигналов, идущих от рынка труда к рабочим местам, предполагающим наличие разного уровня формального образования. Так, наиболее высокие требования повышения квалификации, переподготовки, совершенствования навыков работы, приобретения новых навыков и знаний рынок труда диктует лицам, занятым на рабочих местах, предполагающих наличие высшего образования. В то время как рабочие места средней квалификации (с подготовкой в СПО), а тем более квалифицированных исполнителей (с подготовкой в НПО) предъявляют менее значительные запросы. Соответственно, например, в потоке «школа» обращаются к дополнительному обучению чаще других те, кто прошёл через подготовку в вузе (54,0%), чуть реже – достигшие незаконченного высшего (41,7%) и среднего специального (35,9%), и менее всех – имеющие среднее общее (25,0%) и начальное профессиональное образование (22,2%). Аналогичная эволюция наблюдается на примере молодёжи потока «ссуз».

Дополнительное образование играет специфическую роль в зависимости от профессионально-квалификационной принадлежности молодёжи. Так, в потоке «ПУ» чаще других обращаются к дополнительному обучению лица, сохранившие только начальное профессиональное образование – 30,9%. Эта наиболее массовая подгруппа представлена рабочими, большая часть которых за 10-летний трудовой стаж (гораздо больший, чем у лиц с высшим образованием) сменила не одну рабочую специальность и в ходе этих смен неизбежно много раз обращалась к дополнительному обучению (чаще всего на профессиональных курсах или в системе переподготовки), что соотносительно увеличило среди них долю потребителей такого образования.

Образовательные пути

Наряду с конечным (на данный момент) результатом – уровнем достигнутого спустя десять лет формального образования – различия в социальном поведении молодёжи разных потоков обнаруживаются и в образовательных путях, которые вели к этим достижениям (см. таблицу 3).

По многим показателям образовательные траектории молодёжи потока «школа» характеризуются преимуществами по отношению к потоку «ссуз» и тем более «ПУ». Их отличают более широкий спектр выбора ступеней образования и цепочек последовательных учебных заведений, наличие наиболее высоких достижений (второго высшего образования, аспирантуры), а главное – получение высшего образования более высокого качества: в дневной форме обучения. Таких в потоке «школа» 60,9%, в потоке «ссуз» – 18,6% и в потоке «ПУ» – 5,8%.

Соотношение численности обучавшихся в дневных вузах и вузах вечерних/заочных у «школьников» составляет 89% к 11%, в потоке «ссуз» – 41% к 59%, а в потоке «ПУ» – 38% к 62%.

Таблица 3

**Тип образовательной траектории после окончания
«стартового» среднего учебного заведения, %**

Тип траектории	«Школа»	«Ссуз»	«ПУ»
Вуз дневной + аспирантура	2,2	-	-
Вуз дневной + вуз вечерний/ заочный	4,4	1,8	-
Вуз дневной	54,3	16,8	5,8
Вуз вечерний/заочный	7,7	26,5	9,3
в т. ч. ссуз + вуз	[8,4]	-	-
в т. ч. ПУ + вуз	[1,8]	-	-
Вуз неоконченный	2,9	5,9	2,3
Вуз, учится сейчас	-	2,5	1,2
Ссуз дневной	14,3	0,9	17,4
Ссуз вечерний/заочный	1,1	0,9	1,2
ПУ	7,4	-	-
Профессиональные курсы	-	-	4,7
Сохранили «стартовое» образование	5,5	45,1	58,2

Иначе говоря, для «школьников» характерно преобладающее дневное обучение, для «ссузовцев» – небольшое преобладание вечерних и заочных форм, а для «ПУ-шников» – большой перевес обучения без отрыва от работы. Доступ к бюджетным учебным местам также складывается в пользу, прежде всего, окончивших средние школы: доля плативших за учёбу в вузе составляла 41,9% из числа обучившихся в потоке «школа», 49,1% в потоке «ссуз» и 76,9% в потоке «ПУ». Платное обучение, предоставляемое коммерческими структурами, филиалами учебных заведений и т. п., чаще оказывается менее качественным. Таким образом, даже если свести представление о качественном высшем образовании только к показателям «дневное обучение» и «бюджетные учебные места», то оказывается, что доступ к нему носит по большей части характер социальной селекции.

«Школьники» несколько успешнее учатся в вузах, среди них меньше лиц, не завершивших обучение (соотношение численности получивших высшее образование и имеющих траекторию «вуз неоконченный» составляет в потоке «школа» 96% к 4%, в потоке «ссуз» – 88% к 12% и в потоке «ПУ» – 86% к 14%). Они также чаще без потерь времени и, следовательно, раньше по возрасту заканчивают вузы (среди них нет, а в потоках «ссуз» и «ПУ» есть те, кто спустя десять лет всё ещё являются студентами). Сегодня у молодёжи одним из приоритетов становится вопрос о карьере, забота о необходимости её заранее формировать. В выстраивании карьеры задержка во времени трактуется как барьер, как упущенные заработки (доходы). Выпускники средних школ, тем самым, имеют временную фору, привилегию в становлении и развитии профессиональных карьер. В целом, чем более значительными оказываются в совокупности первоначальные образовательные и социальные ресурсы контингента молодёжи (в нашем случае – «образовательных потоков»), тем успешнее складываются образовательные траектории, тем более качественное и более высокого уровня образование получают их представители.

Образовательные траектории и достигнутые социально-профессиональные позиции

Выявление специфики социально-профессиональной интеграции молодёжи с различными стартовыми образовательными ресурсами позволило установить ряд взаимозависимостей между объёмом и качеством накопленных образовательных ресурсов и достигнутыми социально-профессиональными статусами. Первоначальный образовательный ресурс (соотносимый с «потоком» в сфере образования) и специфика образовательной траектории сказываются на достигаемых социально-профессиональных позициях. В ходе анализа отдельно, по однородным группам с точки зрения уровня достигнутого образования, сравнивались статусы, получаемые молодёжью разных потоков спустя десять лет. Учитывалось, что достижение того или иного профессионально-квалификационного статуса отражает итог соединения на рынке труда предлагаемых компетенций и спроса на них, поэтому в достигаемом статусе проявляются движения профессиональной мобильности, а сам он представляет реализацию конкурентных возможностей, которые создаёт та или иная образовательная подготовка с точки зрения уровня и профиля квалификации.

Достигшие высшего образования. Распределение спустя десять лет по социально-профессиональному статусу молодёжи разных потоков, достигшей высшего образования, представлено на рис. 1.

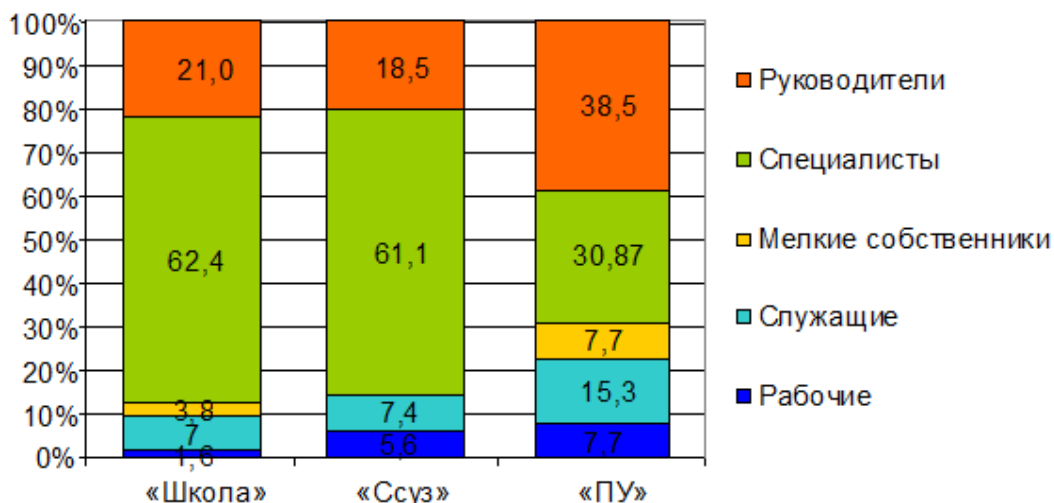

Рис. 1. Распределение спустя десять лет по социально-профессиональному статусу молодёжи разных потоков, достигшей высшего образования, %

В целом отмечают очень небольшие расхождения между потоками «школа» и «ссуз»: основная и практически одинаковая часть (62,4% и 61,1%) того и другого контингентов молодёжи становится специалистами, на порядок меньшая часть (7,0% и 7,4%) – служащими, одновременно «школьники» получают некоторое преимущество в достижении позиций руководителей (21,0% против 18,5%) и ничтожно малая их доля (и меньшая, нежели у молодёжи потока «ссуз» – 1,6% против 5,6%) занимают позиции рабочих. О конкурентных преимуществах потока «школа» свидетельствует состав категорий руководителей и специалистов. «Школьники» с высшим образованием чаще, чем «ссузовцы», достигают более высоких позиций руководителей: среди них относятся к крупным собственникам и высшему уровню управления в госсекторе 5,4%, а к низшему и среднему уровню руководства – 15,6%, тогда как в потоке «ссуз» это соотношение составляет 1,8% к 16,7%. Стартовавших после дневной школы получение высшего образования и последующая подготовка может вести в категорию творческих, научных работников (4,3%), а среди получающих высшее образование после учебы в ссузах таковых нет. В этом, безусловно, сказалась более высокая конкурентоспособность получивших среднее образование в дневной школе (в наиболее престижных вузах – Новосибирском государственном университете, Новосибирском государственном техническом университете – обучалось 16,1% «школьников» и 7,3% «ссузовцев»; в привлекательных отраслевых вузах экономики и права училось 5,4% молодёжи потока «школа» и никто из респондентов потока «ссуз»). Рабочие места в негосударственном секторе, где сегодня существенно выше оплата труда и куда более всего стремится молодёжь, чаще получают лица с высшей подготовкой, полученной после дневной школы, нежели после ссуза:

Стартовавших после дневной школы высшее образование и последующая подготовка может вести в категорию творческих, научных работников (4,3%), а среди получающих высшее образование после учебы в ссузах таковых нет.

Рабочие места в негосударственном секторе, где сегодня существенно выше оплата труда, чаще получают лица с высшей подготовкой, полученной после дневной школы, нежели после ссуза.

соотношение специалистов, занятых в госсекторе и занятых в негосударственном секторе, у «школьников» 31,7% к 26,3%, а у «ссузовцев» – 39,3% к 21,8%.

Распределение по статусам получивших высшее образование после обучения в «стартовом» ПУ отличается от двух предыдущих потоков, с одной стороны, большей поляризацией (здесь выше доля как руководителей – 30,8%, так и рабочих – 7,7%), с другой стороны, – меньшим соответствием достигнутых квалификационных статусов имеющемуся уровню высшего образования: доля руководителей и специалистов, статусы которых предполагают наличие высшего образования, в потоке «ПУ» равняется 69,3%, в сравнении с 83,4% в потоке «школа» и 79,6% в потоке «ссуз». Тот факт, что молодёжь потока «ПУ», в отличие от других, получает высшее образование только в вечерней и заочной форме обучения, обуславливает «генетическую» связь достигаемых впоследствии статусов с теми позициями, которые она занимала изначально после выпуска из ПУ. Данные о трудоустройстве выпускников ПУ свидетельствуют, что получение на «старте» рабочей квалификации, в условиях низкой оплаты труда новичков на производстве и в госсекторе, в массовых масштабах выводило эту категорию молодых работников в сферу сервиса и в частный сектор. Поэтому те, кто десять лет спустя после учёбы в вузе стали руководителями, представлены только негосударственным сектором, они же достигают только уровня руководства средним и низшим звеном. То есть именно в этой нише – для начинающих после подготовки в ПУ в качестве квалифицированных исполнителей в частном секторе – получение высшего образования оказывается очень действенной «социальной возгонкой» (доля руководителей в потоке «ПУ» оказывается выше, чем у «школьников» и «ссузовцев»), но рост ограничивается позициями нижнего уровня руководства – организационного управления бизнесом. Так же только в частном секторе достаются места специалистов тем, кто окончил вуз после ПУ, причём получить адекватные уровню высшей подготовки рабочие места и статусы удаётся только части молодёжи этой подгруппы: становятся специалистами 30,8% (гораздо реже, чем в потоках «школа» и «ссуз»), и такая же часть (в сумме) занимают более низкие статусы служащих, мелких собственников и рабочих. Подобная низкая конкурентоспособность знаний и квалификаций молодёжи, получившей подготовку в вузе после ПУ, свидетельствует о том, что этот контингент – по преимуществу «новички» в поле высшей школы (дети главным образом рабочих и родителей, не имеющих высшего образования) – чаще попадает в ловушки девальвированного с точки зрения качества и специализации высшего образования.

Итак, получение высшего образования после дневной школы и после обучения в ссузе открывает перед молодёжью обоих потоков относительно схожие перспективы социального и профессионально-квалификационного продвижения.

Преимущества большего объёма культурного капитала, накопленного при обучении в дневной школе, и его дальнейшего относительно более частого аккумуляирования в «элитном» секторе высшего образования, обнаруживаются наиболее зримо в продвинутых карьерах и профессиях творческого труда небольшой части контингента. В остальном отмечается сходная эффективность получения высшего образования указанными двумя путями. Это, видимо, хорошо улавливается общественным сознанием, поскольку стратегия получения высшего образования, опосредованная намеренным выбором ссуза после основного образования (в качестве «промежуточного» этапа учёбы), является довольно типичной для некоторых социальных групп и категорий: тех, кто либо осознаёт свои более низкие конкурентные возможности (хуже учится в школе), либо ориентируется на использование существовавшей до сих пор в ряде отраслей институциональной преемственности ступеней среднего и высшего профессионального образования (например, учебных заведений педагогического, сельскохозяйственного, в некоторых случаях технического профиля). В сравнении с получением высшего образования после окончания дневной школы или ссуза, образовательная и профессиональная траектории, начинающиеся с получения начального профессионального образования и выхода с ним на рынок труда, даже при наращивании в дальнейшем образовательных ресурсов до уровня высшего образования дают их носителям в целом более низкие позиции (почти треть имеет занятия, не предполагающие наличия высшего образования); и только для части занятых в негосударственном секторе сферы услуг создают возможности перехода к выполнению функций организационного руководства бизнесом.

Достижение среднего специального образования.

Изучение распределения по статусам молодёжи разных потоков со средним специальным образованием позволяет выявить те различия в достижениях, которые создаёт подготовка в системе СПО, с одной стороны, по типу «длинного образовательного пути» – на базе имеющегося среднего образования (после средней школы и среднего ПУ) и более осознанного выбора сферы деятельности в старшем возрасте; и с другой стороны, «короткого образовательного пути» – на основе раннего самоопределения после 9-летки и ограничения формального образования только подготовкой в ссузе (см. сравнение на рис. 2 данных о распределении, с одной стороны, потоков «школа» и «ПУ» и, с другой – потока «ссуз»).

Структура распределения по социально-профессиональным статусам лиц, достигших СПО после средней школы и ПУ, довольно схожа. Подготовка в отделениях на базе среднего образования открывает возможности для занятия преимущественно мест служащих (59% молодёжи потока «школа» и 68,9% – потока «ПУ») и гораздо реже – мест квалифицированных рабочих (соответственно 12,8% и 18,8%). Кроме

того, она способствует, хотя и в меньшей степени, нежели подготовка в вузе, социальной мобильности: становятся руководителями 7,7% из потока «школа» и 6,3% из потока «ПУ», при этом среди бывших школьников есть руководители как высшего, так и среднего/низшего звена, а среди респондентов-«ПУ-шников» лишь последние. Ещё небольшой части «школьников» со средним специальным образованием удаётся устроиться на рабочие места, формально предполагающие наличие высшего образования, – специалистов в негосударственном секторе (5,1%).

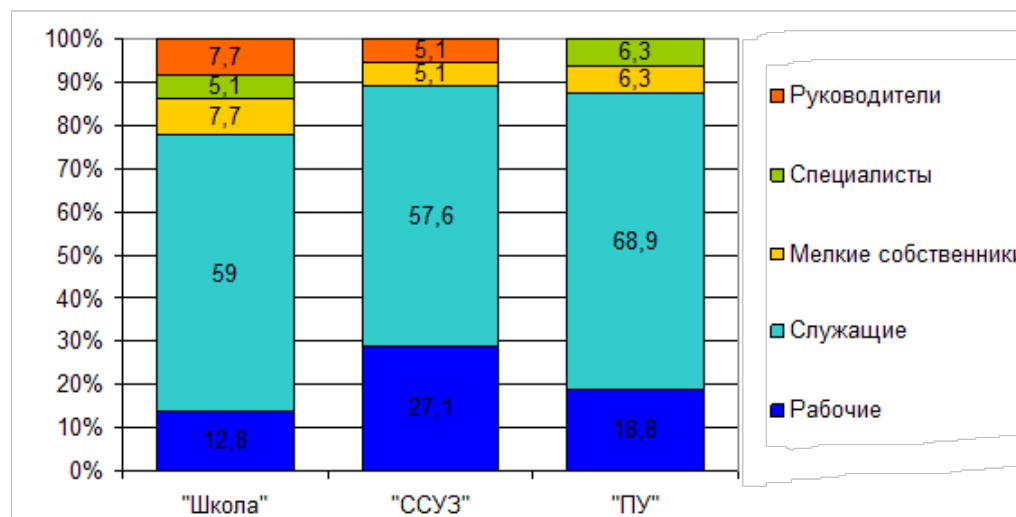

Рис. 2. Распределение спустя десять лет по социально-профессиональному статусу молодёжи разных потоков, достигшей среднего специального образования

У получивших среднее специальное образование в отделениях на базе 9-летки и сохранивших только данный уровень формального образования на протяжении десяти лет трудовой жизни выше, чем у обучавшихся по типу «длинного образовательного пути», вероятность оказаться на позициях рабочих (27,1% молодёжи потока «ссуз» против 18,8% в потоке «ПУ»), соответственно относительно меньше шансов занять более массовые позиции служащих (57,6% в сравнении с 68,9%), а также позиции мелких собственников. В этом сказывается влияние структуры подготовки по отраслям и специальностям отделений на базе основной школы, более, чем в отделениях на базе средней школы, смещённой в сторону производственного сектора, а также проявляются процессы депрофессионализации и деквалификации, затрагивающие некоторую часть молодых работников с подобной подготовкой.

Не работали на момент опроса по полученной в СПО специальности 33,9% молодёжи потока «ссуз» (сохранившей это образование), что связано главным образом с непривлекательно низкими социальными характеристиками (в первую очередь низкой зарплатой) рабочих мест, предлагаемых на рынке труда работникам данных квалификаций. Как показывают результаты качественного исследования (интервью

с частью представителей выборки), при смене специальности и поисках подходящей работы они чаще вынуждены соглашаться на девальвацию образовательных ресурсов, понижение уровня квалификации и статуса ради занятости, обеспечивающей приемлемый заработок; при этом, такое согласие, как правило, находит поддержку в их габитусе и социальном происхождении из рабочих. Депрофессионализация, затронувшая гораздо сильнее молодёжь потока «школа» (48,6% не работают по специальности, полученной в вузе), проходила, как правило, путём конверсии совокупности образовательных ресурсов и не сопровождалась у большинства деквалификацией и сильным понижением статуса. В потоке «ПУ» около половины не использующих подготовку в СПО (25% из 43,8%) вернулись к первоначально полученной в училище профессии.

Таким образом, подготовка в СПО по типу «длинного образовательного пути» ведёт к более высоким профессионально-статусным позициям, нежели «короткий образовательный путь». Наличие большего культурного капитала (в виде предварительного среднего образования и среднего образования более высокого уровня) позволяет, получив подготовку в системе СПО, более выгодно «обменивать» её на рынке труда на рабочие места и квалификации, нежели в случае, когда специальность в вузе приобретают, выбирая её после основной школы.

Получившие начальное профессиональное образование. Наличие в качестве наивысшего уровня начального профессионального образования (см. рис. 3) отрывает перед обладателями (получившими подготовку как после средней, так и основной школы) преимущественно карьеры либо рабочих, либо служащих: около двух пятых в том и другом потоке становятся рабочими, а служащими – столько же в потоке «школа» и около трети в потоке «ПУ». Шансы выйти за пределы этих массовых позиций у окончивших ПУ на базе 9-летки связаны главным образом с занятием мелким бизнесом (16,4% контингента).

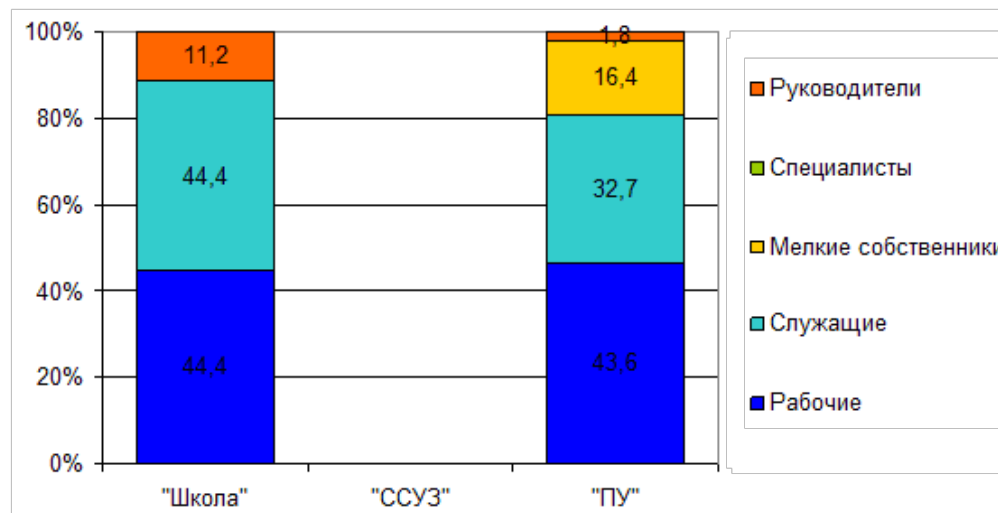

Рис. 3. Распределение спустя десять лет по социально-профессиональному статусу молодёжи разных потоков, имеющей начальное профессиональное образование

Наличие большего культурного капитала (в виде предварительного среднего образования и среднего образования более высокого уровня) позволяет, получив подготовку в системе СПО, более выгодно «обменивать» её на рынке труда на рабочие места и квалификации, нежели в случае, когда специальность в вузе приобретают, выбирая её после основной школы.

Тот факт, что самая большая доля мелких собственников отмечается у самой малоресурсной из всех трёх рассматриваемых групп молодёжи (см. рис. 1–3), может объясняться именно тем, что у них меньше, чем у кого-либо, любых других альтернатив социального прорыва. Благодаря школьному багажу образования на базе дневной 11-летки небольшой части молодёжи потока «школа» (11,2%) даже при наличии только НПО удаётся достичь статусов руководителей (нижнего звена); таковых практически нет в потоке «ПУ».

Намного большие возможности социально-профессионального продвижения открывает перед молодёжью со стартовым образованием в объёме среднего ПУ накопление ступень за ступенью ресурсов формального образования (сравнение статусов потока «ПУ» на рис. 1–3). Если распределение по статусам лиц, ограничившихся только подготовкой в НПО, даёт пропорции «две пятых рабочих + одна треть служащих + одна шестая мелких собственников», то повысившие уровень образования до СПО представлены преимущественно служащими (до семи из десяти), а также рабочими (почти одна пятая); а из достигших высшего образования более трети становятся руководителями низшего звена, менее трети – специалистами, 15% – служащими и вдвое меньше – рабочими. Таким образом, изучение образовательных и профессиональных траекторий выпускников средних ПУ позволяет вскрыть значительную эффективность среднего НПО. Этот результат – важный аргумент в сегодняшней дискуссии о реформировании системы профтехподготовки: сохранять ли в НПО длительные программы обучения, включающие предоставление хотя бы сокращённого объёма среднего образования, или переходить на короткие программы, ориентированные только на быстрое получение квалификации, актуальной для рынка труда. Немедленный прямой экономический результат действия таких краткосрочных программ вполне очевиден. Вместе с тем, нельзя не учитывать не только тактические, но и стратегические, латентные социальные эффекты. Наряду с хорошо известной социальной функцией, которую выполняют средние ПУ, удерживая в системе образования и предоставляя подготовку социально «трудному» контингенту молодёжи, они, как показывают результаты исследования, открывают ей перспективы, предоставляют возможности социального продвижения, тем самым улучшают её положение в социетальном плане.

Накопление образовательных ресурсов и социальное самочувствие

Накопление образовательного потенциала предопределяет не только объективное социальное положение респондентов, но существенно сказывается на субъективном самоощущении

Тот факт, что самая большая доля мелких собственников отмечается у самой малоресурсной из всех трёх рассматриваемых групп молодёжи, может объясняться именно тем, что у них меньше, чем у кого-либо, любых других альтернатив социального прорыва.

и самооценках. Продемонстрируем это на примере молодёжи потока «школа». Ответы на вопрос «Удовлетворены ли Вы жизнью в целом?» молодёжи с разным объёмом накопленных образовательных ресурсов (см. табл. 4) показывают, что оценки по шкалам «удовлетворённости / не удовлетворённости» распределяются по мере роста уровня образования практически в линейной зависимости. Больше всего «совсем не удовлетворённых» и «не удовлетворённых» среди наименее образованных (соответственно 6,3% и 12,5% лиц со средним общим образованием), на следующей образовательной ступеньке (среди имеющих начальное профессиональное образование) – концентрация ответов (55,6%) на оценке «средняя удовлетворённость», с подъёмом ещё на одну ступень достигнутого образования оценки сосредотачиваются на позиции «удовлетворён» (59,0% тех, кто имеет среднее профессиональное образование) и самые высокообразованные чаще всего отмечают оценку «вполне удовлетворён» (51,9% молодёжи с высшим и более высоким образованием).

Таблица 4

«Удовлетворены ли жизнью в целом» в зависимости от уровня достигнутого образования, % от числа ответивших по подгруппам, поток «школа»

Удовлетворены ли жизнью в целом	Уровень достигнутого образования:			
	Среднее общее	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Высшее, два высших, аспирантура
Совсем не удовлетворён	6,3	0,0	0,0	0,0
Не удовлетворён	12,5	5,6	2,6	0,5
Средне	37,5	55,6	7,7	7,0
Удовлетворён	37,5	16,7	59,0	40,6
Вполне удовлетворён	6,3	22,2	30,8	51,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

На оценки удовлетворённости жизнью влияет не только формальное, но и дополнительное образование. У получивших дополнительное образование, в сравнении с не получившими его, распределение по шкалам «удовлетворённости / не удовлетворённости» оказывается с заметным сдвигом в пользу оценок большей удовлетворённости.

Положительное воздействие накопления человеческого капитала на самооценки – устойчивая тенденция. Зависимость, аналогичная той, что была продемонстрирована для показателя «удовлетворённости жизнью в целом», обнаруживается и на примере других показателей социального самоощущения.

Наряду с хорошо известной социальной функцией, которую выполняют средние ПУ, удерживая в системе образования и предоставляя подготовку социально «трудному» контингенту молодёжи, они открывают ей перспективы, предоставляя возможности социального продвижения, тем самым улучшают её положение в социальном плане.

Респондентов спрашивали: «Добился ли в жизни большего, чем родители?». Распределение ответов по подгруппам с разным уровнем образования показало линейную зависимость, где полярными оказываются положения двух подгрупп: большинство лиц с общим средним образованием отвечают на этот вопрос «скорее нет» (37,5%) и «нет» (37,5%), а подавляющая часть тех, кто имеет высшее образование, выбирают ответы «скорее да» (32,8%) и «да» (54,8%). У промежуточных образовательных подгрупп в распределении ответов проявляются те же тенденции: у лиц с начальным профессиональным образованием 44,4% ответов «скорее нет» и 22,2% – «скорее да», а те, у кого среднее профессиональное образование, отмечают «скорее да» (38,5%) и «да» (41%). У получавших дополнительное образование в сравнении с не получавшими его наблюдается заметное смещение в сторону положительных ответов.

Похожим образом складывается распределение ответов на вопрос «Если бы Вы сегодня заканчивали школу, то повторили бы Вы свой жизненный путь?». Лица со средним общим образованием в 60% случаев отмечают «в корне бы всё изменил»; те, у кого начальное профессиональное образование, в 55,6% случаев – «кое-что бы изменил»; молодёжь со средним профессиональным (51,3%) – «всё бы повторил»; тот же ответ выбирают ещё чаще те, кто получил высшее образование (70,3%). Среди получавших дополнительное образование 64,3% ответили «всё бы повторил» и 6% – «в корне бы всё изменил»; в то время как среди тех, кто такого образования не получал, это соотношение – 47,1% к 18,8%.

Выстраивание профессиональной карьеры всё более зависит от того, насколько интенсивно и целенаправленно молодёжь накапливает знания, навыки, квалификации – всё то, что в совокупности определяется как человеческий капитал. При этом группы молодёжи с различными начальными стартовыми ресурсами среднего образования располагают не одинаковыми реальными возможностями последующего накопления образовательных ресурсов – повышения формального образования, обращения к дополнительному обучению, выстраивания типов образовательных путей, которые вели к тем или иным достижениям. Чем более значительными оказываются в совокупности первоначальные образовательные и социальные ресурсы контингента молодёжи, тем успешнее складываются образовательные траектории, тем более качественное и более высокого уровня образование получают их представители. Увеличение объёма и качества образовательных ресурсов сопровождается восхождением молодёжи по ступеням социально-профессионального статуса, между тем на это позиционирование достаточно длительно сохраняют своё влияние различия первоначальных ресурсов «стартового» образования и социальных характеристик разных групп молодёжи. Одновременно инвестиции в человеческий капитал, особенно в образование,

У получавших дополнительное образование, в сравнении с не получившими его, распределение по шкалам «удовлетворённости / не удовлетворённости» оказывается с заметным сдвигом в пользу оценок большей удовлетворённости. Положительное воздействие накопления человеческого капитала на самооценки – устойчивая тенденция.

приносят выгоды, не связанные непосредственно с доходами, а выражающиеся, в частности, в повышении социальной самооценки личности.

Библиографический список

1. Galland, O. *Sociologie de la jeunesse. L'entrée dans la vie.* – Paris: Armand Colin, 1991.
2. *Les jeunes et les autres (Contributions des sciences de l'homme a la question des jeunes, coordonnées par François Proust).* – Paris, 1985.
3. Schultz, T.W. *The Economic Value of Education.* – N.Y.: Columbia University Press, 1963.
4. Becker, G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education.* – N.Y.: National Bureau of Economic Research, 1964.
5. Беккер Г.С. *Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории.* – М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
6. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. *Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования.* – СПб.: Наука, 1999.
7. Вознесенская Е.Д., Хохлушкина Ф.А. *Образовательные и профессиональные траектории выпускников учебных заведений довузовского профессионального образования // Социология образования. 2009, № 2.*
8. *Когда наступает время выбора. Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений / Отв. ред. Г.А. Чередниченко.* – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
9. Константиновский Д. Л., Чередниченко Г. А. *Система образования: открытые двери или дифференциация возможностей? // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева.* – М.: ИС РАН, 2003.
10. *Образование и наука в процессе реформ. Социологический анализ / Ред.-сост. Д.Л. Константиновский, Л.П. Веревкин.* – М.: ЦСП, 2003.
11. Чередниченко Г.А. *Образовательные и профессиональные траектории выпускников средних школ // Социология образования. 2009, № 1.*

Чем более значительными оказываются в совокупности первоначальные образовательные и социальные ресурсы контингента молодежи, тем успешнее складываются образовательные траектории, тем более качественное и более высокое уровня образование получают их представители.

Т е м а н о м е р а : О б р а з о в а н и е и м о л о д ё ж ь в Р о с с и и

О с о б е н н о с т и профессионально-трудового самоопределения молодежи

Семенова Людмила Андреевна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

e-mail: semenlud@mail.ru

Особенности профессионально-трудового самоопределения молодёжи

Аннотация

Молодёжь – кадровый потенциал, будущее страны. Поэтому важно знать, с какими трудовыми ориентациями, установками выходит молодёжь на рынок труда и как они могут сказаться на качестве работы молодого специалиста, под влиянием каких факторов происходит профессиональное самоопределение, выбор профессии и с какими трудностями при этом сталкивается юноша или девушка, насколько устойчива ориентация на избранную профессию, как взаимодействуют рынок труда и рынок образовательных услуг в современном российском обществе и т. п.

Abstract

Youth is a workforce potential and in this way the future of the country. Therefore it is important to learn what labour orientations and attitudes characterize young cohorts entering the labour market and in what way these attitudes influence working behavior, identity formation, career and problems that young people face. The article speculate on how sustainable professional orientation is, how the labour market and the market of educational services interact in the modern Russian society.

Ключевые слова: профессиональные ориентации, профессиональный выбор, профессиональное образование, социальная адаптация, трудовые ориентации, рынок труда

Keywords: career guidance, career choice, vocational education, social adaptation, labour orientations, labour market

Молодёжь – это стратегический ресурс инновационных преобразований в России, которые во многом зависят от успешности профессионально-трудового самоопределения молодёжи и её вхождения в социум, адаптации в нём. Особенности адаптационного процесса в России обусловлены, с одной стороны, глубокой трансформацией всего устройства общества,

связанной с изменением форм собственности, становлением и развитием рыночных отношений, которые определяют качественные изменения в социально-экономическом поведении людей. С другой стороны, период кардинальных социально-экономических преобразований характеризуется высокой степенью нестабильности самой среды, темпы изменения которой далеко не всегда учитывают адаптивные возможности населения. В частности, для пореформенной России стало объективной реальностью чётко фиксируемое социальное расслоение, социальное неравенство. Кроме того, положение усугубляется разразившимся в 2008 г. финансово-экономическим кризисом. Все эти процессы и тенденции существенным образом сказываются на профессионально-трудовых, социальных ориентациях и моделях поведения современной российской молодёжи, о чём пойдет речь ниже. Таким образом, в статье рассматриваются проблемы и особенности адаптации молодёжи на пороге социально-профессионального старта, а именно: проблемы профессионального выбора и возможностей его реализации в современном российском обществе.

Профессиональный выбор – трудности и особенности

Выбор профессии – это разрешение противоречия между субъективными предпочтениями индивида и внешней по отношению к нему социальной ситуацией, влияющей на возможности реализации этих предпочтений. Профессиональное самоопределение можно представить как состоящую из трёх звеньев систему: профессиональная ориентация – профессиональный выбор – реализация профессионального выбора, и на каждом из названных этапов возникают трудности и проблемы.

Как свидетельствуют результаты наших исследований¹, мотивы профессионального выбора молодёжи самые разнообразные и зачастую совершенно не связаны с выбором конкретной профессии. Специальность выбирается стихийно, в значительной степени под влиянием внешних факторов, при этом не обращается внимание на её востребованность на рынке труда. Например, если школьники поступают в профучилище (ПУ), вряд ли это можно назвать строго сознательным профессиональным выбором. Скорее это, с одной стороны, отбор – ибо школа избавляется от «слабых» учащихся, а с другой – это выбор подростком жизненного пути. Основным мотивом выбора профучилища для дальнейшего обучения является желание побыстрее получить специальность, стать самостоятельным, начать зарабатывать деньги (53,2–57,7% опрошенных). Более

¹ В статье используются данные исследований, проведённых под руководством автора в 2005–2010 гг. среди учащихся ПТУ Тулы, школьников 9 и 11 классов Подмосквы, студентов Москвы, Волгограда, Астрахани, Кирова.

чем для трети респондентов значимыми оказались советы родителей, родственников, хотя желание наследовать профессию матери (отца) выражено у меньшего числа опрошенных (13,2–24,5%). Каждый четвертый-пятый (20,1–24,9%) ответил, что выбрал ПУ, потому что учиться в другом учебном заведении ему не позволяют материальные возможности семьи. Невысок и уровень информированности опрошенных о получаемой профессии. Две трети знали о ней (поступая в училище) «лишь в общих чертах» (61,7–66,9%), имели о профессии «хорошее представление» значительно меньшее число подростков (26,4–31,9%).

Аналогичные тенденции мы выявили при опросе студентов Института туризма и гостеприимства Московского государственного университета сервиса (МГУС). Так, отвечая на вопрос «О получении какой профессии Вы мечтали, заканчивая школу?», менее трети (30,9%) назвали даже не столько профессию, сколько деятельность, связанную с туристическо-гостиничной сферой (иметь свою гостиницу, турфирму, ресторан, быть гидом-переводчиком и т. п.). Остальные хотели бы стать врачами, журналистами, дизайнерами, юристами; некоторые отвечали, что мечтали не о конкретной профессии, а о такой, которая позволяла бы общаться с людьми, «много путешествовать, а не сидеть в кабинете, за компьютером», то есть большинство не предполагало работать в той сфере, с которой связана получаемая ими профессия в вузе (опрашивались студенты, получающие специальность «экономика и управление туризмом»).

Можно сказать, что в современных условиях профессиональное самоопределение молодёжи (выбор профессии, работы) задаётся не столько индивидуальными факторами (интерес к профессии, индивидуальные склонности, способности, призвание и т. п.), сколько социальными, внешними по отношению к содержанию выбранной профессии (материальные трудности с платой за обучение, проезд, проживание в другом городе, престиж профессии и т. п.). Поэтому сужается свободный выбор и профессии, и конкретного учебного заведения.

С 2009 г. ситуация усугубилась новыми правилами приёма в вузы, когда можно подавать результаты ЕГЭ в несколько учебных заведений. Проведённый нами «по горячим следам» в октябре 2009 г. пилотажный опрос первокурсников в нескольких вузах Волгограда, Астрахани и Кирова выявил, что подавляющее большинство (88–96%) респондентов подавали документы в 1–5 вузов. При этом следует отметить, удовлетворены тем, что попали именно в данный вуз, далеко не все – 74,5% в Волгограде, 70% в Астрахани и 50% в Кирове, остальные в той или иной степени не довольны сделанным выбором, причём в Кирове это будущие врачи. Контрольный вопрос «Если бы Вам пришлось заново решать, чем заняться после окончания школы?», заданный первокурсникам, подтвердил обозначенную выше тенденцию, а именно: 75% в Астрахани,

В современных условиях профессиональное самоопределение молодёжи (выбор профессии, работы) задаётся не столько индивидуальными факторами (интерес к профессии, индивидуальные склонности, способности, призвание и т. п.), сколько социальными, внешними по отношению к содержанию выбранной профессии (материальные трудности с платой за обучение, проезд, проживание в другом городе, престиж профессии и т. п.).

63,8% в Волгограде и 58% в Кирове поступили бы в тот же вуз, где учатся сейчас, остальные выбрали другие варианты ответа, не связанные с данным учебным заведением. Фактически возможность подавать результаты ЕГЭ в несколько вузов, даже если ограничить их пятью, размывает мотивацию выбора профессии. Эксперимент с ЕГЭ обернулся ещё одним не учтённым реформаторами образования последствием – недобором в ссузы и ПТУ (которые выпускают специалистов рабочих профессий, наиболее востребованных сегодня на рынке труда), поскольку многие одиннадцатиклассники решили подавать документы в вузы. В итоге в 2009 г. в 171 техникуме приём документов был продлён до 15 сентября, а в некоторых ПТУ до 1 января 2010 г.

Отметим, что и старшекурсники, опрошенные нами в этих же городах и тех же вузах студенты, далеко не все удовлетворены своим профессиональным выбором – поступили бы в тот же вуз 72,9% волгоградцев и 41,2% кировчан. Приведённые выше данные говорят о том, что профессиональный выбор происходит в ситуации неопределённости, часто носит случайный характер. И это имеет далеко идущие последствия, как для личности, так и для общества в целом; в частности, слабую мотивацию к получению знаний, нежелание работать по полученной специальности, частую смену места работы, что негативно сказывается на профессиональном уровне специалиста и, как следствие, на инновационном развитии экономики.

Молодёжь испытывает значительные трудности при выборе профессии вследствие крайне низкой информированности в отношении существующих специальностей. В то же время в наших исследованиях фиксируется актуализированная потребность школьников, студентов в знаниях и о различных профессиях (тем более что в последнее время появилось много новых), и о ситуации на рынке труда. Опрошенные нами студенты (67% в Москве и 82% в Волгограде) высказались за то, чтобы в школе были уроки по профориентации, занятия, дающие представления о разных профессиях, о ситуации на рынке труда, способах самопрезентации на рынке труда; причём с каждым курсом у студентов потребность в знаниях такого рода возрастает в связи с «выходом» на рынок труда (многие студенты работают). Мнение о необходимости занятий по профориентации в школе разделяют и опрошенные девятиклассники – 45% безоговорочно выступают «за», а 18% считают, что они скорее нужны, чем нет. Помимо этого крайне актуально освоение молодёжью приёмов самопрезентации, знаний о стратегиях трудоустройства. Например, 55–60% учащихся профучилищ признались, что или совсем не знакомы, или знают о стратегиях поведения на рынке труда понаслышке, а около половины высказали мнение, что в училище необходимы специальные занятия по технологиям поиска работы.

Фактически возможность подавать результаты ЕГЭ в несколько вузов размывает мотивацию выбора профессии. Эксперимент с ЕГЭ обернулся ещё одним не учтённым реформаторами образования последствием – недобором в ссузы и ПТУ (которые выпускают специалистов рабочих профессий, наиболее востребованных сегодня на рынке труда), поскольку многие одиннадцатиклассники решили подавать документы в вузы.

Свёртывание системы профориентации школьников – одна из причин существующего катастрофического дисбаланса между российским рынком труда (который требует, прежде всего, рабочие, индустриальные, в том числе инженерные профессии) и образовательными услугами. Система профориентации учащихся стала разрушаться в 1990-е гг. – утратились связи с базовыми предприятиями (исчезли и многие предприятия), ушли в прошлое планы трудоустройства выпускников средней школы, перестал внедряться курс «Выбор профессии». Свернули свою работу школьные кабинеты и уголки профориентации – самая массовая и доступная форма организации профориентационной работы в системе образования. Свертывание такой работы в школе, перенесение её в службы занятости (куда обращаются преимущественно взрослые, уже имеющие профессию или опыт работы) не способствуют формированию у выпускников реальных жизненных планов, осознанного подхода к выбору профессии и соответствующих мотиваций. В результате профессиональный выбор происходит в ситуации неопределённости, носит случайный характер. По нашим данным, от 53% (Волгоград) до 65% (Москва) студентов вузов получают не ту профессию, о которой мечтали, заканчивая школу, причём в процессе учёбы растёт число разочарованных в профессиональном выборе. Это побуждает студентов (в среднем около 25% опрошенных) ориентироваться на получение второго высшего образования, т. е. на пролонгирование периода ученичества. Интересно отметить, что среди опрошенных в 2008 г. студентов 1 курса Волгоградского пединститута намерение окончить ещё один вуз выразили 42%.

Желание продлить период ученичества вызывается:

1. Необходимостью преодоления кризиса профессиональной идентичности как следствия неудачного первого выбора профессии; второй выбор делается уже осознанно;
2. Стремлением получить более качественное образование, чем первое;
3. Отсрочить вступление во «взрослую» самостоятельную жизнь, связанную с выходом на рынок труда, принятием ответственности за выполняемую работу, необходимостью строить отношения с коллегами, руководством, соблюдать трудовую дисциплину и т. п.;
4. Желанием «отодвинуть» вступление в трудовой период, связанный с трудностями поиска работы в условиях безработицы (особенно в условиях экономического кризиса), и создать своеобразный «социальный ресурс» в виде получения нескольких профессий, что облегчит в будущем поиски работы.

Всё чаще наблюдается ситуация, когда после получения профессионального образования молодёжь обращается к дополнительным формам обучения в различных типах учебных заведений, в системе переподготовки кадров и т. п. (для многих

Свёртывание системы профориентации школьников – одна из причин существующего катастрофического дисбаланса между российским рынком труда (который требует, прежде всего, рабочие, индустриальные, в том числе инженерные профессии) и образовательными услугами.

По нашим данным, от 53% (Волгоград) до 65% (Москва) студентов вузов получают не ту профессию, о которой мечтали, заканчивая школу, причём в процессе учёбы растёт число разочарованных в профессиональном выборе.

переподготовка является единственной возможностью получить работу), и реже ситуация, когда молодой человек сразу приступает к работе, окончив одно учебное заведение. Так продлевается период ученичества, молодости, следствием чего является отсроченная социально-профессиональная социализация, затягивается процесс включения молодёжи в трудовую деятельность, во «взрослую» жизнь.

Сложности социально-профессионального «старта»

Для современной ситуации в России характерно изменение модели социального старта: интеграция молодёжи в общество отличается большей сложностью и продолжительностью, чем прежде; молодёжь дольше остаётся в системе образования, с трудом находит нишу на рынке труда, материально зависит от родителей. Поэтому ориентация на работу по полученной специальности в ряде случаев может быть неустойчивой и зависеть от конкретно складывающихся обстоятельств. В нашем исследовании около половины учащихся профучилищ никак не связывают своё будущее с избранной специальностью и не собираются по ней работать. Названная тенденция фиксируется и у студентов вузов различных профилей, в том числе даже военных. Тот факт, что более половины выпускников вузов работают не по специальности, свидетельствует о несоответствии предложения спросу на квалифицированные кадры, о разбалансированности системы образования, её несоответствии структуре потребностей рынка труда, что происходит вследствие ослабления профессионально-экономической функции образования. Последнее из опосредующего выбор профессии института превратилось в самодостаточный институт и перестало служить целям утверждения человека в профессии. Молодой человек овладевает скольким угодно количеством профессий, не собираясь в них работать. Специальность не рассматривается ни как сфера приложения своих усилий, ни как инструмент интеграции в социальную структуру.

Несоответствие действий таких важнейших институтов социализации, как образование и занятость (трудовая, профессиональная), по причине отсутствия планирования подготовки кадров, порождает неостребованность обществом квалифицированных кадров из числа молодёжи. Социальные последствия этого – рост риска депрофессионализации и нисходящей социальной мобильности наиболее квалифицированных молодых людей, рост безработицы среди молодёжи. Нынешних 18–20 летних безработица сопровождает всю сознательную жизнь и является для них не чем-то нелегитимным, а скорее нормой. Возникает инерция привычной безработицы, «культура безработицы» с опасными социальными последствиями,

Для современной ситуации в России характерно изменение модели социального старта: интеграция молодёжи в общество отличается большей сложностью и продолжительностью, чем прежде; молодёжь дольше остаётся в системе образования, с трудом находит нишу на рынке труда, материально зависит от родителей.

Несоответствие действий таких важнейших институтов социализации, как образование и занятость (трудовая, профессиональная), по причине отсутствия планирования подготовки кадров, порождает неостребованность обществом квалифицированных кадров из числа молодёжи.

а именно: нестабильность занятости, отсутствие опыта трудового участия формирует ориентацию на незанятость, которая со временем становится устойчивой, доминантной.

Проводимый нами ежегодный мониторинг статистических данных положения молодёжи на рынке труда позволяет говорить о довольно устойчивой тенденции: по данным Росстата, в целом по России число молодёжи до 25 лет среди безработных колеблется в последние годы в пределах 27–29% (со значительными отличиями по регионам; в Москве, например, на конец июня 2010 г. доля безработных в возрасте 16–29 лет составила 18,1%). На февраль 2011 г. молодёжь в возрасте до 25 лет составила среди безработных 25,9% (т. е. каждый четвертый), в том числе в возрасте 15–19 лет – 4,4%, 20–24 лет – 21,6%. По сравнению с январем 2011 г. численность безработных в возрасте 15–24 лет выросла на 49 тысяч человек или на 3,5%. Высокий уровень безработицы отмечался в возрастной группе 15–19 лет (30,3%) и 20–24 лет (16,3%) (см.: [1]). На этом фоне логично, что, по данным наших опросов, 80–90% студентов-старшекурсников очень озабочены проблемой трудоустройства после окончания вуза, а от 20,3% (Волгоград) до 35% (Киров) совмещают учёбу с работой не только ради дополнительного заработка, но и с целью приобретения опыта работы, который весьма востребован работодателями при трудоустройстве.

Молодёжная безработица, растущее социальное расслоение увеличивают разрыв между активно рекламируемым имиджем «молодости» и социальным опытом подростков, молодых людей, лишённых необходимых социальных и культурных ресурсов. Существуют большие группы молодёжи (в том числе как следствие социального, возрастного неравенства – у молодёжи, к примеру, меньше возможностей получить хорошую, тем более высокооплачиваемую работу, жильё и т. п.), для которых рекламируемые и навязываемые «прелести» молодёжной субкультуры недоступны. У них нет соответствующих ресурсов, возможностей для восходящей социальной мобильности. В подобной ситуации средством для приобретения желаемых статусных позиций, формирования чувства собственного достоинства, самоутверждения может стать уход в криминальную деятельность, «делинквентное решение». Если нет возможности утвердиться в мире взрослых легитимно (Как? Трудом? Но работу найти невозможно, да и не престижно это – «пахать за копейки»), ищутся другие формы: не активно-позитивные, а негативно-активные – преступления, экстремизм, насилие, алкоголь, наркотики, самоубийство. В январе–феврале 2011 г. количество преступлений, совершённых несовершеннолетними, достигло 10,6 тысяч, что составило 6,1% от общего числа совершивших преступления лиц. Растёт алкоголизация подростков. Число преступлений той же группы населения, совершённых в состоянии алкогольного опьянения, достигает за этот период 1000 – увеличение

По данным наших опросов, 80–90% студентов-старшекурсников очень озабочены проблемой трудоустройства после окончания вуза, а от 20,3% (Волгоград) до 35% (Киров) совмещают учёбу с работой не только ради дополнительного заработка, но и с целью приобретения опыта работы, который весьма востребован работодателями при трудоустройстве.

Если нет возможности утвердиться в мире взрослых легитимно, ищутся другие формы: не активно-позитивные, а негативно-активные – преступления, экстремизм, насилие, алкоголь, наркотики, самоубийство.

на 2,4% по сравнению с январём–февралём 2010 г. (см.: [2]). Тяжкие преступления подростков отличаются повышенной жестокостью и совершаются, как правило, в группе (а это уже организованная преступность). Повышается криминальная активность несовершеннолетних девушек, всё чаще подростки вовлекаются в экстремистскую деятельность. По свидетельству министра МВД Р. Нургалиева, рост безработицы на один процент даёт скачок преступности на 5% (см.: [3]).

В отсутствии возможности заняться деятельностью, которая соответствовала бы профессиональной ориентации или запросам молодых, их удовлетворяет сам факт наличия работы, будь то краткие договора, случайные подработки, работа, далёкая от полученной специальности, и т. п. Отсутствие постоянной занятости, частая смена работы, жизнь подработками, то есть транзитивные, промежуточные формы занятости, не способствуют развитию профессиональных трудовых навыков как предпосылки последующих высоких заработков, достижению более высоких статусных позиций, усвоению норм профессиональной субкультуры, формированию корпоративной трудовой этики, то есть установлению прочных социальных связей, интеграции молодёжи в социум. Молодой человек становится своеобразным «профессиональным туристом», путешественником по профессиям, часто меняющим профессию, специализацию, место работы. В современной России фактически складывается ситуация, когда профессиональное самоопределение начинается не до, а после получения профессионального образования. В этом плане характерно высказывание студентки московского Института туризма и гостеприимства: «Такой профессии, о которой мечтала в школе, не было. Думаю, что пойму это (какая профессия нравится – Авт.), когда поработаю на разных работах, и пойму, что ближе мне». Подобная межпрофессиональная мобильность имеет, пожалуй, лишь одно позитивное качество – повышает адаптивность индивида к изменяющимся условиям. Однако негативных последствий значительно больше обозначенных выше.

Сложное положение молодёжи на рынке труда, её неконкурентоспособность, малая востребованность работодателями усугубляется и другими факторами, к числу которых можно отнести:

1. Недостаток у молодёжи профессиональных знаний;
2. Отсутствие необходимой квалификации и трудовых навыков;
3. Нежелание работодателей нести дополнительные расходы, связанные с организацией профессионального обучения/переобучения молодых работников;
4. Необходимость предоставления ряда льгот несовершеннолетним работникам, предусмотренных Трудовым Кодексом РФ;

5. Уход молодых женщин в длительный отпуск, связанный с рождением ребёнка;

6. Инфантилизм, безответственность части молодых людей;

7. Невысокая деловая активность и др.

Наряду с этим, работодателями используются разнообразные «ловушки» как способы обмана неопытной молодёжи при трудоустройстве. Отметим также декларативность многих правовых норм, направленных на защиту молодёжи. Так, практически сошла на нет программа «Молодёжная практика» (принята в 1994 г.), направленная на организацию временной занятости безработной молодёжи. Не реализованы положения Федеральной целевой программы содействия занятости населения РФ на 1998–2000 гг., предполагающие гарантированное трудоустройство молодёжи, завершающей профессиональное образование; разработку мер, обеспечивающих приоритет молодёжи в приёме на предприятия всех форм собственности после завершения образования; активное содействие молодёжи в организации собственного дела, малого бизнеса и др.

В условиях сложностей с трудоустройством для молодёжи, необходимость братья за любую работу (то есть дисбаланс между профессиональным выбором и возможностями его реализации) ослабляет профессиональную социализацию как процесс усвоения социально-профессиональных норм и освоения ролевых моделей поведения (в том числе профессиональных), не способствует формированию устойчивых профессиональных групп, воспроизводству социальной структуры.

Социально-трудовые ориентации: некоторые тенденции

Изучение ориентаций опрошенных школьников и студентов позволяет говорить о том, что «успех в жизни», когда можно сказать «жизнь удалась», для них включает разные составляющие, но безусловное первенство занимает позиция «крепкая семья, дети» (студенты: 86,4–91,8%, школьники: 75–78%). Крепкая семья и высокооплачиваемая работа (студенты: 52,5–67,1%, школьники: 58–59%) – это бесспорные и главные показатели жизненного успеха для большинства опрошенных. Довольно значимы для них и высокие статусные позиции – занять положение в обществе, добиться авторитета хотели бы почти половина опрошенных (40–45%). В такой же степени оценивается «независимость, свобода в принятии решений в своей жизни», это скорее всего, – проявление юношеского максимализма, стремление уйти от родительского (и любого другого) контроля. Если говорить о «социальном проектировании» («моя жизнь через 20 лет»), то своё будущее

Крепкая семья (студенты: 86,4–91,8%, школьники: 75–78%) и высокооплачиваемая работа (студенты: 52,5–67,1%, школьники: 58–59%) – это бесспорные и главные показатели жизненного успеха для большинства опрошенных.

школьники и студенты связывают, прежде всего, с семьёй, детьми (не менее двух!), ближайшим окружением, успешной личной жизнью в целом, что ещё раз говорит об устойчивой ориентации молодёжи на семью, по крайней мере на вербальном уровне. Затем по убыванию значимости следует высокооплачиваемая работа, профессиональная деятельность; материальная обеспеченность, достаток; статус, престиж, жизненный успех, независимость в принятии решений. Социально ориентированных высказываний (приносить пользу людям, не быть эгоистом, жить не только для себя, но и для других и т. п.) очень немного. Можно сказать, что в молодёжном сознании фиксируется приоритет ценностей частной жизни, ориентация на личное благополучие и растущая отчуждённость от традиционных социальных институтов, властных структур и дистанцирование от старших поколений.

Какие ориентации, установки на труд сформировались, например, у школьников? Обратимся к результатам опроса старшеклассников одной из школ Подмосковья. Требования, которые ребята предъявляют к своей будущей работе, можно объединить в несколько групп (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Требования школьников к своей будущей работе
(перечислены по мере убывания значимости)**

Требования к работе	Процент от количества опрошенных
Высокая заработная плата	80
Приемлемые условия работы	36
Значимость трудового коллектива и отношений с руководством	32
Психологическая и эмоциональная удовлетворённость	20
Престижность	10

Требования к размеру заработной платы являются для школьников важнейшими. Большинство просто указали, что работа должна быть высокооплачиваемой, но встречаются и более чёткие требования: зарплата должна быть «без задержек», «чтобы вовремя платили», «не меньше 35 тысяч рублей», «должна быть зарплата, на которую я смогу содержать себя и свою семью», должно быть «огромное количество денег». Второй по значимости фактор – условия работы, удобные для респондента. К ним относятся наиболее часто упоминаемые график работы и условия труда, которые определяются школьниками как «хорошие», «соответствующие», «благоприятные», обращается внимание на то, чтобы работа была недалеко от дома. К графику работы ещё не работавшие школьники уже

предъявляют довольно чёткие требования: режим работы должен быть удобным, гибким, а продолжительность рабочего дня не должна превышать 12 или 8 часов, начинаться трудовой день должен не ранее 7–8 часов утра, при этом неплохо бы «иметь два выходных, два отпуска в год». Если оценивать труд по напряжённости, то работа, по мнению респондентов, должна быть «нетрудная», «лёгкая», должно быть «немного работы». Отмечают опрошенные и необходимость медицинской страховки и оплаты больничного листа, что свидетельствует об определённой информированности школьников в области социальной защиты.

Несомненно значимыми для большинства опрошенных являются потребительские ценности, желание приобретать дорогие вещи – называются прежде всего «шикарный автомобиль», «иномарка», квартира, дача, «коттедж не менее 400 кв. м.» и даже самолёт и т. п. Всё это школьники желают иметь, и лишь одна девушка ставит перед собой цель «самой заработать деньги на квартиру и машину». Постоянный кропотливый труд, даже если он приносит хороший доход, привлекателен далеко не для всех, куда заманчивее «иметь деньги, не напрягаясь». «Деньги, деньги, деньги», «быть богатым», «выиграть миллион рублей, положить в банк и жить на проценты, чтобы не работать» – это тоже ответы на вопрос о жизненных целях девятиклассников.

Таким образом, в социально-трудовых ориентациях опрошенных нами в Подмоскowie школьников выявлены в качестве особо значимых в их будущей трудовой деятельности факторы высокой оплаты труда, наличие социального пакета, комфортные условия труда. Престижность профессии значима лишь для каждого десятого и ассоциируется, прежде всего, с высокой оплатой труда, возможностью занятия высоких статусных позиций и получения определённых благ. Характерно, что успех в жизни, получение высшего образования и другие жизненные цели не связываются школьниками с конкретной профессией (эта «связка» зафиксирована в одном случае из 50). Отмечено также, что понятия «Я» и «страна, в которой я живу», слабо соотносятся в сознании школьников, когда они строят жизненные планы. Россия упомянута в ответах дважды, причём с противоположным знаком: «сделать Россию лучше» и «уехать из России». Наконец, потребительские ценности для опрошенных школьников безусловно значимы, при этом кропотливый труд малопривлекателен.

Понятно, что от учащихся, ещё не вступивших в самостоятельную жизнь, не включившихся в трудовую деятельность, не стоит ожидать зрелых суждений об отношении к труду, к работе. Тем не менее, на уровне установки на труд можно говорить о том, что у многих молодых вызревает мотивационное отношение к труду, которое можно сформулировать так:

Характерно, что успех в жизни, получение высшего образования и другие жизненные цели не связываются школьниками с конкретной профессией (эта «связка» зафиксирована в одном случае из 50).

«лучше не работать, если можно не работать, а если работать, то только в той мере, в какой труд оплачивается, и чтобы при этом работа не мешала другим сторонам жизни».

В ориентациях школьников и студентов недостаточно представлены трудовые ценности, что является в какой-то степени отражением ситуации в обществе, которое в лице своих социальных институтов не уделяет должного внимания формированию трудовых ориентаций у молодёжи, акцентированию значимости труда для существования индивида и общества. В стране наблюдается явный дефицит художественных произведений (фильмов, спектаклей, телепередач, художественной литературы и т. п.), дающих труду позитивную оценку и утверждающих трудовую деятельность как путь к социальному успеху. Даже в современных школьных учебниках трудовой социализации уделяется меньшее внимание, чем в советское время. Например, Л. А. Окольская, исследовавшая проблему отражения трудовых ценностей и норм в школьных учебниках, пришла к выводу, что за последние 20 лет трудовые ценности и нормы, транслируемые учебниками, изменились. Сместился нормативный акцент с труда для других на труд для себя: в советских учебниках соотношение труда для себя и труда для других составляло 32% и 43%, а в современных – 48% и 31% (см.: [4]). Происходит движение от нормы трудового подвига на благо Родины к норме обыденного труда для благополучия индивида и его семьи. Сравнивая советские школьные учебники начала 1980-гг. и современные, Л. Окольская отмечает в последних актуализацию материальных ценностей, ослабление ценностей порядка, норм рационального использования времени и трудовой дисциплины, меньшее внимание уделено селу и связанным с ним видам деятельности, зато большее внимание уделяется работе в области науки и искусства, в сфере услуг, которая, кстати, «перетягивает» на себя трудовые ресурсы в российской экономике [4].

Для формирования личности, её ценностных ориентаций, в том числе трудовых, особое значение имеет досуг. Для опрошенных нами школьников и студентов характерны пассивные, неразвивающие формы проведения досуга: большинство в свободное время предпочитает общаться с друзьями (68–80% школьников; 71,2–85% студентов); сидеть за компьютером (46–50% школьников, 42,3–63% студентов), смотреть телевизор, в том числе DVD и CD, слушать музыку (55–65%). Художественную литературу читают в равной степени мало как студенты, так и школьники (17–20%), столько же внимания уделяют своим «хобби» и занятиям спортом. Круг чтения студентов весьма узок – это в основном отечественные «женские» детективы (чаще других и в Москве, и в Волгограде называют Д. Донцову, Б. Акунина, Ю. Шилову, Н. Перумова, О. Робски, М. Семёнову, Т. Устинову) и произведения популярных современных зарубежных писателей (П. Коэльо, Д. Брауна, Дж. Роулинг, П. Зюскинда). Пассивные, неразви-

В ориентациях школьников и студентов недостаточно представлены трудовые ценности, что является в какой-то степени отражением ситуации в обществе, которое в лице своих социальных институтов не уделяет должного внимания формированию трудовых ориентаций у молодёжи, акцентированию значимости труда для существования индивида и общества.

Для опрошенных нами школьников и студентов характерны пассивные, неразвивающие формы проведения досуга.

вающие формы проведения свободного времени не формируют навыки трудолюбия, работы над собой, работы с книгой, умения учиться. Высокий уровень включённости «в компьютер», компьютерные игры не может радовать, ибо, по мнению специалистов, развивающими являются лишь 20–30% компьютерных игр, остальные просто оболванивают молодёжь. Кроме того, интернет, к которому сейчас имеют доступ даже несовершеннолетние, забит порносайтами, разного рода «эдукативными программами» типа «Азбуки секса».

Обозначившийся подход: «Не в рабочие пойду, а пойду в чиновники...»

Недостаточная информированность о специфике многих видов профессиональной деятельности, о ситуации на рынке труда ведёт к перекосам в представлениях молодёжи о наиболее престижных и востребованных профессиях. Не имея собственного опыта, молодые люди не всегда могут понять и сформулировать, чего они хотят, но очень чутко реагируют на сигналы, которые посылает общество, – насколько и какой труд оно ценит, насколько справедлива оплата труда и т. п.

Ориентируясь на «символическое пространство значимых профессий», опрошенные нами школьники и студенты наиболее престижными считают профессии юриста, работника финансовой сферы, менеджера, экономиста, госслужащего, политика, работника шоу-бизнеса и т. п. Заметим, если респонденты называют профессию врача, то непременно уточняют – стоматолога или пластического хирурга. Респондентами не было названо ни одной рабочей и индустриальной профессии вообще. И учебные заведения в избытке готовят кадры по «популярным» специальностям, открывают востребованные специализации в непрофильных вузах (например, в пединститутах готовят юристов и «менеджеров широкого профиля»), ориентируясь не на потребности рынка труда и работодателей, а на спрос молодёжи. Стремление получить «престижное» – экономическое, юридическое, финансовое и др. – вузовское образование оборачивается перепроизводством специалистов этого профиля, сложностями с трудоустройством по специальности, девальвацией вузовских дипломов.

Однако рынок труда испытывает потребность, прежде всего, в рабочих, в том числе высококвалифицированных. Так, по данным службы занятости, на рынке труда в Туле предложение специалистов с высшим образованием превышает спрос в 2,4 раза, со средним профессиональным образованием в 1,5 раза, тогда как спрос на рабочих-станочников в десять раз превышает предложение. Подобная ситуация наблюдается во многих регионах страны. В Москве, например, самыми востребованными летом 2010 г. были профессии водителя, слесаря,

Ориентируясь на «символическое пространство значимых профессий», опрошенные нами школьники и студенты наиболее престижными считают профессии юриста, работника финансовой сферы, менеджера, экономиста, госслужащего, политика, работника шоу-бизнеса и т. п. Заметим, если респонденты называют профессию врача, то непременно уточняют – стоматолога или пластического хирурга. Респондентами не было названо ни одной рабочей и индустриальной профессии вообще.

продавца и т. п., а горожане искали профессии юристов, администраторов, дизайнеров и др. В целом же по Москве структура потребности в работниках на конец июня 2010 г. выглядела следующим образом: рабочие профессии – 63,3%; должности и специальности служащих – 37,7% (см.: [5]).

В наших исследованиях фиксируется падение престижа рабочих профессий у молодёжи, в качестве причин которого можно назвать:

1. Отсутствие экономических стимулов, в том числе неэффективная занятость на малоуспешных и неконкурентоспособных предприятиях, которые не могут и/или не желают платить соответствующую зарплату;

2. Ограниченные возможности для карьерного роста;

3. Непривлекательность физического труда для поколения, выросшего в новых условиях;

4. Усиление потребительских ориентаций, соблазн получения «лёгких денег»;

5. Отсутствие факторов «привязки» работника к предприятию, существовавших в советское время (возможность получить бесплатное жильё, развитая социальная инфраструктура – детские ясли, сады, базы лечения, отдыха и т. п.).

Исчезает такой важный фактор трансляции профессиональной субкультуры, как рабочие династии, роль семейных традиций в профессиональном выборе детей. По данным исследования, проведённого среди рабочих Удмуртии (см.: [6]), роль семейных традиций в наследовании профессии рабочего понижается с возрастом: в группе рабочих старше 50 лет продолжили семейную рабочую традицию 22,6%; в группе 40–49 лет – 13,8%; в группе 20–29 лет – 4,8%.

В совокупности с низкой заработной платой названные выше факторы способствуют не только падению престижности работы в промышленности, но утрате интереса к индустриальным профессиям вообще, в том числе со стороны молодёжи, которая не мотивирована к получению рабочих профессий, к работе на промышленных предприятиях. Перечисленные выше причины плюс разрушение системы подготовки кадров, как на уровне предприятия, так и на уровне государства, обернулись нарастающим дефицитом индустриальных профессий и массой рабочих вакансий на рынке труда. В этом плане симптоматично название публикации в «Российской газете»: «Завод кончается. В профессиональных училищах дефицит абитуриентов, а на производстве – квалифицированных рабочих» (см.: [7]). Речь идёт о том, что в Хабаровском крае план по набору в ПУ не выполняется несколько лет, а весной, в период выпуска, у ворот училища в очереди стоят работодатели с просьбой дать хороших ребят. В то же время в вузах города ажиотаж вокруг профессий стоматолога, переводчика, а конкурс в академию

Исчезает такой важный фактор трансляции профессиональной субкультуры, как рабочие династии, роль семейных традиций в профессиональном выборе детей.

государственной службы (профессия – чиновник) 18 человек на место. Подобная ситуация характерна и для других крупных промышленных центров.

Потребности рынка труда, перспективы развития страны свидетельствуют о необходимости совершенствовать, модернизировать, а не сокращать систему начального профессионального образования (НПО), призванную готовить рабочих того уровня и квалификации, которых требует современное производство¹. Однако сегодня уже никто не агитирует за получение рабочих профессий. По представлениям школьников, идти в ПУ – заранее записать в себя в «лузеры», неудачники, поскольку рабочие профессии ассоциируются у них только с тяжёлым, неквалифицированным трудом, хотя современное производство испытывает большую потребность в рабочих высокой квалификации, способных трудиться на высокотехнологичных производствах.

Складывается противоречивая ситуация. С одной стороны, рынок труда требует квалифицированных специалистов рабочих профессий, с другой – система начального профессионального образования, готовящая их, испытывает серьёзные трудности: средний износ основных фондов материально-технического оборудования составляет 85%, износ учебного оборудования – 80–100%; то есть не обновляется материально-техническая база образовательных учреждений НПО, которые к тому же испытывают острую нехватку мастеров производственного обучения, а работающие мастера в основном пенсионного возраста. С ликвидацией института «базовых предприятий» изменились условия для прохождения учащимися производственной практики на рабочих местах, предоставлявшихся ранее работодателями бесплатно, что сказалось на качестве обучения и на успешности профессиональной адаптации учащейся молодёжи. Может ли в этих условиях система НПО готовить квалифицированных рабочих для современного производства, для поддержки процессов модернизации в стране?

Сегодня средний возраст высококвалифицированных рабочих приближается к 60 годам. Они немобильны и неспособны к переобучению, поэтому «омоложение» рабочих кадров чрезвычайно актуально и с точки зрения профессионального человеческого потенциала, и с точки зрения безопасности страны. Уже проблематично найти квалифицированные рабочие кадры для оборонных предприятий, производящих продукцию, которая обеспечивает обороноспособность страны, развитие высоких технологий и т. п. (они утеряны за время обвальная и непродуманной конверсии в 1990-е гг.). Неужели придётся набирать на эти заводы рабочих-иностранцев?... Описанной

¹ По данным РОССТАТа, в 1990 г. в стране работало 4328 учреждений начального профессионального образования, в 2009 г. – 2658, причём с 2005 г. сюда включаются учреждения высшего и среднего специального образования, реализующие программы начального профессионального образования. В 1990 г. в учреждениях НПО было подготовлено 1 млн 272 тыс. квалифицированных рабочих, в 2009 г. – 538 тыс. (См.: [8]).

выше ситуации с рабочими кадрами противоречат положения обсуждаемого сейчас нового Закона об образовании (проекта), в соответствии с которым в перечне уровней профессионального образования остались лишь среднее и высшее профессиональное образование, а исчезло начальное профессиональное образование, в учреждениях которого готовились молодые рабочие кадры. Кто будет их готовить – не ясно (в колледжах, согласно проекту, будут давать степень бакалавра). Но инновационной экономике нужны не только «мозги и умы», но и квалифицированные, «умелые руки», которые будут воплощать в жизнь инновационные идеи.

В последние годы растёт интерес молодёжи к профессии чиновника, о чём свидетельствует рост конкурса в вузы на специальность «государственное и муниципальное управление» (ГМУ). В 2010 г. на эту специальность в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) претендовали несколько десятков человек на место, в Высшей школе экономики (НИУ-ВШЭ) на 60 бюджетных мест было подано 1150 заявлений (см.: [9]). Аналогичная ситуация складывается в других городах и вузах, где имеется эта специализация, а в некоторых вузах она введена с этого года, т. е. набор на специальность ГМУ увеличился. Мотивация молодых: по их мнению, это возможность заработать лёгкие и большие деньги, обрести высокие статусные (властные) позиции, стать «успешными», некоторые рассматривают чиновничью карьеру как ступеньку к депутатству (например, среди опрошенных нами студентов факультета ГМУ Волгоградской Академии госслужбы 11,5% в качестве жизненной цели назвали «заняться политикой», для сравнения: среди студентов-медиков в г. Кирове – лишь 1,9%). Но как это согласуется с планами руководства страны по сокращению армии чиновников на 20% в ближайшие три года, с потребностями рынка труда? Не получим ли мы в итоге или раздутую армию чиновников, или рост безработицы среди молодёжи?

Заключение

Анализ результатов изучения проблем молодёжи, материалов СМИ позволяет говорить о том, что в обществе сложились как минимум три модели отношения к молодёжи, а именно:

- молодёжь как угроза (рост молодёжной преступности, молодёжные криминальные группировки, выступления футбольных фанатов, скинхедов, национал-большевиков и т. п.);

- молодёжь как жертва рыночных реформ, социально-экономических преобразований, кризиса, социального расслоения (безработица, отсутствие социальных гарантий, проблемы с получением качественного образования, жилья, возрастная дискриминация и т. п.);
- молодёжь как идеал («хорошо быть молодым», «молодым везде у нас дорога»; имидж молодости активно используется и пропагандируется рекламой: «Наш крем (шампунь, тренажер, напиток и т. д.) сделает вас молодым и здоровым»).

На наш взгляд, современная ситуация в России диктует необходимость, во-первых, переходить от восприятия молодёжи как потребительской группы, вызывающей зависть и раздражение, к пониманию молодёжи как социальной и трудовой проблемы; во-вторых, формировать и активно проводить в жизнь реально действующую, а не декларативную государственную молодёжную политику; в-третьих, необходима более чёткая координация между рынком труда и рынком образовательных услуг, дабы привести систему профессионального образования всех уровней в соответствие со структурой потребностей рынка труда.

Система подготовки профессиональных кадров не может работать «вслепую», то есть без прогноза потребности в специалистах определённого профиля, что, в свою очередь, связано с внутриэкономическими перспективами страны и, в конечном счёте, с вопросом, какая социально-историческая модель реализуется в современной России, по какому пути она будет развиваться. Пойдёт ли она по пути индустриального развития, став равноправным членом глобализирующегося сообщества, или превратится в его сырьевой придаток, страну «третьего мира», находящуюся под экономическим, политическим, культурным и пр. диктатом стран «золотого миллиарда», транснациональных корпораций. Ответив на этот вопрос, мы сможем прогнозировать, что ждёт наше общество через 10–15 лет, кто будет в нём востребован как профессионал, специалист.

Библиографический список

1. Сайт Федеральной службы государственной статистики. Занятость и безработица в РФ в феврале 2011 г. (по итогам обследования населения по проблемам занятости) URL: <http://www.gks.ru>
2. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности – январь-февраль 2011 г. URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_88090_01.04.11

3. Шкель Т. Как уберечь детей от преступности. На Охотном ряду выслушали главу МВД // Российская газета. 18 мая 2006.
4. Окольская Л. А. Трудовые ценности и нормы в содержании начального образования (по материалам анализа школьных учебников). Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.соц.н. – М., 2006.
5. Потребности в работниках. Отчёт Департамента труда и занятости г. Москвы URL: <http://labor.ru/?id=1012>
6. Макарова М. Н. Стратегии воспроизводства рабочих как отражение их трудовых и образовательных ориентаций // Социологические исследования. 2007, № 8, с.59.
7. Завод кончается. В профессиональных училищах дефицит абитуриентов, а на производстве – квалифицированных рабочих // Российская газета. 22 июля 2008.
8. Сайт Федеральной службы государственной статистики. Начальное профессиональное образование. Число образовательных учреждений начального профессионального образования. URL: <http://www.gks.ru>
9. Поколение «Чи» // Известия. 18 августа 2010.

Т е м а н о м е р а : О б р а з о в а н и е и м о л о д ё ж ь в Р о с с и и

Движение от традиционных семейных норм к современным: сравнение России и Франции

Магун Владимир Самуилович – кандидат психологических наук, заведующий сектором исследований личности Института социологии РАН

e-mail: maghome@yandex.ru

Движение от традиционных семейных норм к современным: сравнение России и Франции

Аннотация

В статье показано, что заметный сдвиг в сторону новых норм супружества и родительства произошёл в сознании россиян примерно на 20 лет позже, чем во Франции. Автор выясняет, почему во Франции приобретение образования делает нормы человека более современными и либеральными. Тогда как в России в рамках всей выборки эти влияния выражены слабо, а в группах россиян в возрасте 40–50 лет отмечена тенденция, противоположная французской: с повышением уровня образования усиливается традиционализм (и ослабляется инновационность) социальных норм супружества и родительства.

Abstract

The article shows a significant shift in the family and parental norms took place in Russia 20 years later than in France. The author explains why in France education makes norms more modern and liberal and in Russia educational attainment does not have any significant impact. The groups of Russians aged 40-50 show a tendency that is at variance with the French one: the higher the level of education, the more traditionalist is the group and weaker its innovation in family and parental behavior.

Ключевые слова: социальные нормы, супружество, родительство, социализация, культурные влияния, образование

Keywords: social norms, family, parenting, socialization, cultural effects, education

Введение

В российской научной литературе и в общественных дискуссиях активно обсуждается вопрос о путях дальнейшей модернизации российского общества и одно из её направлений – это модернизация семьи и частной жизни людей.

Нуклеаризация семьи и изменение её функций, фундаментальные изменения в детской смертности и рождаемости, индивидуализация образа жизни людей, – все эти процессы, разворачивающиеся в России и в мире в рамках демографической модернизации (см.: [1]), связаны с появлением новых стереотипов поведения и новых социальных норм.

Систематических репрезентативных исследований взглядов людей на должное семейное поведение и семейное «устройство» российской жизни крайне мало. Благодаря международному исследованию «Поколения и гендер» появилась возможность описать и проанализировать нормативные представления сегодняшних россиян о супружестве и родительстве – двух важнейших составляющих социального института семьи. В странах Западной Европы упомянутые изменения начались раньше, а Россия развивается по той же траектории, но с некоторым отставанием. Поэтому межстрановые сопоставления могут показать тенденцию будущего развития института семьи в нашей стране.

Настоящая статья¹ посвящена сравнению нормативных высказываний о супружестве и родительстве и их детерминант в России и Франции. Данные по выборкам, репрезентирующим население этих стран, собраны в России в 2004 г., а во Франции – в 2005 г.² Объем российской выборки – 11 254 человека, французской – 10 079 человек³.

Высказывания, включённые в анкету проекта «Поколения и гендер», формулировались с учётом тех изменений, которые отмечают исследователями демографиче-

¹ Автор признателен С.В. Захарову, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской, В.Е. Гимпельсону, Е.Б. Головлианициной, Е.Ю. Рождественской и М.Г. Рудневу за ценные советы и помощь.

² Российский опрос «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» в рамках международной программы «Поколения и гендер» был проведён в 2004 г. Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного Общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики (Москва) с участием Независимой группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия) (см.: [2]). Французский опрос в рамках программы «Поколения и гендер» – «Etude des relations familiales et intergénérationnelles-ERFI» («Изучение семейных и межпоколенных отношений» – URL: <http://www-erfi.ined.fr>) – был проведён Национальным институтом демографических исследований (INED) и Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE) в 2005 г.

³ Подробнее особенности выборки и методология исследования описаны в статье (см.: [3]).

ской модернизации в качестве ключевых для характеристики первого и второго демографических переходов (см.: [1]). Речь идёт о размывании социального института брака и распространении новых форм легитимного партнёрства – таких как сожителства; о выдвигании в центр семейной жизни отношений любви и заботы о самореализации и развитии всех членов семьи; о формировании в связи с этим терпимого отношения к разводам; о прогрессе в сфере равноправия женщин, мужчин, представителей сексуальных меньшинств. Смысл всех этих изменений – в снятии существовавших в традиционном институте брака ограничений, в расширении возможностей личностного выбора, в движении к равновысокой социальной ценности и социальному достоинству всех членов общества. В более широком плане, по мнению американских исследователей А. Торнтон и Л. Янг-ДеМарко, имеется в виду дальнейшее и более последовательное воплощение в жизнь выдвинутых Просвещением идеалов свободы, равенства и терпимости (см.: [4]).

В российскую и французскую анкеты проекта «Поколения и гендер» всего было включено 13 нормативных суждений, которые можно условно сгруппировать в 4 категории.

Суждения о социальном оформлении супружеских отношений в форме брака: «Брак – это устаревший вид отношений» (1), «Это нормально, когда неженатая пара живёт вместе, даже если они не планируют пожениться» (2).

Суждения о финише супружеской жизни, оформленной в виде брака: «Брак – это отношения на всю жизнь, их никогда не следует разрывать» (3), «Если пара несчастлива в браке, развод вполне допустим, даже если в семье есть дети» (4).

Суждения о родителстве: «Для полной самореализации у женщины должны быть дети» (5), «Для полной самореализации у мужчины должны быть дети» (6), «Чтобы ребёнок рос счастливым, ему нужен дом, где есть и отец, и мать» (7), «Женщина вполне может родить ребёнка, даже если она не собирается вступать в постоянные отношения с мужчиной» (8), «В 18–20 лет дети должны начинать жить самостоятельно» (9).

Суждения о правах «социально слабых»: «У однополых пар должны быть те же права, что и у пар разного пола» (10), «Для пары лучше, когда мужчина старше женщины» (11), «Если женщина зарабатывает больше своего партнера, это плохо сказывается на их отношениях» (12), «В случае развода для ребёнка лучше остаться с матерью, чем с отцом» (13) (в ситуации, на разрешение которой направлена последняя норма, слабой стороной выступают как раз мужчины).

В отношении каждого из перечисленных выше суждений респондента просили высказать своё согласие или не согласие по шкале: полностью согласен (балл 1), согласен (балл 2), и да, и нет (балл 3), не согласен (балл 4), совсем не согласен (балл 5).

По всем нормативным суждениям средние величины степени согласия в России и Франции статистически значимо различаются (при $p < 0,05$ или при более строгом критерии значимости). В большинстве случаев (по 9 суждениям из 13) направление этих отличий указывает на больший нормативный традиционализм российских респондентов в сравнении с французскими.

Степень согласия россиян и французов с нормативными суждениями, касающимися супружества и родительства

По всем нормативным суждениям средние величины степени согласия в России и Франции статистически значимо различаются (при $p < 0,05$ или при более строгом критерии значимости). В большинстве случаев (по 9 суждениям из 13) направление этих отличий указывает на больший нормативный традиционализм российских респондентов в сравнении с французскими. По четырём оставшимся суждениям средний россиянин настроен более современно, нежели средний француз, но в трёх случаях эти различия между средними очень малы. Вывод о большем традиционализме россиян вряд ли вызывает удивление, поскольку он согласуется с более общими представлениями о том, что по отношению к Франции и другим странам Запада демографическая модернизация в России носит запаздывающий характер (см.: [5]).

В то же время, если опираться на грубые показатели нормативного сознания жителей двух стран – преобладание в их ответах долей согласных (ответы «полностью согласен» и «согласен») или не согласных (ответы «не согласен» и «совсем не согласен») с тем или иным суждением, то приходим к выводу о сходстве общей структуры отношения россиян и французов к большинству рассматриваемых социальных норм.

Перечислим те нормативные суждения, по которым есть сходство в преобладании поддержки или отвержения. Так, и у россиян, и у французов преобладает позиция в поддержку брака как социального института (суждение 1), и в то же время согласие с нормой, разрешающей сожительства (суждение 2). В отношении развода у россиян и французов также преобладают одинаковые позиции: они чаще согласны, чем не согласны, с суждением о том, что брак – это отношения на всю жизнь, которые никогда не следует разрывать (суждение 3), и в то же время подавляющее большинство в каждой стране соглашается с тем, что если пара несчастлива, то развод допустим (суждение 4). Точно также совпадает в обеих странах и преобладающая позиция в отношении всех пяти нормативных суждений, касающихся родительства (суждения с 5 по 9-ое). Так, в обеих странах доля согласных перевешивает процент не согласных с тем, что для полной самореализации и у женщины, и у мужчины должны быть дети, что женщина вполне может родить ребёнка даже в том случае, если не планирует вступать в постоянные отношения с мужчиной, и что в 18–20 лет дети должны начинать жить самостоятельно. А в том, что ребёнку, чтобы он рос счастливым, нужен дом, где

Если опираться на грубые показатели нормативного сознания жителей двух стран – преобладание в их ответах долей согласных (ответы «полностью согласен» и «согласен») или не согласных (ответы «не согласен» и «совсем не согласен») с тем или иным суждением, то приходим к выводу о сходстве общей структуры отношения россиян и французов к большинству рассматриваемых социальных норм.

есть отец и мать, убеждены вообще почти все респонденты в обеих странах. Что касается прав «социально слабых», то здесь преобладающая позиция россиян и французов совпадает только в том случае, когда речь идёт о соотношении заработков мужчины и женщины (суждение 12). И россияне, и французы чаще не считают плохой для отношений между партнёрами ситуацию, когда женщина зарабатывает больше мужчины¹, хотя во Франции перевес большинства над меньшинством выражен гораздо сильнее.

Как видим, в преобладающих взглядах россиян и французов (в той части, где балансы поддержки и отвержения этих взглядов в обеих странах совпадают) противоречиво сочетаются традиционные и современные (инновационные) позиции. Так, и россияне, и французы, в целом, не считают, что брак – это устаревший вид отношений, но, тем не менее, считают нормальным, что неженатая (т. е. не состоящая в браке) пара живёт вместе, «даже если они не планируют пожениться».

Похожее противоречие имеется и в паре суждений, касающихся возможности завершения брака. Здесь, с одной стороны, большинство согласно с традиционным убеждением, что «брак никогда не следует разрывать», но в то же время почти 80% респондентов в каждой из стран считают, что развод вполне допустим – даже если в семье есть дети (здесь добавлена конкретизирующая оговорка – «при условии, что пара несчастлива в браке»).

Оба упомянутых противоречия возникают по одной и той же схеме: люди поддерживают традиционную (или отвергают нетрадиционную) норму, но в то же время выражают толерантное отношение к современным («либеральным») отклонениям от этой нормы.

Другой вид противоречия имеет место между согласием респондентов с более современной позицией, заключающейся в том, что женщина вполне может родить ребёнка, даже если не планирует вступать в постоянные отношения с мужчиной, и их же убеждённостью в том, что ребёнку, чтобы он рос счастливым, нужен дом, где есть отец и мать. В этом случае мы сталкиваемся с противоречием не между нормой и допустимыми отклонениями от неё, а между нормами, утверждающими права различных субъектов. Респонденты, возможно осознавая, что права женщины и ребёнка находятся в конфликте, всё же не отказывают в этих правах ни одной из сторон.

По трём суждениям балансы согласных и не согласных в России и Франции качественно различаются, и во всех этих случаях – а они касаются прав «социально слабых» – россияне занимают более традиционные позиции. Большинство россиян не согласно с предоставлением однополым парам тех же прав, что и парам разного пола, в то время как во Франции доли согласных и не согласных с этим примерно равны (суждение 10).

¹ В отношении россиян этот вывод подтверждается проведённым в 2007 г. исследованием Фонда «Общественное мнение» (см.: [6, с. 30]).

В преобладающих взглядах россиян и французов (в той части, где балансы поддержки и отвержения этих взглядов в обеих странах совпадают) противоречиво сочетаются традиционные и современные (инновационные) позиции.

По трём суждениям балансы согласных и не согласных в России и Франции качественно различаются, и во всех этих случаях – а они касаются прав «социально слабых» – россияне занимают более традиционные позиции.

Большинство россиян считают также, что для пары лучше, когда мужчина старше женщины, в то время как во Франции доля не согласных с этим выше доли согласных (суждение 11). И, наконец, значительное большинство россиян полагает, что ребёнку после развода лучше оставаться с матерью, чем с отцом (62% «согласных» против 9% «не согласных»), в то время как во Франции доли придерживающихся разных мнений по этому вопросу примерно равны (31% против 28%).

Влияние факторов социализации на индекс традиционализма-инновационности нормативного сознания

Статистические сопоставления показали, что ответы респондентов на перечисленные выше вопросы анкеты взаимосвязаны, и это значит, что если человек в современном духе реагирует на одно из предложенных нормативных суждений, то скорее всего он аналогичноотреагирует и на большинство остальных. Точно также, если респондент занимает традиционалистскую позицию по одному из вопросов, то он, вероятнее всего, будет традиционалистом и в ответе на другие вопросы о семейных нормах.

Благодаря этим взаимосвязям оказалось возможным рассчитать для наших респондентов индекс традиционализма-инновационности нормативного сознания¹, который, в первом приближении, представляет собой сумму ответов каждого респондента по всем включённым в исследование нормативным высказываниям. Именно с его помощью было изучено влияние интересующих нас факторов социализации на нормативное сознание людей.

Нас будет интересовать влияние на разделяемые людьми нормы со стороны их возрастных и образовательных характеристик, но особенность исследования этих влияний в том, что мы проводим их при контроле за рядом других существенных характеристик – таких как пол, место жительства, род занятий и др., благодаря чему получаем информацию о влиянии интересующих нас переменных при прочих равных условиях, т. е. выясняем их «чистые» влияния².

Как и предполагалось, респонденты среднего и старшего возраста сильнее, чем самые молодые, склонны к выражению традиционных норм. Но выяснилось, что подобные различия в России наступают раньше, а во Франции – на 20 лет позже: в России впервые эти отличия от самой молодой возрастной группы появляются в 40–49 лет и затем сохраняются у лиц более старших возрастов, а во Франции эти отличия проявляются только у тех, кому перевалило за 60.

¹ Подробнее о структуре индекса см.: [3].

² Исследование этих влияний осуществлено с помощью множественного регрессионного анализа.

Респонденты среднего и старшего возраста сильнее, чем самые молодые, склонны к выражению традиционных норм. Но выяснилось, что подобные различия в России наступают раньше, а во Франции – на 20 лет позже: в России впервые эти отличия от самой молодой возрастной группы появляются в 40–49 лет и затем сохраняются у лиц более старших возрастов, а во Франции эти отличия проявляются только у тех, кому перевалило за 60.

Причина этого в том, что в данном случае возрастные отличия отражают сдвиги в нормативном сознании между разными поколениями респондентов. В России подобные сдвиги затронули поколения тех, кому сейчас 40 лет или меньше, а во Франции они, судя по приведённым данным, наступили на 20 лет раньше, и поэтому от нынешней молодёжи там заметно отличаются только те, кому на момент опроса было 60 лет или больше.

Это, в свою очередь, является следствием разного времени наступления резких культурных сдвигов (их называют «культурными революциями»): во Франции они датируются второй половиной 1960-х, и их символом является революция 1968 г., а в России – второй половиной 1980-х – началом 1990-х гг., и их символом является августовская революция 1991 г. Данные сдвиги случились в то время, когда французским 60-летним и российским 40-летним респондентам было около 20 лет, и эти люди находились именно на том этапе жизненного пути, когда, по мнению ряда исследователей, происходит наиболее интенсивное формирование ценностно-нормативного сознания (см.: [7]).

Что касается фактора образования, то во французской выборке направление его влияния соответствует ожиданиям: с ростом уровня образованности респондентов усиливается отход от традиционных норм супружества и родительства в сторону более современных. Причем эта закономерность действует очень устойчиво: каждая из пяти более высоких градаций статистически значимо отличается от низшей образовательной градации, и величины коэффициентов очень заметны. В России картина влияния образования гораздо более бедная: все коэффициенты очень низкие, и статистически значимы только два из них, характеризующие влияние двух достаточно низких уровней образования – общего среднего и начального профессионального¹. Таким образом, получается, что большинство ступеней российской системы образования не оказывает / не оказывало какого-то определённого влияния на содержание разделяемых учащимися норм демографического поведения, да и те влияния, которые есть, – очень слабы.

Как истолковать этот неожиданный результат? Мы полагаем, что из него не следует, что образование не влияло на нормативные взгляды каждого россиянина в отдельности. Причина низких связей, скорее всего, в том, что взятые вместе – в масштабах всего общества и на протяжении всего периода воздействия на наших респондентов – эти влияния не укладываются в какую-то одну тенденцию и часто взаимно погашают друг друга. Как мы только что отмечали, культурный сдвиг начался в России заметно позже, чем во Франции (напомним, что, судя по упомянутому выше данным о влиянии

¹ Наличие у человека любого из этих уровней образования (в сравнении с начальным или более низким образованием) несколько повышает его склонность придерживаться инновационных норм в отношении родительства и супружества.

Во французской выборке с ростом уровня образованности респондентов усиливается отход от традиционных норм супружества и родительства в сторону более современных.

Большинство ступеней российской системы образования не оказывает / не оказывало какого-то определённого влияния на содержание разделяемых учащимися норм демографического поведения, да и те влияния, которые есть, – очень слабы.

возраста, в России этот сдвиг затронул только лиц моложе 40 лет, в то время как во Франции – всех моложе 60), и потому гетерогенность образования, полученного разными поколениями, в России выше, чем во Франции. Иными словами, разные поколения российских респондентов посещали учебные заведения, прививающие им существенно различающиеся по направленности социальные нормы (в т. ч. нормы супружества и родительства). Кроме того, даже те нормативные сдвиги, которые уже совершились в рамках других, опережающих, подсистем российского общества, проникают в образовательную систему медленно, формируя её неоднородность не только во времени, но и пространстве.

С целью проверки этих предположений мы разделили российскую выборку на несколько частей в зависимости от возраста респондентов, полагая, что внутри одного и того же поколения социализационные воздействия со стороны образования были относительно однородны. И действительно, оказалось, что если регрессионные уравнения, с помощью которых мы определяем силу влияния образования, рассчитать отдельно для поколения тех, кому сейчас 40–49 и 50–59 лет, то влияния почти всех уровней образования оказываются статистически значимы! (Особенно они заметны в группе 40–49-летних.) Таким образом, предположение о том, что образование, полученное российскими респондентами приблизительно в один и тот же исторический период, должно более определённо влиять на зависимую переменную, подтвердилось.

При этом любопытно, что направление образовательных воздействий оказалось противоположным тому, что наблюдается во Франции: в России приобретение образования любой ступени сдвигало социальные нормы не в либеральную, а в консервативную, традиционалистскую сторону. Отсюда можно заключить, что образование всех уровней, полученное в советское послевоенное время, но до наступления культурного сдвига второй половины 1980-х гг. (именно в этот период получали образование те респонденты, кому на момент опроса в 2004 г. было от 40 до 60 лет), смещало нормативное сознание россиян в сторону традиционализма. Это, в целом, согласуется с характеристикой советского образования как тиражирующего жёстко дисциплинирующие образцы поведения, которые, собственно, и составляют смысл «традиционализма» в рассматриваемой нами сфере.

Выводы

Исследование показало, что заметный сдвиг в сторону новых норм супружества и родительства произошёл в сознании россиян примерно на 20 лет позже, чем во Франции. В России им затронуты только поколения тех, кому на момент опроса

Те нормативные сдвиги, которые уже совершились в рамках других, опережающих, подсистем российского общества, проникают в образовательную систему медленно, формируя её неоднородность не только во времени, но и пространстве.

Образование всех уровней, полученное в советское послевоенное время, но до наступления культурного сдвига второй половины 1980-х гг. (именно в этот период получали образование те респонденты, кому на момент опроса в 2004 г. было от 40 до 60 лет), смещало нормативное сознание россиян в сторону традиционализма.

было меньше 40 лет, а во Франции – все, кому на момент опроса было меньше 60-ти. Таким образом, сознание большинства поколений сегодняшних французов несёт отпечаток культурного сдвига второй половины 1960-х гг., символом которого является революция 1968 г. Сознание же более молодых поколений сегодняшних россиян сформировалось под влиянием культурного сдвига второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., символом которого является августовская революция 1991 г.

Влияние образования на нормативные взгляды людей во Франции выражено вполне определённо: приобретение образования любой ступени делает нормы человека более современными и либеральными. В России в рамках всей выборки соответствующие влияния оказались выражены слабо. Это, возможно, объясняется большей, чем в России, стабильностью французской культуры и общества на протяжении жизни тех поколений, которые представлены в данном исследовании. Данная стабильность является, по сути, следствием более ранней даты нормативно-культурного сдвига во Франции, а её результатом, в свою очередь, оказывается бóльшая однозначность содержания, стоящего за каждым из образовательных показателей.

Разделение российской выборки на поколенческие подмассивы позволило обнаружить гораздо более заметные влияния уровня образования респондентов. Выяснилось, что в возрастных группах 40–49-летних и 50–59-летних влияния почти всех уровней образования статистически значимы и заметны. Неожиданным оказалось направление этих влияний: все они указывают на то, что в этих двух возрастных группах с повышением уровня образования усиливается традиционализм (и ослабляется инновационность) разделяемых россиянами социальных норм супружества и родительства.

Библиографический список

1. Вишневский А.Г., Захаров С.В., Иванова Е.И. Обновление семьи и брака // Демографическая модернизация в России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2005.
2. Захаров С.В., Малева Т.М., Синявская О.В. Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1. – М.: Независимый институт социальной политики, 2007.

3. Магун В.С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов: традиционное и современное // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 2 / Под ред. Т.М. Малевой и О.В. Синявской. – М.: Независимый институт социальной политики, 2009.
4. Thornton, A.; Young-DeMarco, L. Four Decades of Trends in Attitudes toward Family Issues in the United States: The 1960s through the 1990s // Journal of Marriage and Family. Vol. 63, November 2001, pp. 1009–1037.
5. Вишневский А.Г. Введение // Демографическая модернизация в России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2005.
6. Вовк Е. «Муж-добытчик» и «жена-хозяйка»: традиционные семейные роли в нормах и практиках // Социальная реальность. 2007, № 5.
7. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. – Princeton: Princeton University Press, 1997.

К методологии научных исследований

Толковый словарь по социологии управления. Методологическое основание разработки

Тихонов Александр Васильевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН

e-mail: alvast@isras.ru

Рабинович Евгений Иосифович – старший научный сотрудник, Институт социологии РАН

e-mail: rabin@migmail.ru

Толковый словарь по социологии управления. Методологическое основание разработки¹

Аннотация

В статье рассматриваются теоретико-методологические подходы к подготовке словаря по социологии управления. Обосновывается необходимость упорядочения понятийного аппарата социологии управления, введения терминологических различий между её основными понятиями и парадигмами, между социальным управлением, социологией менеджмента и социологией управления, что будет способствовать систематизации многочисленных, но разрозненных и мало сопоставимых исследований в данной области.

Abstract

The article dwells on the theoretical and methodological guidelines for the creation of a dictionary on management sociology. It is necessary to put in order the conceptual apparatus of the sociology of management, introduce terminological distinctions between its basic concepts and paradigms, between social management, sociology of management and management sociology. This operation will contribute to a more systemic approach to a panoply of variegated and largely incomparable projects implemented in this field.

Ключевые слова: предметное поле социологии управления, теория, история и парадигмы социологии управления, понятийный аппарат социологии управления, тезаурус (терминология) социологии управления, прикладные аспекты социологии управления, менеджмент

Keywords: subject field of sociology of management, the theory, history and paradigms of sociology of management, the conceptual device of sociology of management, the thesaurus (terminology) of sociology of management, applied aspects of sociology of management, management

¹ Работа над словарём поддерживается грантом РГНФ, № 10-03-00174а.

Вряд ли вызовет возражение утверждение, что с усложнением характера общества возрастает роль управления, и само управление становится более сложным по своим задачам, содержанию, методам. С каждым годом возрастает количество теоретических работ по социологии управления, растёт число конкретных социологических исследований¹, проведены десятки научных и научно-практических конференций, организованных ведущими научными учреждениями и высшими учебными заведениями (ИС РАН, ГУУ, РГСУ, РАГС, МГУ, СПбГУ и др.) (см.: [1; 2]). Однако, несмотря на всё внимание к проблемам управления, многочисленность проводимых исследований, они остаются разрозненными, охват предметного поля социологии управления неполон, и, что особенно удручает, с точки зрения научного подхода, существует большой разноречивой в используемой терминологии, каждый исследователь придумывает собственную лексику, не всегда должным образом её объясняя, отчего материалы работ мало сопоставимы. Чаще всего и последовательнее изучаются общественные процессы как объекты управления, и почти никогда или очень редко рассматривается проблема управляемости и само управление как социальное явление и объект познания. Явления управления пока ещё не получили достаточного социально-философского и общенаучного осмысления, социологической интерпретации. Существуют значительные расхождения в трактовке самого управления, как в учёных кругах, так и среди практиков. Разногласия между теоретиками только обостряются, а масштабные исследования не получают государственной поддержки. Власть и аппарат управления удовлетворяются мнениями экспертов и рекомендациями коммерческих консультантов.

В чём причина подобного положения? На наш взгляд, она состоит в отсутствии общепризнанного подхода к самому пониманию и управления, и социологии управления, вплоть до отрицания необходимости такой дисциплины; нет и общепризнанного понимания места социологии управления в системе социологического знания и её места в общей теории управления. Между тем, необходимость такой дисциплины представляется очевидной. В практике управления обнаруживается масса проблем, уяснить сущность и значение которых невозможно вне социологии, не прибегая к социологическим методам.

Для развития социологии управления и продвижения её в практику управления необходимы: упорядоченный понятийный аппарат, эвристические концепции, новые методы и исследовательские программы, интенсивное внутринаучное

¹ Представление о многообразии теоретических трудов и эмпирических исследований по социологии управления даёт библиография (более 400 названий), помещённая в монографии А. В. Тихонова по социологии управления (см.: [3, с. 446–459]).

С усложнением характера общества возрастает роль управления, а само управление становится более сложным по своим задачам, содержанию, методам.

Существуют значительные расхождения в трактовке самого управления, как в учёных кругах, так и среди практиков. Разногласия между теоретиками только обостряются, а масштабные исследования не получают государственной поддержки. Власть и аппарат управления удовлетворяются мнениями экспертов и рекомендациями коммерческих консультантов.

общение, заинтересованные заказчики. Нужны масштабные исследования происходящих процессов и тех механизмов или технологий, которые обеспечивают их управляемость.

На Западе, как известно, социология управления развивается преимущественно как социология менеджмента, а эффективность управления рассматривается как применение научных методов на практике. Отсюда появляется целый перечень школ управления в учебниках по менеджменту.

История развития социологии управления

В первых работах, посвящённых проблематике управления (Ф. Тейлор, А. Файоль, А.К. Гастев, Х. Эмерсон), оно рассматривалось как жёсткое субъект-объектное отношение, где субъектом выступал руководитель (начальник), а объектом – исполнитель (подчинённый). В определённом смысле это соответствовало концепции М. Вебера об «экономическом» (рациональном) человеке и идеальной бюрократической организации. Классическая теория рассматривала управление как систему нормированных отношений, полностью поддающихся рационализации.

Неклассическая теория управления возникла в результате «хоторнских экспериментов» Э. Мэйо и их интерпретации в работах М. Фоллет, Ф. Ротлисбергера, Ф. Херцберга, Ч. Бернарда, Г. Саймона. Жёсткая субъект-объектная схема управления была подвергнута критике и заменена субъект-субъектной схемой: человеческие отношения в процессе совместной деятельности стали признаваться доминирующим фактором производительности труда. «Экономический» человек уступил место человеку «социальному», для которого авторитет неформального лидера и санкции первичной социальной группы были не менее важны, чем требования формальных правил.

Появление общей теории систем (Л. фон Берталанфи, А. Рапопорт) и кибернетической теории управления (Н. Винер, У. Р. Эшби, С. Бир) стимулировали исследование производственных организаций как целеустремленных и саморегулирующихся систем (Ч. Берnard, Г. Саймон, С. Оптнер, С. Чёрчмен, Р. Акофф), что вполне вписывается в концепции структурно-функционального анализа. Любой процесс совместной трудовой деятельности стал рассматриваться как организационная система, комплекс, состоящий из формальной и неформальной подсистем, соответствующих структур, статусов, ролей и их исполнения. При этом в соответствии с постулатами кибернетики механизмам управления придаётся вероятностный характер. Налаживание непосредственных управленческих связей становится профессиональной функцией менеджера («ситуативный

подход в менеджменте»). В теории индустриальной социологии П. Друкера управление выступает как целесообразная инструментальная деятельность (см.: [3, с. 31–58]).

Значимость социологии управления в современной России

При всей значимости эффективности управленческого воздействия первостепенной для России в настоящее время выступает институционализация отношений управления в новых политических и социально-экономических условиях. Особая значимость социологии управления в современной России связана с «перестроечно-переходными» процессами, с трансформацией общества, проблемами управления в различных сферах жизни и деятельности, которые в связи с этим возникли. Смена парадигмы управления с естественно-научной на социально-гуманитарную в развитых странах Запада не означает автоматического воздействия новых идей на практику государственного, территориального (регионального), корпоративного управления и на местное самоуправление в нашей стране. В каждом конкретном эмпирическом исследовании инструментальная составляющая управления должна корреспондироваться с характером отношений управления, т. е. с уровнем их институционализации, что требует другого концептуального подхода к выделению проблемы, объекта и предмета исследования, чем социология менеджмента. В этом смысле наше выделение управления как проблемы и единицы наблюдения не имеет аналога в западной литературе и отражает российскую социокультурную специфику.

В 1960-х гг., с возрождением социологических исследований в России, проблематика социологии управления развивалась в рамках социологии труда, промышленной социологии и социологии организаций (В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, Н. И. Лапин, Д. М. Гвишиани, Н. Ф. Наумова, А. И. Пригожин, В. Г. Подмарков, В. В. Щербина, Ю. Л. Неймер и др.). Начало современного этапа развития отечественной социологии организаций и управления было положено в 1970-е гг. проектом «Планируемые и спонтанные процессы в социальной организации промышленного предприятия» (рук. Н. И. Лапин; участники Н. Ф. Наумова, О. И. Шкаратан, А. И. Пригожин, Э. М. Коржева, А. В. Тихонов, В. Н. Шаленко) (см.: [4]).

В 1990-е гг. социология управления рассматривалась как социологическая надстройка над менеджментом. Её роль фактически сводилась к использованию социологических методов в исследовании проблем управления, с которыми сталкивались руководители бизнес-структур, госучреждений и территориальных органов власти. В этот период появились два новых качества, которые стали свидетельствовать о выделении

управления в самостоятельный социальный институт: 1) систематическая подготовка управленческих кадров (по западным схемам и учебникам) и 2) формирование отечественных структур управленческого консалтинга. В связи с этим появилось немало учебных пособий, в которых предпринимались попытки обосновать новую дисциплину для целей образования, и специальная литература с защитой парадигмальных подходов конкурирующих консалтинговых фирм. Всё это стало шагом вперёд в формировании социально-гуманитарного знания об управлении.

Недостатком учебников по социологии управления являлась перегруженность западным литературным материалом и слабая, если не сказать низкая, разработка методов и процедур эмпирических исследований. Эти разделы не выходили за рамки методологии организации социологических исследований, ставшей классической в публикациях В. А. Ядова по методологии и методике их проведения. Они просто повторяли их в сжатом виде. Между тем, введение в науку новых объектов и, в частности, в социологию такого объекта, как управление, не могло не поставить вопрос о внесении изменений в методологическую организацию эмпирического исследования. Одно дело – исследовать объект управления с позиций фиксированного органа, принимающего стратегические и оперативные решения и выполняющего стандартные функции управленческого цикла, другое – исследовать степень управляемости социальных процессов, а с ними и всю систему внутренних и внешних связей, где управление выполняет более сложную роль и влияет не только на достижение продуктивных целей, но и само зависит от институциональных и социокультурных факторов. Это именно та причина, по которой достижения западного менеджмента не приживаются или приживаются с трудом на российской почве, и тому имеется немало свидетельств. Появились также работы, в которых стало обосновываться существование особой российской модели управления, которую требуется принять на веру. Возникло и особое направление под названием «социальное управление», которое стало претендовать на самостоятельный научный статус на основе системной методологии.

Социальное управление – сложный феномен, оно может и должно быть объектом изучения различных наук, исследоваться на междисциплинарной основе, но для этого соответствующие дисциплины должны пройти свой путь теоретико-методологического освоения управления как социального явления.

В научном плане мы имеем дело с кризисом управленческой мысли, по-прежнему пытающейся найти резервы модернизации системы управления в стране на основе индустриальной парадигмы, не соответствующей сегодня движению России к постиндустриальным ценностям и новым культурным образцам социальной организации. Построению парадигмы, более

отвечающей устремлению страны в будущее, препятствует несогласованность позиций социогуманитарных наук; отсутствие исследовательских программ, включающих в себя применение научных знаний и методов получения более надёжных данных о трансформации механизма управленческой регуляции, наряду с другими видами регулятивных механизмов. Отметим также распространённую недооценку роли социогуманитарного знания, что проявляется в слабом финансировании исследований.

В этой ситуации социология управления должна сделать свой шаг в сторону создания исследовательской программы решения проблем институционализации управления в нашей стране с учетом её истории, традиций и социокультурной обусловленности механизмов управления.

Канун нового этапа развития социологии управления

Появились предпосылки нового этапа развития социологии управления как научно-исследовательской программы. Этот этап сопровождается уточнением эпистемологического статуса социологического знания об управлении, онтогносеологических оснований предмета и всех элементов методологической организации исследований как проблем управляемости социальных процессов – и на уровне общей социологии, и на уровне отдельных социологических дисциплин.

За описанием явлений в социологии управления следует их объяснение, а за объяснением – прогнозирование и возможность проектирования. Уже при включении в исследование эмпирического объекта необходимо предварительно проводить специальные диагностические процедуры для установления реальных проблем, которые решает управленческая практика. Объяснение также включает в себя в качестве гипотезы управленческий фактор. Прогноз строится на предположении о влиянии управленческой рационализации на ход событий. Проектирование выступает как образ желательного будущего при достижении определённого состояния управляемости того или иного процесса. Тем самым определяется проблемное поле социологии управления как научно-исследовательской программы и процедуры получения нового знания.

Сегодня социология управления развивается как прикладная научно-исследовательская и учебная дисциплина. Её объектом являются системы и структуры управления, а предметом – отношения, в которые вступают люди и человеческие группы в процессах управления, закономерности их трансформации в зависимости от решаемых задач и социокультурных условий. В настоящее время большое внимание уделяется не только институтам управления, но и тем субъектам (акто-

Сегодня социология управления развивается как прикладная научно-исследовательская и учебная дисциплина. Её объектом являются системы и структуры управления, а предметом – отношения, в которые вступают люди и человеческие группы в процессах управления, закономерности их трансформации в зависимости от решаемых задач и социокультурных условий.

рам), которые своей деятельностью создают и изменяют их. Социоантропоцентристский (Н. И. Лапин), деятельностно-активистский подходы (П. Бурдые, Э. Гидденс, П. Штомпка, В. А. Ядов), экоантропоцентрическая и семиосоциопсихологическая парадигмы (Т. М. Дридзе), теория персонифицированного социокультурного тела (А. В. Тихонов) и др. отражают новые возможности социологической интерпретации управления. Новейшие концепции менеджмента утверждают принцип флексибельности (гибкости) управления, оптимального сочетания формальных правил и неформальных взаимоотношений между управляющими и персоналом (см.: [3, с. 59–60]).

Исходная методологическая база работы по подготовке словаря

Выше уже указывалось, что для развития социологии управления и продвижения её в практику управления необходимо упорядочение понятийного аппарата социологии управления, введение чётких терминологических различий между её основными понятиями. Этому требованию отвечает поставленная коллективом Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН задача подготовки теоретико-прикладного толкового словаря «Социология управления».

Новизна задачи по подготовке подобного словаря состоит не только в том, что он создаётся впервые в данной области социологии, но и основывается на базе собственных отечественных исследований методологического и эмпирического характера. В ряду теоретических предпосылок нашего проекта стоят работы таких отечественных методологов науки, как Э. Г. Юдин, В. С. Швырёв, А. И. Ракитов, Г. И. Рузавин, В. С. Стёпин и др., а также разработанная В. А. Ядовым стратегия и методика эмпирического социологического исследования (см.: [5]).

В Центре социологии управления и социальных технологий были разработаны концептуальные теоретико-методологические и организационные подходы к созданию словаря, позволившие подготовить научно обоснованный словник, обеспечивающий представительность лексики словаря и полноту его состава, соответствующую заявленной области социологии.

При этом мы исходили из определённого представления о месте социологии управления в системе знаний. С одной стороны, как отрасли социологии, подобной другим её отраслям, а с другой – как раздела общей теории управления, одной из её специальных частей (подобной экономике управления, психологии управления и др.).

Новизна задачи по подготовке подобного словаря состоит не только в том, что он создаётся впервые в данной области социологии, но и основывается на базе собственных отечественных исследований методологического и эмпирического характера.

Социология управления рассматривается нами как отраслевая /специальная социологическая дисциплина, изучающая проблемы управляемости социальных объектов и процессов, теоретико-методологические подходы к исследованию социальных проблем управления, механизмы функционирования и трансформации управленческих структур в различных обществах и культурах; а само управление – как встроенный в социальный процесс, сознательно конструируемый и направляемый социокультурный механизм, оптимально сочетающий организацию и самоорганизацию, формальные и неформальные отношения. Управление, с социологической точки зрения, предстает как согласованная система действий социальных акторов, поддерживающих и конструктивно изменяющих социальный порядок без насилия и манипуляции другими участниками совместной деятельности в контексте данной культурной среды.

Будучи составляющей теории управления, социология управления связана с теориями менеджмента, политологией, теорией рисков и катастроф, социальной антропологией, психологией управления, административным правом. А, являясь отраслью социологического знания, она пользуется методами и подходами социологии и близка по своей проблематике социологии организаций, экономической социологии, социологии труда и инноваций.

Сложность положения объекта и предмета изучения социологии управления, в которых соединены люди и человеческие группы, организации и деятельность (собственно управление), приводит к размытости границ социологии управления, её пересечению с другими исследовательскими дисциплинами и методами. Можно сказать, что объектом управления является не человек с его деятельностью и не группа людей, как это утверждается в менеджменте, а сами механизмы регуляции их отношений. Дадим в связи с этим более полное и строгое определение объекту и предмету социологии управления, так как с этими определениями в данном конкретном случае в большой мере связан подход к формированию словника, критерии отбора лексического материала словаря. Объектом социологии управления выступает процесс институционализации управления как самостоятельного социокультурного механизма поддержания и изменения социального порядка, выделения его из синкретической связки «власть-собственность». Предметом социологии управления выступает управляемость социальных процессов, закономерности функционирования и трансформации регулятивных механизмов, оптимально сочетающих интересы участников совместной деятельности, их организацию и самоорганизацию, формальные нормы и неформальные правила, достижение продуктивных целей и устойчивости социальных связей и отношений.

Управление рассматривается как встроенный в социальный процесс, сознательно конструируемый и направляемый социокультурный механизм, оптимально сочетающий организацию и самоорганизацию, формальные и неформальные отношения.

Сложилась такая ситуация, когда социология управления значительно превысила по своей социально-научной значимости то скромное место, которое она пока ещё занимает в теоретической системе социологии. Поэтому развитие социологии управления как относительно самостоятельной отрасли социологических знаний, изучающей закономерности построения и работы механизма причинно-следственной регуляции в плохо организованных процессах, соответствует современной проблемной ситуации.

Её суть, в практическом плане, состоит в новом геополитическом положении страны, во всё большем включении её в процессы глобализации, в изменении социально-политической структуры общества, в заявляемом стремлении новой политической элиты сочетать государственное регулирование и спонтанную гражданскую самоорганизацию, прежде всего, в демографии, экономике и в использовании трудовых ресурсов, а также в руководстве другими сферами общественной жизни. При этом основным способом управленческой регуляции остаётся исторически отжившая административно-командная система, являющаяся сегодня тормозом перехода к ресурсно-инновационному типу развития. Вопрос о реформировании системы властно-управленческих отношений путём институционализации управления, превращения его в институт постиндустриального типа остаётся открытым, а проблема институционализации управления, тем не менее, представляется все более насущной. С участием науки её решение может стать адекватным российским реалиям; без науки оно, скорее всего, сведётся к восстановлению идеологии и практики административно-командной системы, поскольку немалая часть новой элиты вышла ещё из советской номенклатуры.

Ключевыми проблемами исследований социологии управления являются природа управления, его типы, социальные условия управления и логика его функционирования и развития, социальные вопросы организации управления, его структуры и его институтов, критерии и механизмы социальной эффективности управления, проблемы и механизмы регулирования человеческих отношений, поведения и деятельности людей в процессе управления, личностно-коммуникативные проблемы и проблемы конфликтов социального и личностного характера в процессе управления, вопросы управленческой культуры и др.

Приведённые теоретические положения служат исходной методологической базой всей работы по подготовке словаря и, прежде всего, основой формирования его словника, определяющего полноту обзора всего проблемного поля социологии управления, что исключительно важно для справочника. Последовательное рассмотрение области научного поиска, проблемной ситуации, объекта и предмета науки является обязательной процедурой построения тезаурусного поля научной дисциплины, условием создания справочного труда. Отдавая

Развитие социологии управления как относительно самостоятельной отрасли социологических знаний, изучающей закономерности построения и работы механизма причинно-следственной регуляции в плохо организованных процессах, соответствует современной проблемной ситуации.

отчёт в том, что границы предметной области, да и объекта, социологии управления недостаточно чётки, мы в статьях словаря будем, в частности, стремиться к тому, чтобы по возможности прояснить их и упорядочить понятия, уточнить терминологию.

Информационно-технологические и аналитические процедуры

При формировании первичного терминологического материала словника был использован большой исходный массив лексики, почерпнутый из разнообразных источников: общесоциологических словарей, словарей по общей теории управления, монографических трудов по социологии управления и смежным дисциплинам (см.: [6–13]). При формировании исходного массива лексики использованы теоретические и прикладные наработки Центра: публикации с подробным рубрицированием, а также перечнем и определением понятий и терминов (см.: [14; 15]); аналитическое исследование научных трудов, программ конференций, диссертаций по социологии управления, в том числе с применением интернет-технологий и детерминационного анализа; материалов конференций и семинаров, проведённых в 2005–2010 гг. с участием большого числа исследователей, работающих в области социологии управления и в смежных дисциплинах (см.: [16; 17]), что позволило объединить вокруг Центра значительный коллектив исследователей и специалистов, которые составят костяк авторского коллектива словаря. В Центре проведено исследование предметной области социологии управления на основе анализа содержания и научной новизны диссертаций по специальности 22.00.08 («социология управления») за последние пять лет. По нашим данным, только за это время было защищено 386 кандидатских и докторских диссертаций по социологии управления (см.: [18]). Необходимость обобщения всех этих материалов напрашивается сама собой. Предпринятая нами подготовка словаря по существу является аналитическим исследованием проведённых в стране работ в области социологии управления. Подобных методологических исследований в проблемном поле социологии управления, насколько нам известно, ни в отечественной, ни в зарубежной практике не проводилось. Работа по сбору социологоуправленческой лексики и вычленению тезаурусных единиц, которые составят окончательное содержание словаря, дала более 1200 терминов, терминологических выражений и дефиниций, реально бытующих в области социологии проблем управления и образующих первичный терминологический материал.

Для работы со словарем такого объема в соответствии с современными стандартами необходимы специальные информационно-технологические и аналитические процедуры.

Инновационным в нашей работе является использование в качестве таковых интернет-технологий и информационно-аналитической техники на базе методологии и методов детерминационного анализа (ДА-технология), разработанных бывшим сотрудником Центра С. В. Чесноковым (см.: [19]), которые позволили осуществить процедуры контент-анализа первичного терминологического материала, провести анализ наполненности разделов словаря, а также систематизировать массив лексики (как первичной, так и окончательной) по различным основаниям. В результате была разработана концепция понятийного аппарата социологии управления, положенная в основу тезаурусной базы словаря (см. Приложение).

Актуальность и научная значимость работы для данной отрасли знаний заключается во введении, наряду с концептуальными построениями, методологически значимого разделения понятий «власть» и «управление», терминологических различий между социальным управлением, социологией менеджмента и социологией управления, а в самой социологии управления, как отраслевой науке, – различий между научно-исследовательской программой и учебной дисциплиной, между системными (структурно-функциональными) и деятельностно-активистскими парадигмами, между теоретической постановкой проблем и эмпирическими процедурами, фундаментальными и прикладными исследованиями, что будет способствовать упорядочению многочисленных, но пока ещё разрозненных и мало сопоставимых исследований в данной области науки. Практическая задача в рамках проблемы, на решение которой направлен проект, – создание упорядоченного терминологического пространства для достижения кумулятивного эффекта от проводимых в стране многочисленных и разрозненных исследований проблем управления.

Вместо заключения

Конструирование отраслевой социологической дисциплины, объектом которой является управление, остаётся важной научной задачей, что делает предпринимаемый нами труд по созданию теоретико-методологического инструментария исследования управления актуальным для развития этого направления социологии. Словарь адресуется, прежде всего, тем исследователям и специалистам, которые рефлектируют по поводу проблем институционализации управления, принимают непосредственное участие в разработке соответствующих программ и занимаются подготовкой управленческих кадров, а также практикам управления, разработчикам новых схем и моделей управленческой деятельности. Предлагаемая

нами трактовка методологической организации исследования и оценка уровня методологической рефлексии в режиме мониторинга с использованием интернет-технологий заметно ускорит формирование отечественной социологии управления как исследовательской программы и учебной дисциплины. Результаты реализации данного проекта позволят распространить общедисциплинарный дискурс в отношении методологии, проблем, методов и понятийного аппарата социологических исследований на область проблем социологии управления, что будет способствовать дальнейшей теоретизации этой дисциплины, осмыслению многочисленных попыток рационализации и модернизации традиционной для страны системы управления.

Приложение. Базовые понятия словника

I. Управление как социальное явление:

1. Генезис управления (феномена);
2. Управление и другие регуляторы общественной жизни (власть, собственность, организация и самоорганизация);
3. Управленческий тип регуляции и менеджмент;
4. Институционализация управления в разных типах обществ;
5. Роль управления в модернизации российского общества;
6. Разнообразие практик управления (управление, типы, технологии);
7. Проблема модернизации системы управления в российском обществе;
8. Информационные технологии в управлении.

II. Наука об управлении:

1. Философия управления;
2. Классическая, неклассическая и постнеклассическая наука;
3. Общенаучные дисциплины (математика, системный анализ, кибернетика и синергетика) и управление;
4. Естественнонаучное и социально-гуманитарное знание об управлении;
5. Несоциологические теории управления (праксиология и др.);
6. Исследования проблем управления в разных науках;
7. Прикладные разработки в области управления (системная аналитика и др.).

III. Социология управления:

1. Стратегические парадигмы социологии и управление;
2. Отраслевые социологии и социология управления;
3. История, состояние и перспективы социологии управления;
4. Социология управления как учебная дисциплина;
5. Социология управления как научно-исследовательская программа;

6. Социология управления как теоретико-методологическая основа и эмпирическая база прикладных разработок;
7. Проблемное поле социологии управления (онтология и гносеология);
8. Парадигмы, теории, концепции в исследовании проблем управления;
9. Методологическая организация социологических исследований проблем управления;
10. Программы и методы исследований;
11. Интернет-технологии в исследовании управления.

IV. Новое знание о проблемах управления (по материалам исследований):

1. Государственное управление;
2. Управление регионами, городами;
3. Местное самоуправление;
4. Управление коммуникациями и СМИ;
5. Управление конфликтами;
6. Управление инновациями;
7. Управление образованием;
8. Управление знаниями;
9. Управление людьми (персоналом);
10. Управление и участие;
11. Управление политическими процессами и решением геополитических проблем.

V. Знание об управлении и управленческой практике:

1. Обучение управлению в системе образования;
2. Выращивание знаний в корпорациях;
3. Управленческий консалтинг;
4. Разработка перспективных планов и стратегий развития госструктур, отраслей, организаций, предприятий, компаний, регионов, городов;
5. Опыт внедрения прикладных разработок.

Библиографический список

1. Тихонов А. В. Социология управления. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М., 2007.
2. Проблемы управления и управляемости социальных процессов: методология, методы и процедуры социологического исследования. Материалы II Всерос. науч. конф. «Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии» / Отв. ред. А. В. Тихонов. – М., 2008.
3. Тихонов А. В. Социология управления. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М., 2007.

4. Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов / Сост. и общ. ред. Н. И. Лапин. – М., 2005.
5. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – Самара, 1995.
6. Тезаурус социологии / Под ред. Ж. Т. Тощенко. – М., 2009
7. Словарь терминов по управлению персоналом / Под ред. И. С. Болотина. – М., 2009.
8. Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – М., 2008.
9. Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В. А. Ядов. – СПб., 2006.
10. Теория управления: социально-технологический подход. Энциклопедич. словарь. 3-е изд. / Под ред. В. Н. Иванова, В. И. Патрушева. – М., 2004.
11. Социологическая энциклопедия. В 2-х тт. / Рук. проекта Г. Ю. Семигин. – М., 2003.
12. Государственное управление: Словарь-справочник / Пер. с англ. – СПб., 2001.
13. Щербина В. В. Социальные теории организации: Словарь. – М., 2000.
14. Тихонов А. В. Социология управления: теоретические основы. – СПб., 2000.
15. Социология управления: стратегия, процедуры и результаты исследований / Отв. ред. А. В. Тихонов. – М., 2010.
16. Межотраслевое взаимодействие в социальном управлении / Отв. ред. Е. М. Акимкин, А. В. Тихонов. – М., 2007.
17. Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии / Отв. ред. А. В. Тихонов. – М., 2006.
18. Тихонов А. В., Богданов В. С., Мерзляков А. А. Социология управления как объект методологического анализа (на материалах исследования диссертационных работ по специальности 22.00.08) // Социальное обоснование стратегий городского, регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследований. Материалы IX Дридзевских чтений. – М., 2010.
19. Чесноков С. В. Детерминационный анализ социально-экономических данных. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2009.

К м е т о д о л о г и и научных исследований

Теоретические подходы к изучению трудовых отношений на предприятии в методологии ситуационного анализа

Климова Светлана Гавриловна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

e-mail: sgklimova@mail.ru

Теоретические подходы к изучению трудовых отношений на предприятии в методологии ситуационного анализа¹

Аннотация

В статье ставится проблема недостаточного внимания к объективным детерминантам поведения людей в эмпирических социологических исследованиях. Систематизированы положения ситуационного подхода в социологии и предложена концептуальная схема ситуационного анализа в социологических исследованиях на предприятиях

Abstract

The article raises the problem of insufficient attention to the objective determinants of human behavior in empirical sociological research. The article explores the situation-based type of analysis and provides the conceptual scheme of the situation analysis in sociological studies conducted on enterprises.

Ключевые слова: ситуация, контекст, определение ситуации, субъект, поведение, анализ концепций

Keywords: situation, context, definition of situation, subject, behavior, analysis of concepts

Психологический редукционизм как исследовательская проблема

Обратиться к концепту «ситуация» и связанным с ним методологическим и методическим требованиям к организации эмпирических социологических исследований заставляет про-

¹ Статья написана по материалам доклада на V научно-практической конференции «Социологические методы в современной исследовательской практике» 22 февраля 2011 г. Методы ситуационного анализа разрабатываются в рамках проекта 10-06-00033 «Методология и методы ситуационного анализа на предприятии». Руководитель проекта – С. Г. Климова. Участники проекта: Н. В. Авдошина, В. Ю. Бочаров, И. А. Климов, М. А. Михеенкова, Б. Г. Тукумцев, В. К. Финн, В. А. Ядов.

блема ограниченности инструментария, которым пользуется подавляющее большинство социологов в эмпирических исследованиях вообще, и на предприятиях в частности.

Как правило, материалом для обобщений и выводов служит лишь субъективная информация, данные опросов. Объективные детерминанты поведения если и рассматриваются, то в ограниченном объёме, в зависимости от возможностей, желаний, эрудиции авторов анализа. Психологический редукционизм имеет следствием широкую распространённость в СМИ и политической аналитике интерпретационных схем, связывающих те или иные социальные проблемы с «менталитетом». Преувеличенное внимание в анализе к феноменам сознания при игнорировании ситуации, вызвавшей те или иные настроения и поведение, приводит к тому, что даже вполне «земные», конкретные проблемы анализируются в контексте тех или иных характеристик респондентов. Обобщения звучат примерно так: «мнения о работе столовой (общественного транспорта, медпункта) зависят от возраста, образования респондентов, их отношения к градоначальнику». Но вопрос о зависимости этих мнений от цен в столовой, количества автобусов на маршруте или наличия врача в медпункте даже не ставится. Соответственно звучат и выводы: надо просвещать, объяснять, пропагандировать. Ещё одно следствие психологического редукционизма – релятивизация данных, осознанная или неосознанная манипуляция формулировками вопросов и интерпретациями ответов и, как следствие, недоверие к социологическому знанию вообще. В обществе укореняются представления, что социологические исследования – это изучение мнений, которые можно подтасовывать (формировать). Такая ограниченность обусловлена, в частности, методологическими и методическими трудностями. Чрезвычайно сложно учесть и проанализировать весь комплекс переменных, да и непонятно подчас, что считать всем комплексом переменных. Кроме того, непонятно, как интегрировать в анализе объективные характеристики ситуации и данные, определяющие сознание и поведение участников.

Для того чтобы учесть в эмпирическом социологическом исследовании не только феномены сознания, но и социальный контекст, в котором эти феномены проявляются, мы обратились к методологии ситуационного анализа. Под последним мы понимаем комплексное эмпирическое исследование, ориентированное на выявление, анализ и решение конкретной социальной проблемы, возникшей в сфере трудовых отношений на предприятии. Такое исследование – прикладная практическая задача. Но решить её можно наиболее успешным способом, если изначально понимать, какие базовые принципы, постулаты заложены в основу именно ситуационного подхода и, соответственно, какие практические задачи можно решать с его помощью.

Психологический редукционизм имеет следствием широкую распространённость в СМИ и политической аналитике интерпретационных схем, связывающих те или иные социальные проблемы с «менталитетом». Преувеличенное внимание в анализе к феноменам сознания при игнорировании ситуации, вызвавшей те или иные настроения и поведение, приводит к тому, что даже вполне «земные», конкретные проблемы анализируются в контексте тех или иных характеристик респондентов.

На наш взгляд, методология ситуационного анализа позволяет:

1. Развести в комплексе значимых факторов объективные и субъективные параметры социальной ситуации;
2. Ввести в объяснительную модель объективные и субъективные факторы вместе;
3. Определить границы (временные, событийные) воздействия объективных и субъективных факторов на ситуацию;
4. Сравнивать ситуацию на разных объектах, имеющих один и тот же базовый признак (например, отраслевая принадлежность предприятия или размер поселения), или на одном объекте в разных ситуациях.

Предприятие и проблемную ситуацию на предприятии в качестве «поля», на котором предполагается апробировать методологию ситуационного анализа, мы выбрали потому, что ситуация там имеет чёткую локализацию в социальном пространстве и во времени. Она может быть проще названа по главному событию (например, сокращение штатов, организационные новшества, забастовка) и потому более удобна для отработки логики исследования и инструментария, чем другие объекты, хотя ситуационный анализ может быть универсальной стратегией для социологов.

К методологии ситуационного анализа активно обращаются психологи. И это понятно: как методология эмпирического исследования он был создан именно психологом К. Левиным и его учениками. В частности, Л. Росс и Р. Нисбетт впервые сформулировали принцип, названный ими «фундаментальной ошибкой атрибуции». Многочисленные эксперименты позволили им выступить против «наивного диспозиционизма», который заключается в том, что люди легче приписывают причины поступков личностным качествам субъекта действия, а не контексту этого действия (см.: [1, с. 162]). Они делают следующий вывод: «...когда людям необходимо интерпретировать разворачивающиеся вокруг них события, они бывают склонны не обращать внимания на ситуационные влияния либо придавать им недостаточно большое значение... Люди объясняют прошлые действия и предсказывают будущие действия, исходя из предполагаемых личностных черт...» [1, с. 163–164].

Однако и в социологии ситуационный анализ имеет большую историю и важные для прикладного исследования методологические принципы. Целостная проблематизация, постулируемая им, требует мобилизации разных теоретических подходов и концептуальных схем, наиболее релевантных для анализа того или иного аспекта проблемы. Поэтому мы даём характеристику тех теорий, которые могут быть применимы для ситуационного анализа на предприятии.

Для того чтобы учесть в эмпирическом социологическом исследовании не только феномены сознания, но и социальный контекст, в котором эти феномены проявляются, мы обратились к методологии ситуационного анализа. Под последним мы понимаем комплексное эмпирическое исследование, ориентированное на выявление, анализ и решение конкретной социальной проблемы, возникшей в сфере трудовых отношений на предприятии.

Теоретические основания ситуационного анализа

Впервые к понятию ситуации и возможностям ситуационного анализа в социологии обратились в начале XX в. американские социологи У. Томас и Ф. Знанецкий. По их мнению, ситуация включает три вида данных:

1. Объективные условия, которые в данный момент прямо или опосредованно воздействуют на статус индивида или группы;

2. Предшествующие установки индивида или группы, которые в данный момент влияют на их поведение;

3. Определение ситуации, т. е. более или менее ясную концепцию условий и осознание установок. Когда ситуация разрешена, результат деятельности становится элементом новой ситуации.

У. Томас и Ф. Знанецкий также подчеркивали, что «ситуация может быть контролируема либо изменением условий, либо изменением установок, либо изменением и тех и других...» [2, с. 193–194].

Здесь, как мы видим, обозначены три базовых элемента ситуации, которые авторы предлагают включать в анализ: объективные условия, установки индивидов, вовлечённых в ситуацию, и определение ситуации. В течение XX в. эта базовая идея дополнялась, уточнялась, конкретизировалась исследователями разных направлений. Интерес к концепту «ситуация» возрастал, поскольку вызовом времени для социальных аналитиков стали неустойчивые процессы, неопределённость, поливариантность развития социума. Появились концепции, позволяющие детально описать элементы ситуации и механизмы взаимодействия агентов, её конструирующих.

В ряду этих концепций следует, в первую очередь, упомянуть теорию фреймов И. Гофмана, который, полемизируя с У. Томасом, подчёркивал, что субъективность конструирования социальной ситуации не следует преувеличивать. Определения ситуации создаются не произвольно их участниками, а нормативно заданными структурами взаимодействий (контекстом), которые существуют дольше, чем конкретная ситуация.

И. Гофман ввёл в научный оборот понятие «фрейм» именно для того, чтобы обозначить, что у действующего индивида есть рамки, ограничивающие его произвол в определении ситуации. Фреймы организованы в системы фреймов (frameworks, гофмановское именование метаконтекстов). Среди систем фреймов «онтологическим приоритетом» обладают первичные или базовые, которые подразделяются на природные (природный метаконтекст) и социальные (социальный

Впервые к понятию ситуации и возможностям ситуационного анализа в социологии обратились в начале XX в. американские социологи У. Томас и Ф. Знанецкий. По их мнению, ситуация включает три вида данных:

1. Объективные условия, которые в данный момент прямо или опосредованно воздействуют на статус индивида или группы;

2. Предшествующие установки индивида или группы, которые в данный момент влияют на их поведение;

3. Определение ситуации, т. е. более или менее ясную концепцию условий и осознание установок.

Когда ситуация разрешена, результат деятельности становится элементом новой ситуации.

метаконтекст). В природных системах фреймов, по мнению И. Гофмана, царят детерминизм и предопределённость. В социальных системах фреймов, напротив, участвуют воля, целеполагание и разумность – живая деятельность, воплощением которой является человек (см.: [3, с. 81–82]).

При этом И. Гофман большое значение придает «совокупности опосредующих социальное взаимодействие материальных объектов, которые «фреймируют» ситуацию, закрепляют её в окружающем мире, наделяют объективностью. Материальный объект рассматривается как некий «якорь» (anchor) социального взаимодействия, которое происходит в определённом месте. Места же структурируются не взаимодействующими людьми, а опосредующими это взаимодействие факторами; и именно в материальных объектах, с точки зрения И. Гофмана, закреплён неконструируемый смысл ситуации: «Обстановка тяготеет к неподвижности (в географическом смысле), так что тот, кто хотел бы использовать определённую обстановку как часть своего представления, не сможет его исполнять, пока не попадёт в соответствующее место, и будет вынужден прекратить своё выступление, если покинет его» [4, с. 53].

Заметим, что само «место» или «местоположение», по мнению И. Гофмана, представляет собой «матрицу, определяющую схему» действий. Он отмечает: «Фабрики, аэропорты, госпитали и общественные дороги – это всё поведенческие обстановки, которые поддерживают порядок взаимодействия, как правило, распространяющийся в пространстве и времени за границы любой единичной социальной ситуации, возникающей в таких обстановках» [5, с. 68].

Для понимания места и функций социальных установок в ситуационном анализе важно наблюдение И. Гофмана о рекурсивном характере фрейма (см.: [3, с. 384]). Рекурсивность означает, что фрейм устойчив даже в своей изменчивости. Каждому эпизоду человеческой деятельности свойственна продолжительность: ценностно-нормативные представления (концептуализации), сопровождающие эпизод жизни, заключённый в рамки фрейма, существовали до начала эпизода и продолжают существовать после его завершения. А это значит, что человек всегда будет стремиться к тому, чтобы увязать прежний и новый опыт, знания, оценки. Описания ситуации помещены в определённую рамку («Как должен вести себя человек моего положения, оказавшийся в подобной ситуации»), а значит, нормативно обусловлены. С другой стороны, человек – не калька существующей здесь и сейчас нормативной системы. Он всегда стремится сохранить идентичность, а значит, встроить в определение ситуации собственные – усвоенные в ходе предыдущей социализации – смыслы. Эмпирическая верификация концепта «фрейм» затрудняется его многозначностью. Как пишет В. С. Вахштайн, «фрейм используется И. Гофманом и как синоним “ситуации”, и как синоним “определения ситуации”.

И. Гофман ввёл в научный оборот понятие «фрейм» именно для того, чтобы обозначить, что у действующего индивида есть рамки, ограничивающие его произвол в определённой ситуации.

Это одновременно и “матрица возможных событий”, которую таковой делает “расстановка ролей”, и “схема интерпретации”, присутствующая в любом восприятии» [6, с. 110].

Таким образом, для эмпирического исследования можно использовать идеи И. Гофмана, в соответствии с которыми анализ ситуации должен включать: природный контекст; социальный контекст, время существования ситуации, ценностно-нормативные рамки человеческой деятельности.

Соображение о том, что при анализе социальной ситуации следует принимать во внимание природный и социальный контекст, означает, что важны не только субъективные смыслы социальных действий, но и зависимость тех или иных смыслов от объективных условий деятельности субъектов. В этом мы следуем формуле К. Маркса о бытии, которое определяет сознание, и согласны с современными авторами, отвергающими крайности культурального подхода об автономии культуры относительно экономики и социальных отношений (см.: [7, с. 3]).

Развивает идею контекстов и вскрывает некоторые механизмы взаимного влияния субъективных и объективных составляющих ситуации концепция «трёх миров» К. Поппера. Первый из трёх миров (мир 1) – это физический мир, или мир физических состояний (и объектов). Он содержит используемые нами физические ресурсы и физические препятствия. Любое действие имеет место в определённых материальных обстоятельствах. Эти обстоятельства воспринимаются и оцениваются действующим индивидом в соответствии с его ожиданиями и интересами. Второй (мир 2) – ментальный мир или мир ментальных состояний (мир состояний сознания, установок на действие). Это мир индивидуального сознания. Третий (мир 3) – это мир идей (знаний) и социальных институтов, которые являются помощниками или ограничителями индивидуального действия (см.: [8, с. 9]). К. Поппер подчёркивает, что произвол индивидуального действия всегда ограничен социальными институтами. Или, говоря словами К. Маркса, «люди творят историю, но они творят её в обстоятельствах, которые они не выбирают» (цит. по: [8, с. 11]). Чтобы не потерпеть неудачу в социальном мире, люди «выстраивают в уме концептуальную карту общества и его характеристик, своего местоположения в нём, возможных путей, которые приведут к намеченным целям, и опасностей на этих путях» [8, с. 11]. Индивидуальные «карты» полностью не совмещаются, но они делают возможной приемлемую координацию, поскольку строятся из элементов разделяемых верований и образцов поведения. Поскольку факты социального мира постоянно изменяются, необходимо постоянно сверять свою «карту» в непрерывном интерсубъективном процессе. Те её элементы, которые способствовали неудачным действиям, должны быть уничтожены (см.: [8, с. 11]).

Основная задача ситуационного анализа для исследователя, в соответствии с концепцией К. Поппера, – «различать ситуацию как представление действующего и ситуацию, как

Для эмпирического исследования можно использовать идеи И. Гофмана, в соответствии с которыми анализ ситуации должен включать: природный контекст; социальный контекст, время существования ситуации, ценностно-нормативные рамки человеческой деятельности.

она есть (и то и другое, понимается, предположительно)» [8, с. 19]. При этом и физический, и социальный аспекты должны учитываться в совокупности, если это нужно для объяснения проблемной ситуации (см.: [8, с. 20]).

В полипарадигмальном пространстве современной социологии продуктивными для ситуационного анализа являются некоторые базовые положения активистской парадигмы в социологии. Прежде всего, следует упомянуть теорию социального становления П. Штомпки (см.: [9]). Он выделяет три уровня социальных процессов и три состояния социального становления. Высший уровень – структуры, которые рассматриваются как эмерджентные межсубъектные сети. Это означает, что они автономны по отношению к агентам. Структуры, как регулярно воспроизводящиеся «наборы» правил и ресурсов, проявляются в памяти индивидов в виде «отпечатков» социальной практики и отличаются «отсутствием субъекта». Агенты (низший уровень), в свою очередь, относительно не зависимы, их действия не полностью предопределены структурами и даже могут противостоять им (мобилизация для инноваций или протеста). На среднем уровне (реальности социальных процессов) происходит взаимодействие структур и агентов, образуя цепь событий (эвентуализация), практики взаимодействия. Дуализм агентов, поясняет П. Штомпка, можно рассматривать по принципу комплиментарности, имея в виду, что «свойства агентов являются и продуктами структур, и ресурсами для их построения» [9, с. 272].

Для ситуационного анализа важна трактовка времени П. Штомпки. Он рассматривает «общие свойства времени как измерителя любого социального феномена» и «специальные характеристики времени как аспекта социальных изменений». Различая «количественное» и «качественное» время, П. Штомпка пишет: «В социальных изменениях время проявляется в двух ипостасях. Оно может служить внешней рамкой для измерения событий и процессов. Это – “количественное время”. “Качественное” время связано с социальными изменениями как внутреннее, имманентное, онтологическое свойство событий и процессов» [9, с. 52]. «Качественное время» определяется природой социальных процессов. Это «время в событиях», т. е. то, что в социологии обозначается термином «социальное время» (см.: [9, с. 52]). Анализируя «временные ориентации» агентов, П. Штомпка различает несколько аспектов:

1. Уровень осознания времени (озабоченность либо пренебрежение временем);
2. Глубина осознания времени (важность краткосрочной и долгосрочной перспектив);
3. Форма или вид времени: циклическое или линейное;

Основная задача ситуационного анализа для исследователя, в соответствии с концепцией К. Поппера, – «различать ситуацию как представление действующего и ситуацию, как она есть (и то и другое, понимается, предположительно)». При этом и физический, и социальный аспекты должны учитываться в совокупности, если это нужно для объяснения проблемной ситуации.

Для ситуационного анализа важна трактовка времени П. Штомпки. Он рассматривает «общие свойства времени как измерителя любого социального феномена» и «специальные характеристики времени как аспекта социальных изменений».

4. Ориентация на прошлое или будущее (традиционалистская или футурологическая);

5. Интерпретация будущего, к которому можно подходить либо как к чему-то, что нужно принимать пассивно, либо к чему-то, что надо активно конструировать; если первое предполагает согласие и адаптацию, то второе – планирование и формирование;

6. Ориентации на изменения, новизну и прогресс либо предпочтение повторяемости, сходства и порядка.

По мнению П. Штомпки, правила (нормативные ожидания) относительно времени структурно встроены в более широкую сеть правил социальных нормативных систем.

Время в ситуационном анализе фигурирует как одна из основных аналитических переменных, поскольку принципиально важно, в каком пространственно-временном масштабе исследователь определяет социальную ситуацию, её начало и конец; полагает её устойчивой или «той же самой». В описании ситуации её участниками важны, если говорить в терминологии П. Штомпки, качественные параметры времени: нечто происходит одновременно, быстро, преждевременно, с опозданием, и пр. Здесь могут быть зафиксированы важные точки несовпадений во мнениях участников событий и, соответственно, в определении причин происходящего.

Ещё одна идея П. Штомпки, важная для ситуационного анализа, это идея субъектности. Он предлагает для эмпирического анализа универсальный исследовательский инструмент – принцип INIO (см.: [9, с. 28–30]). Согласно этой модели, любую социокультурную общность можно проанализировать, принимая во внимание четыре измерения: «I» – идеологии, системы ценностей; «N» – нормативная система; второе «I» – интеракции (вертикальные, горизонтальные или сетевые); «O» (opportunity) – социальный ресурс групповых и индивидуальных субъектов. Эта идея лежит в русле современных социальных теорий активистского направления, которые рассматривают человека как активного субъекта собственной жизнедеятельности (А. Турен, П. Бурдьё, Э. Гидденс, Ю. Хабермас), побуждают анализировать «деятельный потенциал» субъектов, обусловленный, в частности, наличием некоторого набора ресурсов: естественных (материальных), институциональных, личностных.

Здесь для нас важно то, какими персональными и социальными ресурсами располагают агенты, включённые в ситуацию. Одни имеют власть, деньги, связи, и потому способны навязывать правила. Другие не имеют таких ресурсов, и потому вынуждены подчиняться. В трудовых отношениях ситуация «начальник сильнее, потому что он обладает всеми перечисленными ресурсами», не всегда очевидна, потому что у работника тоже есть ресурсы. Это профессионализм и соли-

дарность. Другое дело, что работники не всегда умело пользуются этими ресурсами, но это как раз и может быть предметом социологического анализа.

Теорией, способной прояснить вопрос о том, как в ситуационном анализе исследователь может учесть многочисленные параметры ситуации и составить внятную историю возникновения, развития и разрешения какой-то социальной проблемы, является теория становления правил Т. Барнса и Е. Флэм, в которой сделана попытка совместить структуральный и активистский подходы (см.: [10]). Здесь описывается механизм возникновения и изменения систем правил, которые, согласно изложенным выше теориям, являются важнейшими параметрами ситуации и, соответственно, объектом анализа для исследователя.

В рамках этой теории индивиды, группы, организации, сообщества рассматриваются как социальные субъекты, «продуцирующие и проводящие в жизнь системы социальных правил» [10, с. VIII]. Индивиды, хотя бы частично социализированные, интернализируют социальные структуры именно как системы правил. Проблема в том, что акторы часто придерживаются разных систем правил, противоречащих друг другу; по-разному понимают и истолковывают одни и те же правила. Поэтому нормы, законы, организационные принципы могут быть и источником конфликтов, и основой согласия. Одни акторы стремятся реформировать системы правил (СП), другие сохранить их (см.: [10, с. IX]). Разное отношение к правилам определяется не столько личностными особенностями акторов, сколько их встроенностью в социальные организации, которые создают разные режимы правил. Социальные роли управляют поведением акторов, заставляя их подчиняться определённым режимам правил. Соответственно, проблемная (конфликтная) ситуация – это следствие пересечения (*intersecting*) и множественности СП, а также усилий акторов изменить правила. Последние принимаются тогда, когда возникает консенсус или легитимация правил и СП, а также тогда, когда имеет место принуждение к соблюдению правил. Социальная власть и насилие – главные факторы в формировании и реформировании правил и СП.

Применительно к ситуационному анализу на предприятии теория правил Т. Барнса и Е. Флэм обращает внимание исследователей на значимость культурных особенностей данной организации, вытекающих отсюда режимов правил и особенностей управленческих и других регулирующих социальных институтов, каковые, с одной стороны, сегодня традиционно жёсткие, а с другой – амбивалентны и слаболегитимны. Функции институтов и режимов правил в конкретных организациях выполняют фоновые практики. В условиях ситуативных влияний и неопределённости режимов правил значимыми являются характеристики акторов: их знания, осведомлённость, властные ресурсы, роль во взаимоотношении-

В трудовых отношениях ситуация «начальник сильнее, потому что он обладает всеми перечисленными ресурсами», не всегда очевидна, потому что у работника тоже есть ресурсы. Это профессионализм и солидарность. Другое дело, что работники не всегда умело пользуются этими ресурсами, но это как раз и может быть предметом социологического анализа.

ях, возможности контроля над ресурсами. Важна информация о конкретных решениях и действиях акторов. Это, например, действия, поддерживающие или меняющие культурные рамки, системы правил, механизмы формирования групп и социализации акторов. В прикладном исследовании на предприятии это – законы и инструкции; система санкций и система обучения персонала, особенно управленцев разного уровня (их «социализация»). Теория становления правил позволяет классифицировать правила на:

- заданные извне организации правила, ограничения таких-то действий, или внутриорганизационные правила;
- классифицирующие или дескриптивные (позиции акторов, типы взаимодействий, ролевые функции, следствия взаимодействий);
- проспективные, предписывающие нормы взаимодействия и ценностно-нагруженные (цели, идеалы);
- организационные и технические;
- формальные, официальные и неофициальные, «неписаные» правила;
- метаправила, т. е. поддерживающие «режимы правил».

К факторам, поддерживающим следование правилам, относятся: законы и подзаконные акты; нормы, сопровождаемые санкциями; взаимное согласие, контракт; общественное мнение.

В соответствии с теорией становления правил, важно понять, какие режимы правил используются реально в данной ситуации и не следует ли их заменить. Важен и такой параметр, как предвидимые и непредвидимые следствия нарушения режимов правил во взаимоотношениях. Их можно фиксировать по характеру и численности рядовых и неожиданных конфликтов, по уровню «солидаризации – дезинтеграции» статусных групп и их сообществ.

При анализе конфликтной ситуации, если руководствоваться идеями Т. Барнса и Е. Флэм, следует учитывать в структуре противостояния, помимо интересов сторон, несогласованность правил, а также применяемые режимы побуждения к исполнению правил (убеждение, санкционированное принуждение, не санкционированное принуждение). Заметим, что нелегитимированное принуждение в этой концепции не упомянуто.

Ещё одним элементом процессов становления и изменения режимов правил являются взаимодействия и отношения между акторами, которые описываются как сотрудничество либо конкуренция; мирные – конфликтные; инструментальные – экспрессивные; добровольные – вынужденные (по обя-

Применительно к ситуационному анализу на предприятии теория правил Т. Барнса и Е. Флэм обращает внимание исследователей на значимость культурных особенностей данной организации, вытекающих отсюда режимов правил и особенностей управленческих и других регулирующих социальных институтов, каковые, с одной стороны, сегодня традиционно жёсткие, а с другой – амбивалентны и слабелегитимны.

занности); светские – связанные с религиозными нормами. Сами взаимодействия рассматриваются в бинарных оппозициях как: иерархические – не иерархические; интимные – дистантные; формальные – не формальные.

Идеи Т. Барнса и Е. Флэм продуктивны для эмпирического анализа правил и режимов правил, а также механизмов их изменения.

Концептуальные основания для поиска переменных, характеризующих механизм определения ситуации субъектами, в неё включёнными, формирующих и изменяющих правила, мы находим в когнитивной социальной психологии.

В известном учебнике Я. Щепаньского, вышедшем ещё в конце 60-х гг. XX в., утверждалось, что общественную жизнь можно рассматривать как «непрерывный ряд ситуаций, в которых люди встречаются, воздействуют друг на друга, что-то сообщают друг другу, чего-то требуют друг от друга, стараются оказать какое-то влияние на поведение других, получить от них что-то и т. д.» [11, с. 53]. При этом Я. Щепаньский подчёркивал, что «каждая встреча с другими людьми – это новая ситуация. Прежде чем что-то сделать в этой ситуации, мы должны её определить: есть ли это, например, совещание, или дружеская беседа, или требование чего-то» [там же]. То есть, определение ситуации необходимо для применения соответствующего образца деятельности и поведения. В свою очередь, образец – «это способ поведения, признанный “нормальным” в данной ситуации, или, лучше сказать, диапазон поступков, признанных допустимыми и нормальными в данной ситуации» [там же].

То есть, чтобы действовать люди должны знать, где они находятся, с кем взаимодействуют, ради какой цели, чего ждут от них, чего следует ждать от других. Таким образом, определение ситуации – это не установление фактов, а их истолкование. Чтобы действовать, люди как-то понимают (более или менее адекватно) факты. То, как человек определил ситуацию, во многом детерминирует его поступки. Проблема здесь в том, чтобы совместить конкурирующие толкования ситуации участников взаимодействия. С одной стороны, как отмечал Ю. Хабермас, определение ситуации «представляет особую проблему, ведь в процессе совместных истолкований ни один из участников не обладает монополией на интерпретацию» [12, с. 23–24]. Но, с другой стороны, монополия на интерпретацию всё-таки может быть установлена в своих интересах некоторыми участниками ситуации.

Субъект-объектный подход, акцент в котором делается на взаимодействии и взаимовлиянии объективных и субъективных факторов ситуации, наиболее полно отражен в книге Л. Росса и Р. Нисбетта «Человек и ситуация. Уроки социальной психологии» (см.: [1]). Они сформулировали три основные идеи о детерминантах социального поведения в целом и определения ситуации в частности.

Первая идея – это положение о сильном детерминирующем влиянии на поведение непосредственной ситуации, в которой находится человек. Это влияние может быть не всегда сильным и очевидным, но предопределившим действие. Идея о силе и не всегда очевидном характере влияния ситуации на поведение приводит к выводу о том, что изменение параметров непосредственной социальной ситуации может влиять на поведение сильнее личностных особенностей актора. Эта идея берёт начало в экспериментах «отца» ситуационного подхода в социальной психологии К. Левина. Предметом его особого интереса была способность ситуационных факторов и социальных манипуляций влиять на поведение, которое традиционно принято считать отражением личностных диспозиций и предпочтений.

Вторая идея касается субъективной интерпретации (construct) и её влияния на поведение человека. По мнению Л. Росса и Р. Нисбетта, субъективная интерпретация не является ни зеркальным отражением внешней ситуации, ни продуктом произвольного «конструирования реальности» познающим субъектом, а представляет собой результат именно взаимодействия между человеком и ситуацией. Вторая идея служит уточнением и в определённом смысле ограничением первой. Здесь важна мысль о том, что масштаб социальной ситуации в её онтологическом плане не то же самое, что в ментальном. Субъект регулирует своё социальное поведение, руководствуясь собственным пониманием и восприятием ситуации, но его понимание не произвольно, а задано одновременно и контекстом (ситуацией в онтологическом плане), и личностными (в том числе когнитивными и ценностными) особенностями. И дело не просто в том, что субъективное восприятие и понимание важны, а в том, что люди не осознают наличие этого влияния («наивный реализм»), недооценивают изменчивость и разнообразие субъективных интерпретаций одной и той же объективной ситуации и, когда объясняют чужое поведение, бывают не в состоянии сделать поправки на межиндивидуальные различия интерпретаций.

Третья идея касается конфигурации сил, действующих в тех социальных системах, частью которых является субъект. Л. Росс и Р. Нисбетт, говоря о том, что некоторое поведение представляет собой «результатирующую действия множества сил», вводят понятие «напряжённые системы» (см.: [1, с. 50–51]). Это значит, что некоторые «силы» подкрепляют друг друга, а некоторые противостоят друг другу. В этом «балансе» участвуют не только индивид с его диспозициями и вовлечённостью в деятельность и ситуация, но и групповые нормы. Носители этих норм могут подвергать индивида, демонстрирующего ненормативное поведение, санкциям. Эти предполагаемые или реальные санкции могут оказать гораздо большее влияние на поведение, чем возможность получить какие-то выгоды из-за ненормативного поведения. Данная идея

перекликается с размышлениями о значимости такой аналитической переменной в социологическом анализе ситуаций, как ресурсы субъектов в неё вовлечённых. Но Л. Росс и Р. Нисбетт обращают внимание на то, что взаимодействие субъектов, обладающих разными ресурсами и имеющих не всегда и не во всём совпадающие цели, создаёт напряжение в системе взаимодействия, и это напряжение может сохраняться либо до того момента, когда она распадётся, либо до момента конфликта.

Концепт «напряжённых систем» связан с понятием «квазистационарное равновесие» в теории поля К. Левина. Речь идёт о том, что неразрешённая проблема вызывает напряжение в кажущейся статичной ситуации (например, никто не бастует, но недовольство растёт). Такое квазистационарное равновесие возникает потому, что стимулы и силы, направленные на изменение, сталкиваются со стимулами и силами, ориентированными на сохранение. Когда же изменение всё-таки происходит, его результаты часто приобретают лавинообразный характер, поскольку высвобождаются мощные силы, уже до этого существовавшие внутри системы («русский бунт бессмысленный и беспощадный»).

Таким образом, теоретическая триада в концепции Л. Росса и Р. Нисбетта выглядит следующим образом: ситуационизм, субъективизм, динамизм напряжённых систем. Именно на этих трёх «китах» должно, по их мнению, строиться эмпирическое исследование.

Идею «напряжённых систем» можно дополнить и переосмыслить в контексте «проблемной ситуации» и разной степени вовлечённости акторов в неё. Известно, что ситуация становится проблемной тогда, когда все её участники осознают наличие неразрешённого противоречия, начинают спорить, обсуждать, конфликтовать по поводу положения дел. Теория Л. Тевено (см.: [13]) позволяет осмыслить многообразие «режимов вовлечённости» (engagement) в события: непосредственное участие, близость, сочувствие, безразличие.

Важно, что Л. Тевено акцентирует внимание на способах взаимодействия между людьми в проблемной ситуации, координации действий с перспективой перехода от режима «внутреннего дела» к публичности. В нашем случае, например, когда конфликт между работниками и руководством становится предметом обсуждения в СМИ.

По мнению К. Левина, анализ любой ситуации должен начинаться с признания, во-первых, того, что «поведение должно выводиться из всего количества одновременно сосуществующих фактов», а во-вторых, того, что «эти одновременно сосуществующие факты имеют характер силового поля постольку, поскольку состояние каждой части данного поля зависит от любой другой его части» (цит. по: [1, с. 13]). Существование простых механических закономерностей, соотносящих отдельные стимулы с конкретными реакциями,

Концепт «напряжённых систем» связан с понятием «квазистационарное равновесие» в теории поля К. Левина. Речь идёт о том, что неразрешённая проблема вызывает напряжение в кажущейся статичной ситуации (например, никто не бастует, но недовольство растёт). Такое квазистационарное равновесие возникает потому, что стимулы и силы, направленные на изменение, сталкиваются со стимулами и силами, ориентированными на сохранение. Когда же изменение всё-таки происходит, его результаты часто приобретают лавинообразный характер, поскольку высвобождаются мощные силы, уже до этого существовавшие внутри системы («русский бунт бессмысленный и беспощадный»).

попросту невозможно, если учесть, что и те и другие встроены в динамический контекст, видоизменяющий и ограничивающий действие этих закономерностей.

Модель ситуационного анализа

Анализ этих и других концепций позволил создать модель ситуационного анализа на предприятии, которая в общем виде выглядит следующим образом. Та или иная социальная проблема (например, нехватка квалифицированных кадров) на предприятии возникает в определённом контексте. Контекст – это сочетание природных (географических), экономических, политических и культурных условий. Коллектив производственного предприятия работает в условиях, определённых общегосударственными законами, конъюнктурой рынка, местом (регионом) с некоторыми природными и культурными особенностями. На данном предприятии в данном контексте происходит событие, которое ставит под вопрос привычный порядок взаимодействия и которое упоминается участниками. Например, для ситуации нехватки квалифицированных кадров это – организационно-технологические нововведения. Этому главному событию предшествуют некоторые процессы, его порождающие или стимулирующие. Такие процессы или события мы называем эвентуальной предысторией ситуации.

Собственно ситуация – это цепь событий, включающих взаимодействие и взаимосвязь между действующими лицами; самих этих лиц со средой и общий смысл, который придают ситуации её участники. Ситуация имеет событийные рамки (с чего началось и чем кончилось, если кончилось к моменту исследования); эпизоды (что случилось по порядку). Ситуация имеет временные параметры – количественные (как давно началось нечто, как долго продолжается) и социальные (озабоченность теми или иными параметрами времени, выраженные в категориях «преждевременно», «запоздало», «слишком медленно», и пр.). Ситуацию все, в неё включённые, как-то интерпретируют, исходя из своих интересов, сферы компетенции, ценностного отношения к ключевому событию (в нашем примере – нужны ли нововведения на данном предприятии вообще). Эти интерпретации – элемент анализа, который мы называем «определение ситуации».

Но ситуация определяется не только с позиций интересов и ценностей, но и с учётом нормативных параметров – формальных и неформальных правил, действующих в ситуации. Правила описываются по следующим параметрам: жёсткость – гибкость; принятие – нелегитимность; консенсусное отношение к правилам – конфликтное отношение; система обучения правилам; формальные – неписаные правила; режимы побуждения к исполнению правил; согласованность правил и интересов отдельных групп акторов.

По мнению К. Левина, анализ любой ситуации должен начинаться с признания, во-первых, того, что «поведение должно выводиться из всего количества одновременно сосуществующих фактов», а во-вторых, того, что «эти одновременно сосуществующие факты имеют характер силового поля постольку, поскольку состояние каждой части данного поля зависит от любой другой его части».

Влияние нормативных параметров может быть усилено или ослаблено субъектами ситуации – людьми, коллективами, институтами (собственник, местная власть, профсоюз, инспекция по труду), способными придать тот или иной импульс, то или иное направление ходу событий. Степень влиятельности зависит от ресурсов социальных субъектов – средств, позволяющих изменить ход событий, препятствовать намерениям других субъектов, вовлечённых в ситуацию. Социальными ресурсами принято считать деньги, власть, знания, солидарность. Однако степень мобилизации ресурсов зависит от режима вовлечённости в ситуацию – дистанции субъекта от событийной канвы ситуации (непосредственное участие, близость, сочувствие, безразличие).

На рис. 1 представлены элементы ситуации, которые предлагается включить в анализ поведения групп и индивидов.

Рис. 1. Значимые составляющие ситуации в эмпирическом исследовании

Комплексный подход к анализу социальной ситуации на предприятии позволит:

1. Выделить комплекс значимых объективных и субъективных параметров изучаемой проблемы (сокращение штатов, забастовка, технические или организационные инновации и пр.)

2. Сформировать систему признаков и индикаторов, дающих возможность сравнивать динамику развития социальных процессов на предприятии; ситуацию на разных предприятиях, имеющих один и тот же базовый признак (например, отраслевую принадлежность).

3. Определить условия влияния множества разных факторов на развитие ситуации.

Комплексный подход к анализу социальной ситуации на предприятии позволит:

1. Выделить комплекс значимых объективных и субъективных параметров изучаемой проблемы (сокращение штатов, забастовка, технические или организационные инновации и пр.);

2. Сформировать систему признаков и индикаторов, дающих возможность сравнивать динамику развития социальных процессов на предприятии; ситуацию на разных предприятиях, имеющих один и тот же базовый признак (например, отраслевую принадлежность);

3. Определить условия влияния множества разных факторов на развитие ситуации.

Библиографический список

1. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии / Пер. с англ. В. В. Румынского. Под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. – М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994, с. 183–195.
3. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой. – М.: ИС РАН; Фонд «Общественное мнение», 2004. – 750 с.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2000. – 304 с.
5. Гофман И. Порядок взаимодействия (Послание президента Американской ассоциации социологов 1982 года) / Теоретическая социология: антология в 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002, т. 2, с. 60–104.
6. Вахштайн В. С. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2003, т. 3, № 4, с. 104–118.
7. Archer, M. Being human. – Cambridge University Press, 2003.
8. Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма // Социологическое обозрение. 2002, т. 2, № 4, с. 3–24.
9. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
10. Burns, T; Flam, H. The Shaping of Social Organization. Social Rule System Theory with Application. – London: Sage Publ, 1987.
11. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – 240 с.
12. Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008, т. 7, № 1, с. 3–25.
13. Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // Новое литературное обозрение. 2006, № 77, с. 285–313.

К м е т о д о л о г и и научных исследований

Науковедение глазами его создателей

Гиндилис Наталия Львовна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Центра истории развития науки и науковедения Института истории естествознания и техники РАН

e-mail: gindilis@mail.ru

Науковедение глазами его создателей

Аннотация

Работа посвящена реконструкции истории и динамики проблемного поля отечественного науковедения. В качестве метода исследования выступает глубинное интервью с представителями этой дисциплины. От историко-научной реконструкции, ориентированной на безличностную «объективистскую» презентацию фактов, этот жанр отличается тем, что он даёт субъективное видение событий.

Abstract

The article focuses on reconstruction of the history and dynamic the science of science in our country. The author relies on the data from in-depth interviews with the representatives of this discipline. This type of study differs from the impersonal “objectivist” reconstruction by providing the subjective vision of the events.

Ключевые слова: наука, науковедение, интервью

Keywords: science, science of science, interview

В основе данной статьи – интервью с науковедами, это различные специалисты: философы и методологи (А. И. Ракитов, Э. М. Мирский, Н. И. Кузнецова), социологи (Г. Г. Дюментон, В. Ж. Келле, С. А. Кугель, Е. З. Мирская), экономисты (В. М. Орёл, И. В. Шульгина), психологи (А. В. Юревич, А. Г. Аллахвердян), специалисты в области организации науки (С. Г. Кара-Мурза, Ю. И. Кривоносов) и наукометрии (С. Д. Хайтун)¹. Они принадлежат к разным возрастным группам – большинство являются пионерами науковедения, другие вошли в науковедческое сообщество позднее, но успели ещё ощутить атмосферу его расцвета. Все респонденты, за исключением С. А. Кугеля (интервью с которым проводилось в Санкт-Петербурге на очередной Международной школе по социологии науки и техники), являются москвичами. Им предлагался стандартный набор вопросов: что представляет собой науковедение, вехи становления науковедения, его составляющие и их динамика, ведущие темы каждого периода, ведущие персоналии, ведущие центры, перспективы науковедения, считаете ли Вы себя науковедом.

¹ Полные тексты интервью см. в [онлайн-Приложении 3](#) к данному номеру журнала.

Интервью протекало в форме свободной беседы «лицом к лицу» с записью на диктофон. От респондента не требовалось отвечать на все поставленные вопросы, и он имел полную возможность переходить на интересующие лично его проблемы. После перевода интервью из «голоса» в текст оно подвергалось редактированию, структурированию (для придания большей цельности тексту), в некоторых случаях сокращению со стороны интервьюера. В этом варианте текст интервью либо принимался респондентом, либо подвергался дальнейшей доработке. Таким образом, конечный вариант текста интервью не совпадает с непосредственной аудиозаписью, но содержит как все ключевые моменты беседы, так и характерные обороты речи, особенности лексики респондента и т. п.

Размышления об исходной точке, о начале становления творческого пути или даже шире – становлении собственной личности – всегда вызывали интерес. Богата такими примерами литературная классика, обращаются к ним и люди искусства, и представители научного мира. Они представляют ценный материал для анализа литературоведов, искусствоведов, историков науки.

В последние годы появились работы, интересные с науковедческой точки зрения, в которых осуществляется рефлексия не только своей жизни, но и пути той научной дисциплины, с которой была связана собственная судьба. Так, в сборниках ИИЕТ, посвящённых анализу научного сообщества физиков 1950–1960-х гг., содержатся воспоминания выдающихся физиков нашего времени, позволяющие полнее почувствовать и ощутить атмосферу этого сообщества (см.: [1; 2; 3]). Начиная с 1994 г. в «Социологическом журнале» по инициативе Г. С. Батыгина под рубрикой «Ретроспектива» (а затем «Профессиональные биографии») стали регулярно публиковаться биографические интервью с ведущими отечественными социологами. На основе этих материалов в 1999 г. вышел фундаментальный коллективный историко-социологический труд «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах» (см.: [4]), являющийся, по свидетельству Батыгина – редактора и автора предисловия, – одним из источников и частью осуществления более общего замысла – реконструкции истории общественной мысли советского периода. С 2004 г. в материалах рубрики «Современная история российской социологии» петербургского журнала «Телескоп» регулярно публикуются интервью Б. З. Докторовой с ведущими российскими социологами¹. Эти интервью касаются их личной и профессиональной судьбы, и сквозь призму этих воспоминаний высвечивается линия развития отечественной социологии: её социокультурный и исторический контекст, ведущие персоналии, проблемы и т. д.²

¹ Тогда же Б. Докторовой совместно с Д. Шалиным был организован сайт «Международная биографическая инициатива» (МБИ), где представлено уже порядка 100 интервью с российскими социологами.

² В 2009 г. появились воспоминания М. А. Нугаева «Из жизни социолога. Воспоминания и размышления» (см.: [5]). Подробнее о литературе автобиографического и биографического жанра (см.: [6]).

В 1960-е гг. происходила институционализация новой дисциплины – науковедения. Тогда бурный рост прикладной науки, приведший к научно-технической революции, вызвал потребность всестороннего исследования самой науки: закономерностей и путей её формирования, особенностей функционирования как социального института, прогнозирования путей её развития. На Западе оформляется специальное направление исследований науки – “science of science”, один из родоначальников которого – Дирак де Солла Прайс – предложил использовать для анализа науки «методический арсенал самой науки». «Суть моего подхода – это статистический, хотя и не очень строгий в математическом отношении, анализ общих проблем формы и объёма науки, а также ряда общих тенденций, которые связаны с ростом и функционированием “большой науки”», – писал он [7, с. 282]. Методы количественного анализа и социологические исследования науки получают широкое распространение, параллельно продолжается и линия философско-методологического изучения научного знания: выходят работы Т. Куна, И. Лакатоса, новые публикации К. Поппера и др.

В СССР с программной статьёй о необходимости создания особой дисциплины, занимающейся исследованием науки, выступили в 1966 г. историки науки С. Р. Микулинский и Н. И. Родный, опубликовав в «Вопросах философии» статью «Наука как предмет специального исследования (к формированию науки о науке)», которая вызвала большой интерес и имела сильный резонанс (см.: [8]). По определению авторов, «предметом изучения науковедения является общий строй науки, способ и формы её функционирования, связь и зависимость темпов и направления её развития от других общественных явлений и институтов, а целью – разработка теоретических основ организации, планирования и управления наукой, т. е. системы мероприятий, опирающихся на объективную логику развития науки, обеспечивающих оптимальные темпы её развития и повышение эффективности научных исследований» [8, с. 28]. Таким образом, сделан акцент на теоретических началах новой дисциплины, которые должны были составить базу решения практических вопросов. В качестве основы этой дисциплины авторы рассматривали раскрытие закономерностей развития науки на базе анализа историко-научного материала. Науковедение виделось как комплексная дисциплина, и утверждалось, что «как организм больше суммы его частей, так и синтез всех направлений науковедения не есть простая их совокупность: он должен дать более богатое, цельное представление о науке, закономерностях её развития» [8, с. 30]. Эта статья легла в основу всестороннего обсуждения проблем формирования науковедения на советско-польском симпозиуме, состоявшемся во Львове в том же году. Там были подняты вопросы о названии, ключевых проблемах, статусе новой дисциплины (должна ли она быть комплексной, или же

Науковедение виделось как комплексная дисциплина, и утверждалось, что «как организм больше суммы его частей, так и синтез всех направлений науковедения не есть простая их совокупность: он должен дать более богатое, цельное представление о науке, закономерностях её развития».

представлять собой комплекс независимых дисциплин), о том, какие дисциплины следует включать в этот комплекс и их приоритете, и прочее.

В 1960-е гг. были созданы науковедческие структуры в Москве, Ленинграде, Киеве, Новосибирске; занимались проблемами науковедения и в других городах СССР. Различные центры делали акцент на разных аспектах изучения науки. Так, в Ленинграде активно проводились исследования по социологии науки. В 1965 г. там был создан общественный Институт социальных исследований, в котором функционировал Отдел социальных проблем науки. В 1968 г. в Ленинградском отделении ИИЕТ под руководством С. А. Кугеля начал свою деятельность первый в стране сектор социологии науки и техники. Одним из главных центров развития науковедения в 1960–80-е гг. был Институт истории естествознания и техники АН СССР. С 1968 г. здесь было начато издание серии: «Науковедение: проблемы и исследования». В отделе науковедения работали сектора, занимающиеся проблемами методологии, социологии, психологии, организации науки. В фокусе оказался разработка теоретико-методологических проблем науковедения, раскрытие на основе историко-научного материала закономерностей развития науки. В Киеве в Отделении комплексных проблем науковедения под руководством Г. М. Доброва развивался информационный подход к исследованию науки.

По всей стране проводились конференции по разным проблемам, связанным с наукой. В становлении науковедения большую роль сыграли Всесоюзные симпозиумы по логике и методологии науки, первый из которых прошел в Томске в 1960 г. Всесоюзную известность получили конференции в Киеве и Ленинграде. С 1969 г. по инициативе Доброва в Киеве стал выходить республиканский межведомственный периодический сборник «Науковедение и информатика», в Ленинграде тогда же – сборник «Проблемы деятельности учёных и научных коллективов».

Рождение науковедения было не простым, а происходило в бурных дискуссиях и спорах. С самого начала не было достаточной ясности ни в отношении предмета науковедения, ни в отношении его структуры и составных частей. В цитированной выше программной статье Микулинского и Родного был обозначен «костяк» дисциплин, составляющих науковедение, однако их набор варьировал не только у разных авторов, но с течением времени мог измениться у одного и того же ученого. Наиболее длинный список составляющих науковедения был представлен в 1974 г. П. А. Рачковым в книге «Науковедение. Проблемы, структура, элементы» (см.: [9]), где, были выделены 16 разделов науковедения.

Таким образом, границы науковедения постепенно расплывались, появилась тенденция обозначать этим термином все исследования, так или иначе связанные с наукой. С. Р. Микулинский писал в 1982 г.: «Если мы смотрим на на-

уковедение как на некое собирательное понятие, обозначающее любые исследования феномена науки, а такая тенденция явно наметилась в последнее время, то его задачи по отношению к практике становятся настолько общими, что теряют свою конкретность и определённую [10, с. 118]. В 1960–80-е гг. шли активные теоретические разработки методологических основ науковедения как особой дисциплины. Если на Западе различные аспекты науки изучались в рамках отдельных дисциплин¹, то в СССР была попытка создать комплексную дисциплину – науковедение. Однако, чем дальше, тем больше проявлялись трудности на этом пути: шли споры о ведущей составляющей науковедения, число этих составляющих росло, расширялось проблемное поле, но не было единой методологической и методической базы. Проводившиеся исследования по методологии и социологии науки, организации и управлению научной деятельностью, изучению проблем научного творчества, информационной составляющей науки, форм коммуникации в ней, наукометрические исследования, научное прогнозирование, работы по этике науки представляли собой разрозненные фрагменты мозаики, не составляющие единого целого. Помимо идеологических ограничений, существовали и методические трудности проведения науковедческих исследований, связанные с закрытостью и несовершенством статистической базы, труднодоступностью материалов и т. п. Тем не менее, появились работы мирового уровня: следует указать вышедшую ещё в 1959 г. статью коллектива авторов по наукометрии (см.: [11, с. 13–56]) и имевшую большой научный резонанс; в 1987 г. за свои работы в этой области В. В. Налимов был удостоен медали Д. Прайса Международного общества по наукометрии и инфометрии.

В конце 1980-х гг. произошли два значимых для истории науковедения события: в 1986 г. ушёл с поста директора ИИЕТ С. Р. Микулинский, а в 1989 г. умер лидер киевской школы науковедения Г. М. Добров. Если киевляне сумели сохранить наработанные традиции, то в ИИЕТ – одном из первых и ведущих центров по науковедению – эти исследования постепенно сворачивались. Произошедший в 1991 г. распад СССР обусловил и распад единого науковедческого пространства².

Изменение социально-экономической и политической ситуации после «перестройки» не могло не отразиться как на самой науке, так и на дисциплине, её изучающей. «Наше науковедение было частью обществоведения, с методологическим подходом истмата, из которого были “вычищены”

¹ В 1971 г. в Великобритании начал выходить журнал “Science Studies”, который с 1975 г. стал называться “Social Studies of Science”.

² Что касается научного сообщества, то присоединюсь к мнению Б. И. Козлова: «Консолидация науковедения в целом как относительно самостоятельной и, главное, осознавшей самоё себя комплексной научной дисциплины так и не завершилась до распада СССР» [12, с. 91].

некоторые идеи Просвещения», – отмечает наш респондент С. Г. Кара-Мурза. Дисциплина, призванная изучать науку, должна была нести определённую идеологическую нагрузку. Этим обстоятельством объясняет (в нашем интервью) примат логико-методологической проблематики в науковедении раннего периода А. И. Ракитов: «В 1950–60-е гг. исследовать социальные, политические, экономические и менеджерские механизмы развития отечественной науки было трудно, так как существовали цензурные, идеологические и информационные барьеры. Поэтому наиболее талантливые ребята того времени уходили в логику и методологию науки». После «перестройки» таких барьеров не стало, и появились возможности как для проведения широким фронтом различных эмпирических исследований, так и для глубоких теоретических обобщений. Однако в последних, по мнению большинства наших респондентов, наблюдается явный дефицит.

На передний план исследований в постсоветский период выходят проблемы политики науки в условиях кризиса и рыночной экономики, её реорганизации, вопросы финансирования науки и сокращения кадров, «утечки умов», преемственности в науке, взаимодействия науки и образования и т. д. Появление грантовой системы поддержки науки не замедлило вызвать науковедческие исследования по её анализу, развернувшиеся широким фронтом в 1990-е гг. Снятие идеологических запретов и цензуры, доступность ранее закрытых материалов дали возможность разработки таких тем, как «репрессированная» наука, наука русского зарубежья, наука и власть. Претерпела изменения статистическая база науки, перешедшая на международные стандарты, что открыло новые возможности для исследований в области социологии и экономики науки.

Меняются не только внешние, но и внутренние факторы развития науки, которые «выводят на сцену» новые темы её изучения. На рубеже прошлого и нынешнего тысячелетий началась технологическая и информационная революция, сопровождающаяся стремительным ускорением роста научно-технических достижений, что привело к выдвиганию на передний край исследований, связанных с ролью науки в инновационной экономике, информационным обеспечением науки, переработкой бурно растущего потока научной информации. В 1991 г. появился специальный научный Центр информатизации, социально-технологических исследований и науковедческого анализа. В 2000 г. был создан Институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП), призванный проводить научные исследования, связанные с обоснованием принципов формирования государственной научно-технической и инновационной политики и разработку механизмов её реализации, включая экономические, правовые и международные аспекты. С 2006 г. Институтом издаётся альманах «Наука. Инновации. Образование».

На передний план исследований в постсоветский период выходят проблемы политики науки в условиях кризиса и рыночной экономики, её реорганизации, вопросы финансирования науки и сокращения кадров, «утечки умов», преемственности в науке, взаимодействия науки и образования и т. д. Появление грантовой системы поддержки науки не замедлило вызвать науковедческие исследования по её анализу, развернувшиеся широким фронтом в 1990-е гг.

Новая научная революция привела к изменению характера научного знания, а также этических устоев науки, что нашло отражение в исследованиях по философии и социологии науки. В условиях глобализации растёт роль научного прогнозирования уже не в рамках отдельных стран, но цивилизации в целом с применением форсайт-инструментария. С 2007 г. начал выходить журнал «Форсайт», издаваемый Институтом статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики. В связи со стремлением России выстроить сбалансированную систему защиты интеллектуальной собственности актуальными для современных правоведов и науковедов становятся задачи разработки правовых аспектов научной деятельности. Таким образом, можно говорить не только о расширении проблемного поля науковедения в последние годы, но и о смещении акцентов в науковедческих исследованиях.

Меняется и его структура: считавшиеся в 1960–70 гг. базовыми для теоретических науковедческих обобщений история науки, логика и методология науки в настоящее время выпали из поля его интересов, практически «сошла со сцены» психология науки. По-прежнему одно из центральных мест занимают исследования по социологии науки. В петербургском филиале ИИЕТ с 1992 г. проходят Международные школы социологии науки и техники¹, с 2010 г. там начал выходить журнал «Социология науки и технологий», который в определённой степени призван заменить выпускавшийся на протяжении 1999–2003 гг. журнал «Науковедение». Вместо прежних «фаворитов» появились новые направления: «Я бы также включил в структуру науковедения новые направления исследования науки, зародившиеся в постсоветский период, а именно, правоведение науки и демографию науки в качестве самостоятельных направлений исследования науки», – отметил наш респондент А. Г. Аллахвердян. А С. Г. Кара-Мурза вообще не считает науковедение дисциплиной, но рассматривает его как «срез науки об обществе. Если общество является контекстом науки, то наука, в свою очередь, представляет собой его элемент, исследование которого необходимо для понимания общества в целом. Например, советское общество нельзя ни описать, ни понять без знания особенностей советской науки».

С поры зарождения науковедения прошло около 50 лет. Уже нет многих из тех, кто стоял у его истоков, поэтому особенно ценно сохранить «видение» его проблем в их динамике всех, кто продолжает работать в этой области (или смежных областях)². В наших интервью акцент сделан не на размышлениях о личной и профессиональной судьбе респондентов, а на истории и проблемах той дисциплины, в которой они

¹ С 2001 г. там возобновились и конференции по науковедению, консолидирующие научное сообщество науковедов.

² Этим летом ушёл от нас один из пионеров науковедения, ведущий отечественный специалист в области социологии науки, В. Ж. Келле, интервью с которым используется в данной работе.

В условиях глобализации растёт роль научного прогнозирования уже не в рамках отдельных стран, но цивилизации в целом с применением форсайт-инструментария.

работали, а большинство продолжает работать и в настоящее время. Здесь тоже много воспоминаний личного характера, но в центре внимания оказывается не сам субъект, а объект его исследования и рефлексия по поводу генезиса этого объекта (ярким примером такого рода рефлексии, лишённой личных воспоминаний, является интервью с Э. М. Мирским).

От историко-научной реконструкции, ориентированной на безличностную, «объективистскую» презентацию фактов, жанр интервью отличается тем, что в нём представлен субъективный взгляд на эти факты. Разброс субъективных «видений» ситуации достаточно широк, и каждое из них отклоняется от схемы абстрактных методологических построений, но позволяет «увидеть» и «услышать» непосредственную «картинку» и голос прошлого и настоящего. Это является одновременно и плюсом, и минусом такого рода размышлений: богатство конкретных фактов, деталей, не получивших широкую известность, – с одной стороны; и неизбежный субъективизм восприятия, обусловленный личностными особенностями респондента, его приверженностью определённым теоретическим конструктам, опосредованным влиянием на его дискурс событий и оценок сегодняшнего дня – с другой. Но при всём этом данный материал представляет собой богатую базу для последующих историко-научных и методологических исследований. Из мозаики субъективных представлений и оценок можно составить целостную картину прошлого, в которой неизбежные диспропорции композиции восполняются богатством красок, оттенков, деталей конкретных событий, что обогащает общее представление о предмете, сложившееся на основе уже заостренных схем.

Для нашей современности характерен не поиск абсолютной всеобщей истины, но диалог множественных равноценных истин. Так, Г. Гадамер писал: «Одно понимание не превосходит другое понимание... Достаточно сказать, что мы понимаем по-разному, если мы вообще понимаем» (цит. по: [13, с. 12]). Главным предметом интереса исследователя-гуманитария XX в. стал созданный человеком культурный текст. Причём, этот текст может обрастать толкованиями, которые «встраиваются» в сам текст, как это происходит, например, в философии французских структуралистов. Так, по меткому замечанию З. Баумана, философия Ж. Деррида – это философия случайного мира и случайного знания, в котором бесконечный диалог между текстами не может привести к согласию (см.: [13, с. 5–22]).

А на «объективность» можно посмотреть, как на совокупность субъективных представлений – целостность (= объективность) мозаики складывается из отдельных кусочков (= субъективность), и получается картина, имеющая для каждого зрителя свой смысл. Ю. Нагибин писал в предисловии к своему «Дневнику»: «Мои записки... принадлежат сыну века... и в этом их объективная, пусть незначительная, цен-

Для нашей современности характерен не поиск абсолютной всеобщей истины, но диалог множественных равноценных истин.

С поры зарождения науковедения прошло около 50 лет. Уже нет многих из тех, кто стоял у его истоков, поэтому особенно ценно сохранить «видение» его проблем в их динамике всех, кто продолжает работать в этой области (или смежных областях).

ность, не связанная с моей личностью, ибо через меня, как через каждого человека, отваживающегося жить, а не тлеть, говорить, а не молчать в тряпочку, отражается время, эпоха, хочешь ты того или нет» [1, с. 8].

Подводя итоги нашего исследования методом интервью о науковедении, можно сказать, что справедливым оказался афоризм «Сколько людей, столько мнений». Е. З. Мирская высказалась наиболее резко: «Я не считаю правильным вопрос, что такое науковедение. На этот счёт каждый имеет своё мнение, да и вообще это не кажется мне существенным. Факт состоит в том, что имеется некая область научных исследований определённого объекта – науки».

Практически все наши респонденты подчеркивают общественную значимость науковедения, видя главные проблемы современного науковедения в области «изучения процессов взаимодействия отечественной науки с отечественной экономикой, сферой государственного управления и с проблемами модернизации общества» (А. И. Ракитов), во «взаимодействии науки и власти» (Ю. И. Кривонос) и т. п. Исследование взаимодействия науки с другими общественными структурами, т. е. «внешняя» психология и социология науки, по мнению А. В. Юревича, – наиболее актуальная проблема современного науковедения.

По-разному оценивают участники опроса интерес к науковедению в наши дни: одни считают, что он существует и даже возрос, другие – что эти проблемы мало кого волнуют. Все сходятся на одном – сегодняшнее науковедение имеет мало общего с тем, которое было в недавнем прошлом. Это обстоятельство интересно и с науковедческой точки зрения: оно фиксирует факт стремительного изменения новой научной дисциплины за 50 лет её существования.

Хотелось бы обратить особое внимание на последний вопрос, предлагаемый респондентам и относящийся к их профессиональной самоидентификации. Как уже отмечалось, науковедение представляет собой образование, состоящее из ряда дисциплин, порой далеко отстоящих друг от друга. Из ответов респондентов видно, что до сих пор нет единства в отношении того, какие дисциплины входят, а какие не входят в науковедение; какие составляют его центр, а какие – периферию. Более того, никогда не было и до сих пор нет учебных заведений, которые готовили бы профессиональных науковедов. Науковедями становятся, имея уже не только высшее образование в какой-то области, но и определённый опыт работы, так или иначе связанный с разнообразными проблемами науки. Поэтому далеко не все, причастные к науковедению, ощущают себя в качестве таковых. В то же время, как представляется, подобная самоидентификация важна для формирования и функционирования соответствующего научного сообщества.

До сих пор нет единства в отношении того, какие дисциплины входят, а какие не входят в науковедение; какие составляют его центр, а какие – периферию. Более того, никогда не было и до сих пор нет учебных заведений, которые готовили бы профессиональных науковедов. Науковедями становятся, имея уже не только высшее образование в какой-то области, но и определённый опыт работы, так или иначе связанный с разнообразными проблемами науки.

Библиографический список

1. Нагибин Ю. М. Дневник. – М.: Книжный сад, 1995.
2. Научное сообщество физиков СССР. 1950–1960-е годы: Документы, воспоминания, исследования. Вып.1 / Сост. и ред. В. П. Визгин, А. В. Кессених. – СПб: РХГА, 2005.
3. Научное сообщество физиков СССР. 1950–1960-е и другие годы: документы, воспоминания, исследования. Вып. 2 / сост. и ред. В. П. Визгин и А. В. Кессених. – СПб: РХГА, 2007.
4. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г. С. Батыгин. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
5. Нугаев М. А. Из жизни социолога. Воспоминания и размышления. – Казань: КГУ, 2009.
6. Алексеев А. Н. Личностное науковедение (на примере современной российской социологии). URL: <http://www.feedbackgroup.narod.ru/findman/lichnost.html>
7. Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке / Ред. В. Н. Столетов. – М., 1966.
8. Микулинский С. Р., Родный Н. И. Наука как предмет специального исследования (к формированию науки о науке) // Вопросы философии. 1966, № 5.
9. П. А.Рачков. Науковедение. Проблемы, структура, элементы. – М.: из-во МГУ, 1974.
10. Микулинский С. Р. Ещё раз о предмете и структуре науковедения // Вопросы философии. 1982, № 7.
11. Влэдуц Г. Э, Налимов В. В, Стяжкин Н. И. Научная и техническая информация как одна из задач кибернетики // Успехи физических наук. 1959, т. 69, вып. 1.
12. Козлов Б. И. Наука и науковедение в постиндустриальной России // Науковедение. 2004, № 4.
13. Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. 1992, т. 1, № 2.

Трибуна молодого учёного

Политическая методология в контексте формирования «умной политики»

Подъячев Кирилл Викторович – кандидат
политических наук, научный сотрудник
Института социологии РАН

e-mail: sekretar@isras.ru

Политическая методология в контексте формирования «умной политики»

Аннотация

Статья посвящена проблеме выбора объекта исследования политической науки в современных условиях. Автор исходит из предположения, что традиционное акцентирование на процессе борьбы за власть сегодня уже не актуально, и предлагает поставить в центр внимания политологии процесс выявления и решения социальных проблем. Исходя из этого, рассматриваются возможности дальнейшего развития политологии в России.

Abstract

The article sets out to explore the object of study in modern political science. The author proceeds from the assumption that the traditional emphasis on power struggle is no longer relevant in modern political science, and proposes to concentrate instead on the process of identifying and solving social problems. This assumption serves as basis for speculation on the development of political science in Russia.

Ключевые слова: политика, политология, власть, влияние, агрегирование, модернизация, социальные проблемы, гражданские движения

Keywords: politics, political science, power, influence, aggregation, modernization, social problems, civil movements

Модернизация экономики невозможна без социальной модернизации, без изменения устаревших, не отвечающих современным реалиям отношений между различными частями социального, и, прежде всего, между обществом и политической системой. С этим положением сейчас уже никто не спорит, оно принимается экспертным сообществом как аксиома. Из этого следует, что политическая модернизация является важным, если не центральным, пунктом современной повестки дня.

Президент РФ Д. Медведев недавно сказал: «Модернизация создаёт умную экономику, но модернизация требует и умной политики, обеспечивающей условия для всестороннего обновления жизни общества» [1]. А «умная поли-

тика» есть прежде всего политика, опирающаяся на социальные инновации в такой же мере, в какой «умная экономика» опирается на инновации технологические. Для такой политики политология и социология являются не отвлечённым «высокоумным бормотанием», но интеллектуальным базисом, источником новых идей и смыслов.

Появляющийся на наших глазах запрос на «умную политику» открывает перед социальными науками колоссальные перспективы, но он же ставит их перед серьёзным вызовом, требуя соответствия масштабу возникающих задач.

Это относится ко всем наукам об обществе, но едва ли не в первую очередь, к политологии. Политология, *political science*, должна быть в состоянии дать ответы на вопросы, возникшие перед современным государством и обществом. «Умная политика» сможет быть успешной лишь в том случае, если её интеллектуальная опора – политология – будет адекватна современным реалиям. Пока же это не совсем так. Современная политическая наука – и прежде всего российская – находится в серьёзном кризисе. Причины его возникновения и возможный путь выхода из него мы и попытаемся рассмотреть ниже.

Постановка проблемы

Сегодня в России для политологии словно не осталось места. Выборы почти утратили своё значение, причём даже не столько из-за «зачистки» оппозиционных партий, сколько потому, что сошло на нет влияние избираемых органов власти.

Имевшая место в 2007 г. кампания по презентации думских выборов в качестве «референдума» о доверии политике В. Путина ясно показала, что выборы сегодня рассматриваются не как способ формирования будущей власти, но как форма легитимации власти существующей. Отказаться в доверии этой власти, конечно, можно (и никакие фальсификации и отмена порога явки ситуацию не спасут), но чем её заменить? Люди не находят ответа на этот вопрос (ведь ни одна из политических партий, включая т. н. «несистемные», неспособна предложить хоть какую-нибудь реальную альтернативу) и готовы соглашаться на сохранение *status quo*. В этой ситуации замещение значимых должностей в системе государственного управления и даже смена власти происходят непублично, а стало быть, изучение этого процесса с помощью инструментов, бывших до сего дня в арсенале политологии, представляется крайне затруднительным.

Однако похожие трудности возникают и там, где представительная демократия, казалось бы, не испытывает проблем с конкурентностью и публичностью. В развитых странах Запада выборы остаются вполне конкурентными, оппозиция действительно имеет доступ ко всем СМИ, и исход голосо-

«Умная политика» сможет быть успешной лишь в том случае, если её интеллектуальная опора – политология – будет адекватна современным реалиям.

Выборы почти утратили своё значение, причём даже не столько из-за «зачистки» оппозиционных партий, сколько потому, что сошло на нет влияние избираемых органов власти.

ния до последнего дня часто остаётся непредсказуемым. Но и там электоральный процесс в большой мере приобретает характер интерактивного шоу, а относительная «непредсказуемость» придаёт ему остроты, но не значимости. Независимо от того, победят республиканцы или демократы в США, консерваторы или лейбористы в Великобритании, христианские демократы или социалисты в Германии – политический курс правительств в этих странах не претерпит существенных изменений. Экономическая и политическая элита останется той же самой, интересы её не поменяются, а наличие во власти тех или иных персоналий погоды не сделает. Публичный политический процесс, в ходе которого происходит смена власти, там всё больше походит на футбольный матч. Самый яркий пример тому – Б. Обама, который шёл на выборы под лозунгом «Change We Need», победил «по-демократически» совершенно блистательно (чем вызвал завистливые вздохи у российских либералов), а в результате продолжает в основном политику (policy) своих предшественников (см. Афганистан, Ливия). Для политической науки это опять-таки означает существенные затруднения – публичный процесс, конечно, можно изучать, но если он ни на что принципиально не влияет, то много ли в таком изучении толку?

В результате начинает казаться, что для политологии осталось совсем незначительное предметное поле – прогнозирование электоральных перспектив для тех или иных политических партий (кандидатов) плюс разработка технологий предвыборных кампаний. Причём ничто из этого не требует специфически политологических методов.

В России же, с предсказуемыми результатами выборов и «однобокой» партийной системой, для политологии, кажется, сохранилась только область гаданий на тему «вернётся ли Путин в Кремль в 2012?». Не удивительно, что в такой ситуации стали раздаваться голоса о «смерти политологии» или её «ненаучности».

Однако такой взгляд представляется ошибочным. Не политология умерла, но показала свою несостоятельность старая методология, которая центром внимания политической науки считала государственную власть, вследствие чего единственным объектом исследования стал процесс борьбы за распределение властного ресурса. А подлинно научное исследование этого процесса возможно лишь там, где он происходит открыто и публично, т. е. имеет форму демократических выборов. В результате политология с рождения своего в качестве самостоятельной научной дисциплины оказалась привязанной к весьма ограниченному – исторически и культурно – типу социально-политической системы.

Современная политическая методология в большой степени привязана к анализу электорального процесса, поскольку в западной (особенно американской) политической науке господствует мнение, что «ни один политический институт

Независимо от того, победят республиканцы или демократы в США, консерваторы или лейбористы в Великобритании, христианские демократы или социалисты в Германии – политический курс правительств в этих странах не претерпит существенных изменений.

Не политология умерла, но показала свою несостоятельность старая методология, которая центром внимания политической науки считала государственную власть, вследствие чего единственным объектом исследования стал процесс борьбы за распределение властного ресурса.

не определяет политический ландшафт страны в такой степени, как её избирательная система» [2, с. 126]. А поскольку выборы, как любой массовый процесс, могут быть описаны статистически и, стало быть, математически смоделированы, политическая методология попала в жёсткие тиски «модельного подхода», эконометрики, математической статистики и комбинаторики (см.: [3, с. 699–707]). Там же, где сбор количественных данных затруднён, политическая статистика встаёт в тупик, и феномены неэлекторальной природы просто выпадают из её поля зрения.

В итоге всё, что могла бы предложить политология специфически «своего», попало в абсолютную зависимость от одного единственного политического института. Такая политология действительно оказывается в тупике, если избирательная система перестаёт оказывать существенное влияние на расстановку политических сил. И этой науке совершенно нечего сказать тем общественным силам, которые и не собираются встраиваться в государственную власть или занимать её место, но стремятся только к улучшению окружающей действительности (гражданским движениям, например).

Таким образом, задача видится не в том, чтобы «похоронить» политологию или ожидать того прекрасного дня, когда выборы снова станут определять лицо политической системы. Следует подумать над тем, чтобы уйти от старой методологии и, более того, от прежнего объекта изучения – процесса борьбы за власть.

Смена координат

Предложение заключается в том, чтобы по-иному посмотреть на объект исследования политической науки. Однако возможно ли политологически изучать невластные феномены? Наш ответ – возможно.

Какая бы судьба ни постигла институт выборов и каким бы авторитарным и закрытым ни был политический режим – социальные проблемы никуда не исчезают, процесс артикуляции и агрегирования интересов не прекращается. А процесс этот гораздо шире, чем собственно борьба за доступ к властному ресурсу; в него вовлечены гораздо более значительные социальные силы. Вместе с тем, он не может рассматриваться в отрыве от политики в традиционном её понимании. В современном мире государство пронизывает всё, причём в наиболее «демократических» и «передовых» обществах оно часто проникает даже в те сферы, которые в обществах «авторитарных» им почти не затрагивались (например, институт семьи). Так, социологи признают, что на протяжении последних 20 лет «...в большинстве развитых стран семейные функции продолжали

Какая бы судьба ни постигла институт выборов и каким бы авторитарным и закрытым ни был политический режим – социальные проблемы никуда не исчезают, процесс артикуляции и агрегирования интересов не прекращается. А процесс этот гораздо шире, чем собственно борьба за доступ к властному ресурсу; в него вовлечены гораздо более значительные социальные силы. Вместе с тем, он не может рассматриваться в отрыве от политики в традиционном её понимании.

“перехватываться” обществом¹» [4, с. 73]. Потому никакое существенное изменение социальной реальности невозможно без участия государства, и всякая общественная активность, независимо от того, исходит ли первоначальный импульс «сверху» или «снизу», неизбежно оказывается перед необходимостью общения с администрацией и политической властью. А это неизбежно политизирует любые действия и движения, направленные на изменение социальной действительности. Как отметил авторитетный российский политолог А. Галкин, «... политические сигналы, поступающие от индивидов, не могут быть сведены к электоральным действиям. По сути дела любая акция, адресованная гражданином политическим институтам (будь то письменное послание, отказ платить налоги, девиантное поведение), является политическим действием» [5, с. 38]. Таким образом, не борьба за обладание государственной властью как инструментом легального насилия, но процесс выявления и разрешения социальных проблем при участии государственной власти – вот что представляется достойным объектом изучения современной политологии.

Сегодня политологами (российскими в том числе) ведутся исследования и по данному направлению, но этим исследованиям не хватает теоретического базиса. Не только в массовом сознании, но и в среде политологов продолжает господствовать убеждение, что политика – это борьба за власть. Достаточно почитать вузовские учебники по политологии, чтобы в этом убедиться. Так, в одном из наиболее популярных учебников политика определяется как «совокупность отношений, складывающихся в результате целенаправленного взаимодействия групп по поводу завоевания, удержания и использования государственной власти» [6, с. 53]. Можно предположить, что в значительной степени именно из-за этого слово «политика» воспринимается в России с негативными коннотациями и в русском языке (!) возникают такие устойчиво отрицательные неологизмы, как «политиканство» (это, однако, предмет отдельного исследования).

Кроме того, в широком политологическом дискурсе результаты исследований, не направленных на изучение «власти», почти не присутствуют. А политология тем и отличается от многих других научных дисциплин, что она в принципе не может быть уделом узкой группы профессионалов. Политология имеет ценность (на этой позиции мы готовы стоять твёрдо), если функционирует цепочка «академическая наука – прикладная наука – публичный дискурс». Потому сегодня требуется даже не столько смена объекта, сколько «смена координат» в политологии. Академическая политология, начиная с высшего, теоретического уровня, должна переориентироваться. Необходим подход, при котором государственная

¹ В данном случае читай – государством.

власть рассматривается уже не как самодовлеющая сущность, но как инструмент для решения конкретных социальных вопросов.

Теоретический базис

Ключевой проблемой политологии при обозначенном подходе становится вопрос взаимодействия государства и общества, а борьба за власть как таковая отступает на задний план.

Теоретической основой дальнейших исследований здесь может выступать условная двухчастная модель социального мира, восходящая ещё к Гегелю и Токвилю (см.: [7, с. 142]). В этой модели существуют две сферы – «политическое сообщество» (или политическая система), в которую помимо государства в узком смысле входят и политические партии, группы давления и другие структуры, так или иначе связанные с завоеванием и осуществлением политической власти, с одной стороны, и с другой – «неполитическое сообщество», сфера частной жизни людей, преследующих свои личные (семейные) интересы. Две эти сферы существуют одновременно и параллельно в рамках одного целого – социума, но при этом их функционирование основано на различных принципах.

Политическая сфера, как это заметил ещё Аристотель, ориентирована на общее благо (см.: [8, с. 38]), которое удивительным образом не только не является простой суммой частных благ, но представляет собой нечто, в корне от них отличное.

Неполитическая сфера ориентирована на разнородные частные блага, трудно совместимые друг с другом и объединяющиеся в некое групповое благо только случайным образом и на краткое время. Нормативным и аксиологическим центром политической сферы является власть, причём власть публичная. Тогда как для неполитической сферы¹ ключевое понятие – интерес.

Соответственно, сама логика бытия этих сфер глубоко различна. Политическая сфера устроена вертикальным образом, она функционирует в логике иерархии, дисциплины, подчинения. Разнообразные демократические новации, наподобие разделения властей, несколько смягчают тотальность и централизм, но отнюдь не устраняют логику господства-подчинения из отношений политики, ибо, где нет подчинения, там нет власти, а где нет власти, там нет политики. Неполитическая же сфера действует в логике взаимодействия, компромисса, договора. В ней нет места понятиям «главный» и «подчинённый»,

¹ Сам термин «неполитическая сфера» представляется весьма ущербным, поскольку он апофатически отталкивается всё же от «политики» и «власти», однако пока не видно, чем можно было бы его заменить. Термин «гражданское общество» не подходит, поскольку обозначает конкретный социокультурный феномен и исходит из понятия «гражданин», которое применимо далеко не ко всем типам обществ.

ибо любые роли в ней являются условными и временными. Как отмечал Э. Геллнер, в гражданском обществе «совершенно неясно, кто начальник» [9, с. 216].

Таким образом, логики бытия двух этих сфер принципиально различны, едва ли не противоположны. И подобное различие логик приводит к тому, что коммуникация между этими сферами становится крайне затруднительной.

А ведь речь здесь идёт об идеальной модели, в которой не учитываются ни индивидуальные пороки составляющих политическую систему личностей (которые в реальности часто пользуются властью для достижения личных благ, а не системной цели общего блага), ни возможность подмены переговоров насилием.

Из этого следует один вывод: трудности в коммуникации и взаимодействии политической и не политической подсистем социальной системы являются не временными и исторически обусловленными, но сущностными и непреодолимыми в рамках известного нам мира.

Вместе с тем очевидно, что политическое и не политическое суть две части одного целого, которые не в состоянии существовать одна без другой; и они вынуждены не только сосуществовать рядом, но и как-то коммуницировать. Ликвидировать государство не представляется возможным (все подобные попытки потерпели полный провал); более того, его значение в современном мире всё возрастает. Политическая сфера призвана регулировать деятельность не политической, она даёт ей законы, суд, защиту от внешнего врага и от внутренних преступников. Не политическая сфера «кормит» политическую. Старинная метафора о голове и туловище вполне адекватно отражает суть их общения. Можно предложить и другую, новую метафору – с конём и жокеем. Но суть здесь одна – две части социума, основанные на принципиально различных логиках, неразрывно связаны, и это неизбежно порождает напряжённость и парадоксальность в отношениях между ними. На протяжении большей части истории цивилизации вопрос коммуникации двух сфер решался разными способами, но все они сводились, в общем, к одному: вытеснению неполитического на периферию социальной системы. Неполитическое отнюдь не было уничтожено, так как это невозможно, но не имело самостоятельной ценности. И то, что история политической власти, по меткому замечанию К. Поппера, стала подноситься как синоним истории человечества (см.: [10, с. 311]), вовсе не является плодом чьего-то злого умысла, – это естественное следствие сложившейся ситуации. Христианство автономизировало духовную сферу и тем самым нанесло сильный удар по абсолютному доминированию политического, но сращение Церкви с государственными институтами после эдикта Феодосия 380 г. привело к восстановлению традиционного отношения двух сфер.

Политическая сфера устроена вертикальным образом, она функционирует в логике иерархии, дисциплины, подчинения. Неполитическая же сфера действует в логике взаимодействия, компромисса, договора. В ней нет места понятиям «главный» и «подчинённый», ибо любые роли в ней являются условными и временными.

Трудности в коммуникации и взаимодействии политической и не политической подсистем социальной системы являются не временными и исторически обусловленными, но сущностными и непреодолимыми в рамках известного нам мира.

В специфических условиях протестантской Европы не-политическая сфера смогла выйти из-под господства политики и занять самостоятельное место. Эта революция, не имевшая прецедентов в истории (см.: [9, с. 87]), и породила современный экономический и политический строй, который мы знаем и подразумеваем сегодня, говоря о «модернизации» (см.: [11, с. 298]). Тогда появилась возможность институализировать коммуникацию политического и не политического с обеих сторон. В традиционной системе институализирована была только власть, и, стало быть, только воздействие политической сферы на не политическую. У людей же, не имевших прямого отношения к государственной власти, были лишь два способа воздействия на неё – подкуп власть имущих или восстание (т. е. прямое насилие). Современная система смогла институализировать коммуникацию с двух сторон; так появились органичные институты влияния неполитического (гражданского) сообщества на политическую сферу: свободные выборы, гражданский контроль, независимый суд, автономное (т. е. не зависящее от воли политической власти) гуманитарное право и т. п. Это не разрешило фундаментального противоречия, заложенного в самой природе двух сфер социума, но заметно облегчило существование неполитической сферы, и, высвободив заложенный в ней потенциал, дало возможность быстрого социально-экономического развития, основанного на технических и социальных инновациях.

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что такая модель вполне адекватна исследовательским проблемам, стоящим перед современной политологией. Кроме того, она предлагает достаточно ясный критерий «современности» политической системы: уровень влияния гражданского на политическое через публичные, легальные институты, и это не обязательно должны быть выборы и политические партии. Чем выше уровень институализации и публичности такого влияния, тем более «современной» может считаться политическая система. Этот критерий представляется гораздо более удобным для оценки качества политических систем, чем туманные индексы «демократичности».

Значение для России. Исследовательские перспективы

Если применить описанную выше модель к ситуации современной России, можно видеть, что основное направление политических исследований следует скорректировать. С нашей точки зрения, никак нельзя согласиться с мнением, что демократия в России «не удалась» или же что она «невозможна» в силу культурной специфики либо мистических причин. Даже И. Глебова, весьма скептически воспринимающая демократи-

Чем выше уровень институализации и публичности влияния гражданского на политическое, тем более «современной» может считаться политическая система.

зацию и модернизацию России, анализируя произошедшие за последние 15 лет перемены, отмечает: «Подчинение материи губит особую природу русской власти. На наших глазах совершается её превращение из Моносубъекта в один из субъектов политического процесса» [12, с. 10]. Но ведь именно это является ключевым моментом в переходе от авторитарно-феодалного к современному пониманию власти, от религиозной или харизматической легитимации к рациональной! Но, тем не менее, мы видим, что отчуждение общества и власти весьма велико – связь между «головой» и «ногами» нарушена. И многочисленные социологические опросы, фиксирующие низкий уровень доверия политическим институтам, это подтверждают (см.: [13]).

Неполитическая сфера в России сегодня в значительной степени автономизировалась, но коммуникационные каналы по-прежнему работают только в одну сторону – от власти к обществу. Это порождает опасную ситуацию – сущностное отчуждение двух сфер в России не только не преодолевается, но даже усугубляется. И решать эту проблему необходимо, причём как можно скорее.

Для политологии это означает, что нужно переместить внимание от избирательной и партийной систем (а в нынешних условиях их исследование сводится к сетованиям, что российские партии не являются партиями (см.: [14])) к изучению коммуникационных институтов. Для нас представляет интерес не то, какими формальными признаками характеризуются институты воздействия власти на общество (и особенно общества на власть), но то, как они реально работают. Действительно ли у нас как в традиционной системе нет иных каналов общественного влияния, кроме коррупционных? Какие из легальных и публичных институтов уже являются (или теоретически могли бы быть) эффективными коммуникационными каналами? Какие неформальные институты выполняют ту же функцию? Эффективнее ли они, чем формальные? Какие из них можно формализовать, «вывести из тени»?

В этом плане и роль партийной системы может быть переосмыслена. Так, «Единая Россия» не есть политическая партия с точки зрения классической теории. Но является ли она коммуникационным институтом? Может ли гражданин добиться каких-то позитивных изменений, «достучаться» до власти через аппарат «ЕР»? Может быть, это эффективнее, чем обращаться напрямую в органы государственной власти? Тот же самый вопрос стоит задать и в отношении других, т. н. «системных» политических партий, общественных палат, различных некоммерческих организаций (как существующих «при власти», так и независимых), СМИ и иных институтов. Все эти вопросы должны, на наш взгляд, занять центральное место в современной политической науке.

Неполитическая сфера в России сегодня в значительной степени автономизировалась, но коммуникационные каналы по-прежнему работают только в одну сторону – от власти к обществу. Это порождает опасную ситуацию – сущностное отчуждение двух сфер в России не только не преодолевается, но даже усугубляется.

В рамках предложенной методологии, ключевой исследовательской проблемой становится именно качество коммуникации «власть – общество – власть». При этом не стоит задача создавать новый научный аппарат на пустом месте. В политологии на обозначенном направлении уже существует серьезный задел, созданный в последние годы (см.: [15; 16]), и необходимо развивать его далее как «вверх», на уровень теории, так и «вниз», к прикладной политологии и публичному дискурсу.

А значит, на уровне высокого теоретизирования требуются дальнейшая разработка «двухчастной» модели и создание определений «политики» и «политического процесса», не исходящих из борьбы за власть как основания.

На уровне фундаментальных исследований основное внимание следует сосредоточить на изучении таких институтов, как обращения граждан, общественные палаты и советы, общественные приёмные, некоммерческие организации.

На уровне прикладных разработок главное внимание нужно направить на технологии использования существующих (и конструирование новых) коммуникационных институтов для продвижения интересов граждан. Кроме того, следует приложить усилия к трансляции достижений академической политологии в публичное пространство, искать общий язык с активом гражданских движений, для которого политология, не сосредоточенная на одной лишь борьбе за власть, может быть и полезной, и интересной.

Всё это в близком будущем должно стать одним из основных направлений политологических исследований. Вероятно, именно на этом пути и можно найти вожделенный выход из идейного кризиса, в котором находится сейчас наша наука.

Библиографический список

1. Медведев Д.А. Послание Федеральному собранию 2010 г. / URL: <http://www.president.kremlin.ru/transcripts/9637>; 16.01.11.
2. Даль Р.А. О демократии. Пер. с англ. – М., 2000.
3. Джексон Д.И. Политическая методология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингеманна. Пер. с англ. – М., 1999.
4. Козырева П.М., Гурко Т.А. и др. Роль семьи в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. Под ред. М.К. Горшкова. – М.: Новый хронограф, 2010.

5. Галкин А.А. Индивид, общество и структуры власти // Размышления о политике и политической науке. – М.: ИСП РАН, 2004.
6. Соловьёв А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект-пресс, 2001.
7. Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2003.
8. Аристотель. Политика, I, 1,1 // Политика. Афинская политика. – М.: Мысль, 1998.
9. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. Пер. с англ. – М.: МШПИ, 2004.
10. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Пер. с англ. Т. II. – М., 1992.
11. Андреев А.Л. Приемлем ли для России западный путь модернизации? // Готово ли российское общество к модернизации. Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2010.
12. Глебова И.И. Как Россия справилась с демократией: заметки о русской политической культуре, власти, обществе. – М.: РОССПЭН, 2006.
13. Рейтинг одобрения и доверия. Март 2011. URL: <http://www.levada.ru/press/2011032401.html>; 28.03.11.
14. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. – М.: Либеральная миссия; Новое литературное обозрение, 2011.
15. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006.
16. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России. Под ред. А.С. Автономова. – М.: Фонд «НАН», 2003.

Трибуна молодого учёного

Межэтнические взаимодействия населения Большого Сочи

Щеголькова Елена Юрьевна – научный
сотрудник Института социологии РАН

e-mail: le_na_3@mail.ru

Межэтнические взаимодействия населения Большого Сочи¹

Аннотация

В статье на базе проведённых социологических исследований анализируются процессы, определяющие характер межэтнических взаимодействий в г. Сочи, изучаются межэтнические установки горожан.

Abstract

The article uses survey results to analyze the processes that define ethnic interactions in Sochi. Ethnic attitudes of Sochi residents are also studied.

Ключевые слова: межэтнические взаимодействия, этнические установки, толерантность, Сочи

Keywords: ethnic interactions, ethnic attitudes, tolerance, Sochi

В период предолимпийской гонки 2014 г. столица XXII Олимпийских зимних игр Сочи – объект постоянного внимания и со стороны властей, и со стороны населения.

Сочи – регион особого значения, притягивающий не только уникальными природно-климатическими условиями и высоким рейтингом инвестиционной привлекательности, но и ресурсным потенциалом, актуальным для социологического исследования.

Многонациональность, или полиэтничность, – черта юга России, во многом определяющая его социально-политическую обстановку, добавляющая данному региону и привлекательности, и конфликтности одновременно. Полиэтничный, поликультурный и многоконфессиональный Сочи, образованный не по этническому, а по территориальному признаку, является достаточно типичным городом для Южного федерального округа в целом и для Краснодарского края в частности. Полиэтничность как ресурс предполагает поддержку этнокультурной специфики региона и её сочетание с возможностью индивидуумов и групп полноправно участвовать во всех сферах общественной жизни от экономики до политики и культуры.

¹ Территория Большого Сочи включает четыре района: Адлерский, Хостинский, Центральный и Лазаревский.

Наряду с этим уникальность и особенность региона, накопившего за многовековую историю примеры взаимодействий между центром и периферией, между народами и религиями, между коренными и переселенцами, может быть связана с возрастающей в последнее время значимостью этнокультурного фактора.

В этой связи актуальной является оценка уровня напряжённости межэтнических отношений и его тенденций в Сочинском регионе. Объективное представление о ситуации в сфере межнациональных отношений позволяет принимать стратегически верные решения и избегать последствий межэтнической напряжённости.

Межнациональные взаимодействия понимаются в контексте данной работы как межличностные и межгрупповые отношения людей в повседневной практике. Исследование природы межэтнического взаимодействия возможно через реализацию феноменологического подхода, рассматривающего общество как явление, созданное и постоянно воссоздаваемое во взаимодействии индивидов, общество как наш жизненный опыт общения с другими людьми вокруг нас. Мы исходили из основных положений теории конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана, которая ориентирует нас на понимание межэтнических взаимодействий под влиянием конструирования социальной реальности в контексте данной культуры и продуцирует модели социальных взаимоотношений, определяемых мотивами на основе восприятия и знания друг друга и влияния государства и лидеров. Межэтнические отношения в рамках конструктивистского подхода рассматриваются через призму взаимоотношений этнических групп и государства, этнического большинства и меньшинств, механизмов распределения власти между этническими группами и элитами.

Межнациональные отношения мы рассматриваем через призму межэтнических установок. Последние, как разновидность социальных, способствуют включению индивидов в социальную действительность, приобщению к культуре общества, самоидентификации людей в окружающем мире, а также регулируют межличностные отношения. Они обеспечивают способность индивида реагировать на социальную ситуацию или социальный объект.

На основе анализа эмпирических данных нашего исследования¹ выявим, какие обстоятельства и ситуации, определяющие процессы межэтнического взаимодействия групп, населения г. Сочи, могут способствовать развитию ресурсного или конфликтного потенциала полиэтничности.

¹ Исследования в Сочи осуществлены Центром этнической социологии ИС РАН в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 21 «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», Подпрограмма «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» (рук. Л. М. Дробижева); в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 24 «Фундаментальные проблемы пространственного развития: междисциплинарный синтез», проект «Современные демографические и миграционные процессы на юге России» (рук. Л. М. Дробижева).

Эмпирическую базу составили материалы исследований, проведённых в Сочи в 2008–2010 гг. при участии автора. Это – данные массового опроса¹ и интервью с экспертами, в качестве которых выступали специалисты государственных учреждений г. Сочи, научные работники, преподаватели вузов, руководители национально-культурных ассоциаций, духовные лидеры различных конфессий.

Особенности формирования многонационального сочинского социума

На формирование особенностей межэтнического взаимодействия и уровень толерантности в поликультурном, полиэтническом регионе влияют внешние (социально-исторические) и внутренние (социально-психологические и этнокультурные) параметры существования группы. Среди социально-исторических параметров выделяется процесс формирования этноконтактной зоны.

Сочи – одновременно типичный и уникальный город ЮФО.

Во-первых, статус города-курорта диктует свои законы взаимодействия, основной из которых, по мнению жителей, гласит: «В Сочи нужно отдыхать, а не хулиганить». Во-вторых, это город-курорт федерального значения, но краевого подчинения. Население болезненно переживает переход под краевое начало, с тоской вспоминая о времени прямого подчинения Центру. В-третьих, это многонациональный и многоконфессиональный город Южного федерального округа и Северного Кавказа со своими сложившимися традициями взаимоотношений между национальными группами.

В 1864 г. после окончания Кавказской войны территория города входит в состав Российской Империи, правительство насильно выселило коренное население Сочи – убыхов, шапсугов – ввиду их политической неблагонадежности. На опустевших землях стали селиться русские, украинские поселенцы, а также армянские и греческие беженцы из Турции. К 1886 г., т. е. через 22 года после указа о начале колонизаторской деятельности, на Черноморском побережье Кавказа было образовано всего 56 поселений с 10 тыс. жителей обоего пола. В пределах Сочинского округа к 1886 г. было устроено 20 новых поселений, из них 17 были «инородческими», часто со смешанным населением различных национальностей: греков, армян, молдаван, эстонцев, немцев, имеретин, чехов, поляков, турок, адыгов, шапсугов и др., и только три селения состояли из русских поселенцев.

¹ Было опрошено 933 респондента.

В приложении к этнографической карте Черноморской губернии, составленной в 1900 г. Е. Кондратенко, приводится следующий национальный состав и численность населения Черноморского побережья Кавказа (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Национальный состав и численность населения
Черноморского побережья Кавказа (1900 г.)**

Национальность	Численность населения, чел.
Русские	20265
Греки	5583
Черкесы	2052
Армяне	1305
Молдаване	1038
Грузины (в т. ч. имеретины)*	1027
Чехи	826
Поляки	333
Турки	254
Эстонцы	175
Французы	19

* Имеретины – этнографическая группа грузин, население области Имерети в западной части Грузии.

Таким образом, к началу XX в. население южного склона Западного Кавказа, до 1864 г. достигавшее 300 тыс. человек, составляло всего лишь 33 тыс. человек и имело очень пёстрый национальный состав. При этом большинство населённых пунктов располагалось в узкой прибрежно-морской полосе. Огромные территории среднегорья, ранее густо населённые аборигенным населением, оставались пустынными [1].

Так постепенно формируется многонациональный социум будущего города Сочи. Сегодня, при общей средней плотности населения в крае 66 человек на 1 км², наибольшая плотность наблюдается именно в Сочи, его территорию заселяют порядка 400 тыс. человек, среди них русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, греки, эстонцы, молдаване и др.

Подобное освоение и заселение территории Сочи является одним из наиболее важных моментов в формировании этноконтактной зоны проживающих национальностей. Одновременность заселения этих территорий разными этни-

ческими группами ставила всех в равноправное положение переселенцев, которое не позволяло какой-либо одной из них претендовать на роль исконного хозяина земель, на статус «коренных». Такая ситуация, предоставляющая более или менее равные для всех этнических групп условия, во многом влияла на характер межэтнического взаимодействия.

Сочи – это поликультурная общность, образованная не по этническому, а по территориальному признаку. Такие социально-исторические параметры общности способствуют формированию межэтнической толерантности.

Именно исторически сформированная многонациональность региона, по мнению экспертов, выступает гарантом межнационального согласия и мирного разрешения противоречий. В Сочи, согласно оценкам респондентов, «много разных наций, национальностей проживают издавна рядом, нет одной титульной – русских или армян», «так уж сложилось, что тут нельзя воевать», здесь «очень сильны идеи межнационального общения, толерантности, взаимопомощи».

Ещё одним важнейшим условием формирования толерантных установок является государственная идеология, общественный дискурс, создающие условия для согласия между группами с разными интересами и повседневным поведением. Бывает так, что национальный вопрос становится козырной картой для политиков, разыгрывающих её, например, на предвыборном игровом поле. По мнению экспертов, здесь многое зависит от частных амбиций и разборчивости в выборе средств достижения цели. Для людей успешных, стремящихся «выделиться» и «свернуть горы», национальный вопрос предоставляет хорошие возможности если не легко подняться, то хотя бы «засветиться».

Установившиеся в Сочинском регионе в конце XIX в. основы добрососедства, гостеприимства, дружелюбия сохранялись и в советское время, в том числе с помощью распространения идей интернационализма. В наши дни работает краевая целевая Программа гармонизации межнациональных отношений и развития национальных культур, осуществляется организация системы мониторинга этнополитической ситуации в субъекте Федерации в целом и в конкретных муниципальных образованиях, издаются информационно-справочные материалы по национальной проблематике, проводится профилактическая работа по предупреждению и предотвращению межнациональных конфликтов, организуется ежегодный фестиваль национальных культур «Этно-Сочи». В городе уже более 15 лет существует Совет национальных объединений (СНО), в состав которого входит около тридцати национальных общин. В своей деятельности СНО руководствуется Программой межнационального общения в городе, созданной при содействии грузинского культурного центра «Иверия». Основные задачи СНО – охватывать своей деятельностью как можно большее количество проживающих в городе национальных групп;

выявлять их явных и неявных лидеров, чтобы знать, с кем контактировать в случае возникновения конфликтов; взаимодействовать со СМИ, правоохранительными органами, администрацией города, другими общественными организациями.

Межэтнические установки жителей Сочи

Одним из показателей состояния межэтнических отношений является социальная дистанция, характеризующая степень близости или отчуждения взаимодействующих этнических групп. В нашем исследовании методической основой для её измерения стала Шкала социальной дистанции Богардуса, которая позволяет определять степень психологической готовности к сближению или же, наоборот, к отторжению людей другой национальности, независимо от их личностных качеств и особенностей.

В Сочи вербально выражена высокая готовность к межнациональному общению в деловой и неформальной сферах (работа, соседство).

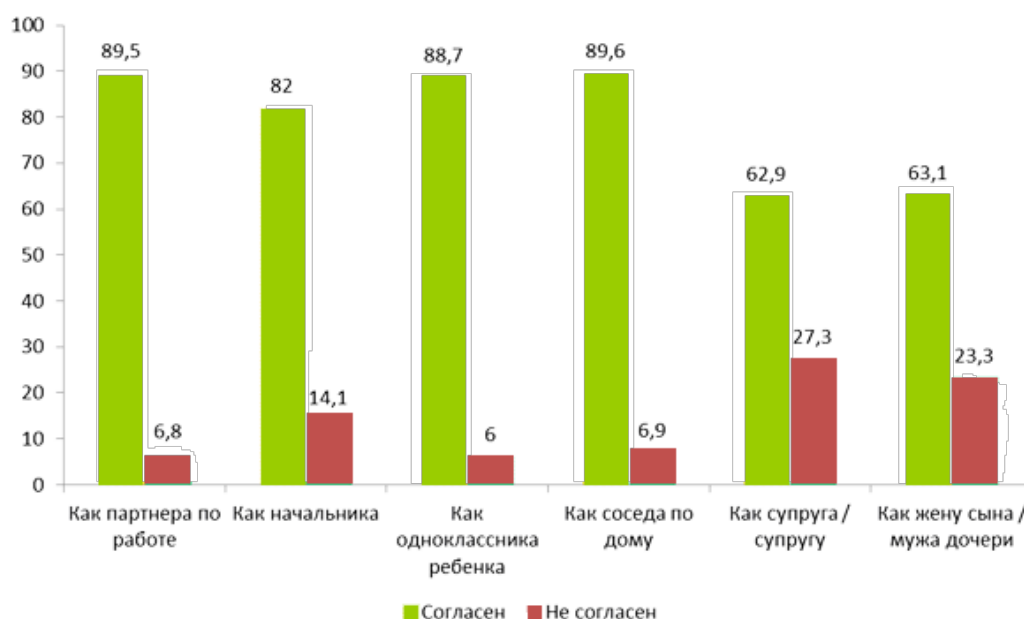

Рис. 1. Межэтнические установки сочинцев в разных сферах взаимодействия. Ответы на вопрос о готовности принять людей иной национальности как..., % от ответивших

Более 80% опрошенных готовы работать в условиях многонационального коллектива под руководством человека другой национальности; отдать детей в школу, где учатся дети разных национальностей; контактировать с людьми другой национальности, как с соседями по дому. Постоянные и многообразные межэтнические контакты внутри региональной общности являются привычными и привели к формированию и развитию интернационалистических установок. Кроме того,

можно предположить, что поведение респондентов, основанное на подобных установках, более эффективно и адаптивно. С точки зрения здравого смысла в ситуации высокой этноконтактности неразумно жить в условиях напряжённости и неприязни с людьми другой национальности, которые с большой долей вероятности являются либо коллегами, либо соседями; целесообразнее жить с ними в мире и согласии. Это касается преимущественно тех сфер взаимодействия, где люди ограничены в своём выборе лиц для контактов.

В семейной же сфере, где человек волен выбирать, можно отметить некоторое дистанцирование – принять человека другой национальности в семью в качестве мужа/жены детей и в качестве своего партнера по браку согласны чуть более 60% опрошенных респондентов. Это свидетельствует не только об узости и закрытости семейной сферы общения, но и о сложившихся традициях. Доброе соседское сосуществование и дружба – это одно, а брак, часто влекущий за собой раздел или передачу собственности, семейного дела, смену религиозных убеждений, – совсем другое. Такая «отдалённость» связана с культурными особенностями, в которые входит почитание семьи, обычаев и традиций, а следовательно, и их ретрансляция на семейном уровне, что может вызвать проблемы соответствующего рода при сближении в данной сфере жизнедеятельности с представителями других этнических групп.

Мнения мужчин и женщин по вопросу межнациональных браков для себя и своих детей различны.

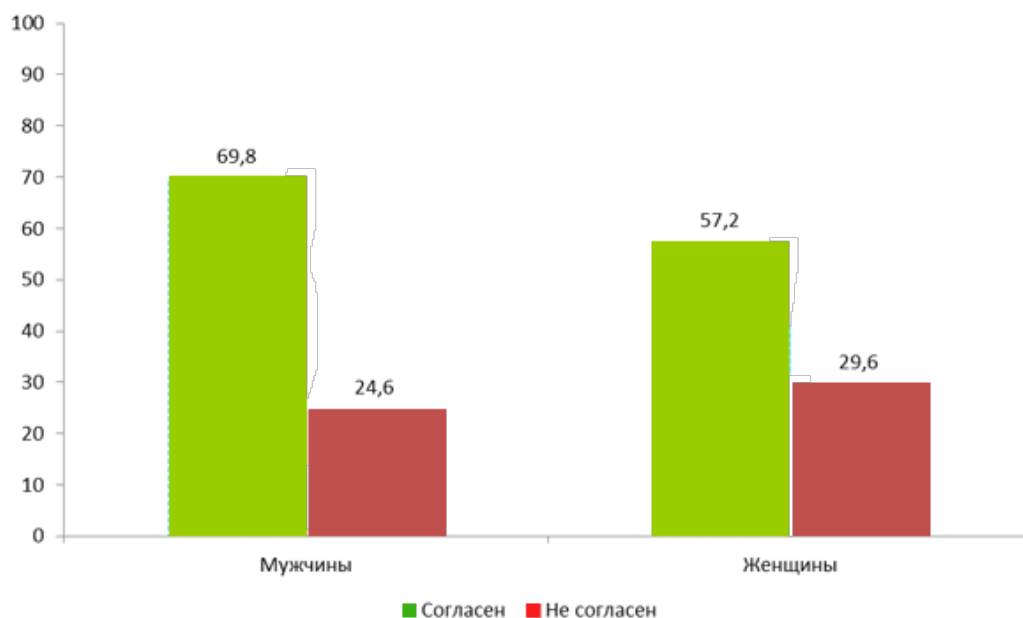

Рис. 2. «Согласны ли Вы принять человека другой национальности в качестве супруги/супруга?», в сравнении по полу, % от ответивших

Мужчины чаще, чем женщины (69,8% и 57,2%, соответственно), выражают готовность вступить в брак с представителем другой национальности. Среди несогласных преобладают

В семейной же сфере, где человек волен выбирать, можно отметить некоторое дистанцирование – принять человека другой национальности в семью в качестве мужа/жены детей и в качестве своего партнера по браку согласны чуть более 60% опрошенных респондентов.

русские женщины. Это говорит о более радикальном настрое последних, что не характерно для России в целом. Подобный «радикализм» жительниц полиэтничного Сочи может быть оправдан тем фактом, что они при ответе на вопрос о возможном брачном партнере другой национальности с большей вероятностью обращаются к реальным примерам из жизни своих подруг, знакомых, родственников, чем женщины из других городов России, преимущественно моноэтнических по своему составу, и лучше представляют гипотетическую картину такого брака.

Теперь рассмотрим, как отличаются межэтнические установки на взаимодействие в разнообразных сферах общения у представителей разных национальностей г. Сочи.

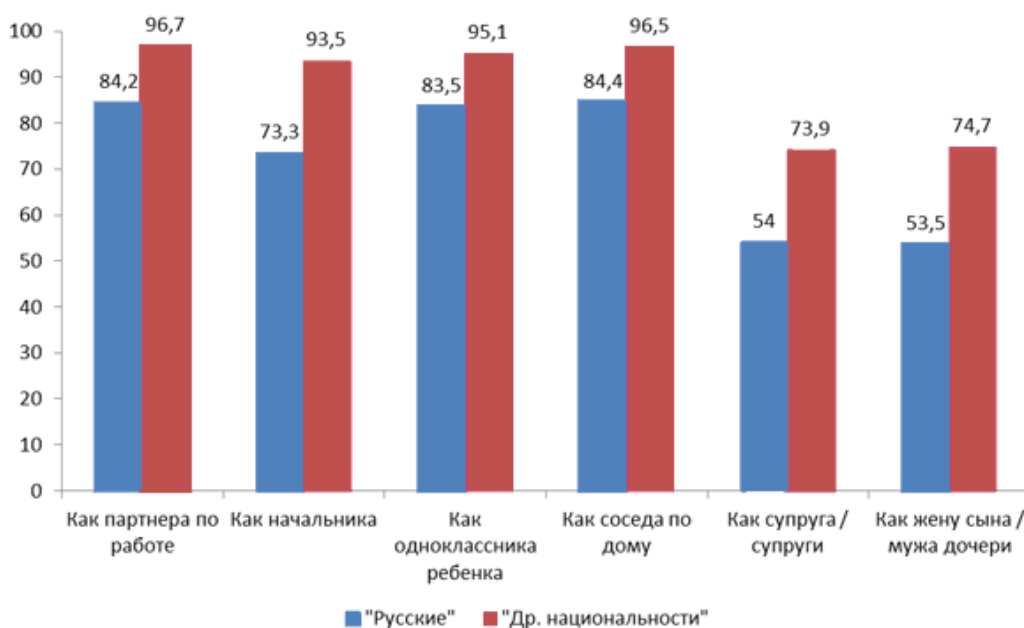

Рис. 3. Межэтнические установки в разных сферах взаимодействия у русских и представителей других национальностей (готовность принять людей иной национальности как...), % от ответивших

Из рис. 3 видно, что русские в сравнении с представителями других национальностей проявляют меньшую степень согласия по всем позициям межэтнического взаимодействия, касающимся разных сфер общения, т. е. в диспозициях межэтнических взаимодействий, фиксируемых шкалой социальной дистанции, у русских наблюдается тренд в сторону возможного негативизма. Нерусские жители Сочи демонстрируют превосходящую русских готовность к взаимодействию с людьми других национальностей (их позитивные установки, например, на внутрисемейное межэтническое взаимодействие составляют 73,6–74,1%, в отличие от 51,7–55,9% у русских), что может свидетельствовать об их выраженных ассимиляционных установках.

Мужчины чаще, чем женщины (69,8% и 57,2%, соответственно), выражают готовность вступить в брак с представителем другой национальности.

Таким образом, мы наблюдаем, с одной стороны, желание нерусской части населения влиться в многокультурное сообщество Сочи, а с другой – стремление русских сохранить дистанцию в основных сферах взаимодействия.

Последнее не может не беспокоить. Район Большого Сочи характеризуется как интенсивная этноконтактная среда, и русские здесь привыкли к общению с людьми разных национальностей, особенно с армянами (они здесь «свои люди»). Армянская диаспора на Черноморском побережье всегда была достаточно мощной и существует, по меньшей мере, 100 лет. На сегодняшний день в крае зарегистрировано 119 национально-культурных общественных организаций, из которых 42 – армянские. Во многих городах (Армавир, Туапсе и др.) количество этнических армян велико, они традиционно составляют около 1/3 населения Адлерского района Сочи. И даже их высокий приток в постконфликтных ситуациях не вызвал здесь сильных недовольств. Многие из проживающих в крае армян – беженцы или вынужденные мигранты. Из Северного Кавказа, из Азербайджана, из Чечни, из Абхазии, из Узбекистана. Они приехали сюда не за длинным рублём, а бежали, спасаясь от пуль и снарядов.

Сейчас ситуация меняется. Всё чаще армян искусственно разделяют на «своих» и «чужих», на «новых» и «старых». Если у человека армянское происхождение, но он не владеет родным языком, то чаще он свой. Если же приехал 10–15 лет назад, дома и при русских разговаривает на армянском языке, то отношение к нему несколько иное. Причём исходит такое представление не только от местных националистов, краевой администрации, представителей казачества, но и от условно называемых «местных армян». Сильно повлияла на обострение межнациональной обстановки миграция. Тяжёлое экономическое положение в Армении спровоцировало приток мигрантов, которые, естественно, стремились быть поближе к соотечественникам, землякам, родственникам. Кроме того, большой процент приезжих составляли жители сельской местности, – то есть, более низкого культурного уровня и хуже, чем городские, а порой и вовсе не владеющие русским языком.

По данным нашего опроса, 22,9% респондентов (большинство из них составляют русские) признались, что среди проживающих в Сочи есть такие национальности, к которым они испытывают раздражение и неприязнь, т. е. вокруг них сформировался, как говорят социологи, «образ врага». Негативизм чаще направлен на армян, преимущественно приезжих, что характерно и для русских, и для представителей других национальностей, в т. ч. и для армян-старожил: «Тут много армян, причём армян приезжих. Говорят, конечно, что вот армян много, но это везде так». Это объясняется разными причинами. Местные, «коренные» армяне недолголюбивают приезжих армян «с гор» («киляхи», «чучмеки»), которые своим поведением создают негативное представление обо всех

Таким образом, мы наблюдаем, с одной стороны, желание нерусской части населения влиться в многокультурное сообщество Сочи, а с другой – стремление русских сохранить дистанцию в основных сферах взаимодействия.

сочинских армянах. Негативное отношение русских к армянам обусловлено частотой их контактов друг с другом, т. к. это самая многочисленная этнонациональная группа в городе. У них много общих сфер взаимодействия, в которых они могут пересечься и конкурировать. Так, русских беспокоит, что «армянская прослойка растёт». Часто недовольство вызывает кажущееся неуважение к национальным обычаям, нежелание считаться с окружающими, бесцеремонное и назойливое поведение, в частности, по отношению к женщинам и девушкам.

Для того чтобы проверить устойчивость позитивных и негативных установок, в ходе опроса задавались вопросы, которые позволяли оценить акцентированность внимания людей на этнических различиях. С одной стороны, ответы респондентов подтвердили действительно невысокую степень значимости таких различий для большинства сочинцев (см. рис. 4). С другой – всё же при общем позитивном настрое к межэтническому общению половина русских и почти треть нерусских респондентов честно сказали, что к каким-то национальностям не испытывают симпатии.

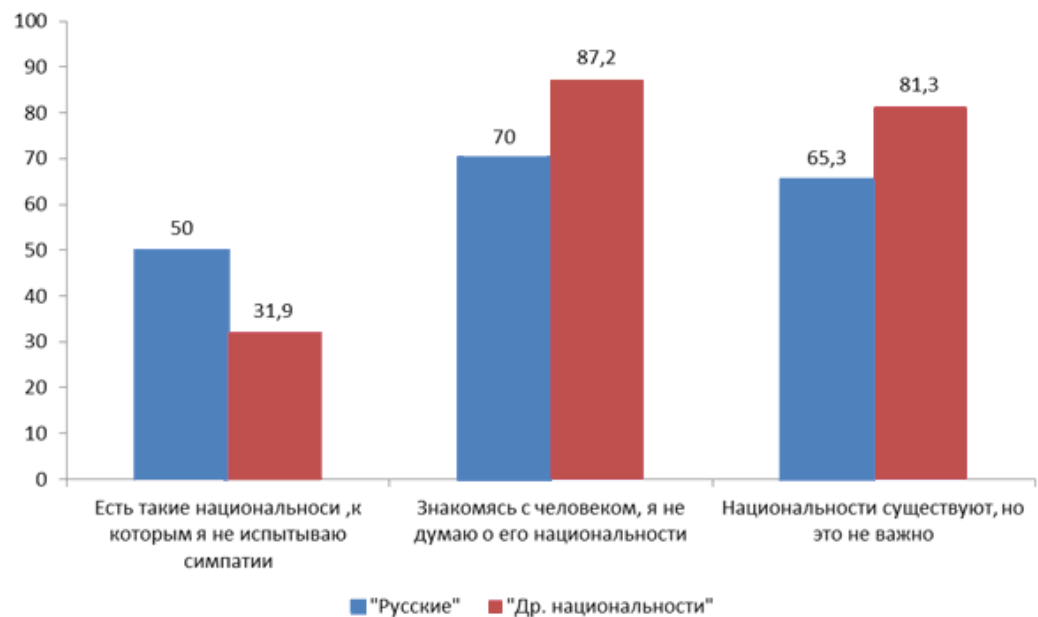

Рис. 4. Внимание к этнокультурным различиям и отсутствие симпатии по этническому признаку у русских и людей других национальностей, % от ответивших

Таким образом, большинство опрошенных можно охарактеризовать как людей, считающих свою национальную принадлежность достаточно значимой характеристикой, гордящихся своей национальной принадлежностью и, в то же время, не имеющих жёстких негативных установок по отношению к другим этническим группам. Люди осознают опасность межнациональных противоречий, особенно в форме открытых столкновений. Но при этом, в условиях высокой этноконтактности у многих из них накопилась внутренняя неприязнь к от-

дельным группам населения. Несмотря на мнение экспертов, что в Сочи «на национальной почве ничего возникнуть не может», контроль над ситуацией терять нельзя.

Одним из положительных следствий победы города в олимпийской гонке должно было стать чувство единения людей под знаменем общей для всех «национальности» – сочинцы. Но вместе с тем это событие высветило проблемы людей и столкнуло их интересы, разделило население на её «сторонников» и «противников». Среди тех, кто испытывает чувство неприязни по отношению к представителям каких-то национальностей, проживающим в Сочинском регионе, больше противников Олимпиады (59,4%), чем её сторонников (12,9%).

Лозунг «Все средства хороши для защиты интересов моего народа» поддерживают 38,5% (не поддерживают 61,5%).

Среди русских этот лозунг поддерживается чаще, чем среди представителей других национальностей (43,1% и 32,8%, соответственно).

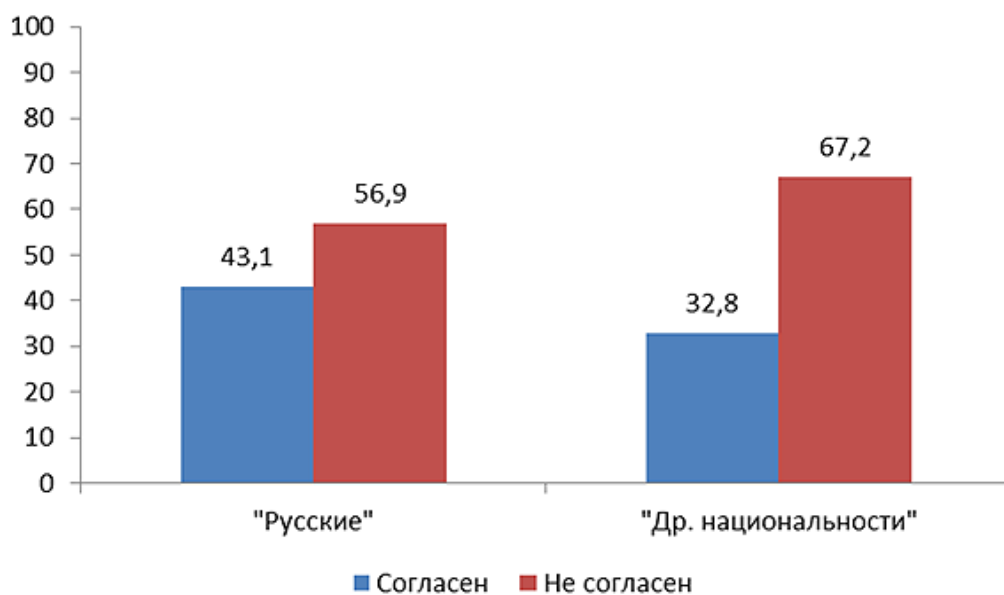

Рис. 5. Ответы на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением “Все средства хороши для защиты интересов моего народа”?» у русских и представителей других национальностей, % от ответивших

Возможно, такие настроения во многом объясняются приграничным положением Сочи, который находится на очень близком расстоянии от одного из замороженных конфликтов на постсоветском пространстве (до абхазского участка государственной границы 25 километров), собственно говоря, район Большого Сочи Блиново и, так называемый, Казачий рынок – это граница с Грузией, фактически это граница с де-факто Абхазским государством. Кроме того, такое распределение ответов может свидетельствовать о растущей этногрупповой мобилизации, особенно в среде русского населения.

Люди осознают опасность межнациональных противоречий, особенно в форме открытых столкновений. Но при этом, в условиях высокой этноконтактности у многих из них накопилась внутренняя неприязнь к отдельным группам населения. Несмотря на мнение экспертов, что в Сочи «на национальной почве ничего возникнуть не может», контроль над ситуацией терять нельзя.

Среди тех, кто испытывает чувство неприязни по отношению к представителям каких-то национальностей, проживающим в Сочинском регионе, больше противников Олимпиады (59,4%), чем её сторонников (12,9%).

Складывается противоречивая ситуация. С одной стороны, русские, чувствуя в чём-то свою вытесненность и ущемлённость, боятся утратить статус группы большинства. С другой стороны, у них высока значимость групповой этнической принадлежности, что обычно характерно для групп меньшинства. То есть, русские, пытаясь усидеть на двух стульях, хотят получать «бонусы» и со статуса большинства, и со статуса меньшинства. Поэтому во многом от настроения и установок, в том числе и русской части населения г. Сочи, зависит баланс межэтнических отношений в регионе.

Ещё один важный момент, который стоит отметить, — это отношение к приезжим. Хороший климат, природные богатства, возможности развития бизнеса всегда привлекали в регион деятельностное, успешно работающее население. Многокультурность населения с разнообразием трудовых навыков подпитывала здесь атмосферу постоянного обновления и известной конкурентности, стимулировавшей к тому, чтобы «не сидеть, сложа руки». Эксперты рассказывали, что на отдых в Сочи всегда приезжали «лучшие люди, специалисты со всей страны, они знакомились с нашими местными властями и интеллигенцией, рассказывали о своём опыте, что-то и мы сразу перенимали, шло постоянное обновление». По поводу сегодняшней ситуации всё чаще приходится слышать: «Пришлые, пытаются перенести сюда свои какие-то обычаи, традиции. Это не всегда воспринимается правильно, потому что у города свои традиции». Это касается как трудовых мигрантов, тем более инациональных, приезд которых «породит очень большие проблемы»; так и ставленников с Кубани: «понатащили сюда неграмотных кубанцов».

А в связи с грядущей Олимпиадой эта проблема заострится. Сочи становятся центром высокого притока иностранной рабочей силы. Причём приезжают не просто люди разных национальностей, но и различной ментальности, иной культуры. Приток мигрантов в связи с олимпийским строительством вызывает опасения местного населения, которые можно объяснить, если представить будущую ситуацию. Гигантское строительство объективно уменьшит число отдыхающих — основной источник дохода; естественно, упадут доходы сочинцев, в основном тех, кто не является бюджетниками; а вместо этого появятся трудовые мигранты, зарабатывающие деньги на олимпийской стройке. Отсюда может возникнуть заведомая нелюбовь местного населения к мигрантам вообще и к их иноэтничным представителям в частности. Среди национальных групп наибольший негатив вызывают турки (31,4%), чеченцы (29,4%), азербайджанцы (27%), грузины (26,9%), таджики (24,4%).

Итак, недовольство в связи с миграционным притоком возникает по ряду причин: приезжие, особенно беженцы, получают условия лучше, чем коренные; неуважение к устоям города, попытка перенести свои обычаи, боязнь утратить

Складывается противоречивая ситуация. С одной стороны, русские, чувствуя в чём-то свою вытесненность и ущемлённость, боятся утратить статус группы большинства. С другой стороны, у них высока значимость групповой этнической принадлежности, что обычно характерно для групп меньшинства.

Приток мигрантов в связи с олимпийским строительством вызывает опасения местного населения.

городские традиции, из-за нарушения пропорции местного и приезжего населения: «Если у вас есть хутор из двух изб, а Вы построите ещё две-три, туда приедут люди, которые будут не кур разводить, а тир откроют. Как Вы думаете, они будут жить спокойно?». Это обстоятельство не может не отразиться на сфере межэтнических взаимодействий, которая обусловлена, в том числе, и уровнем миграционного потока в регионе. Развитие этого процесса именно в Сочи может с большой долей вероятности привести к беспокоящему повышению уровня этнической интолерантности (и не только русских жителей региона), учитывая то, что основные этнические диаспоры Сочи воспринимаются как «коренные» жители этого региона наравне с русскими.

Вместо заключения

Многонациональность является гарантом межнационального согласия и мирного разрешения противоречий, т. к. в сфере межэтнических отношений у населения Сочи сложилось поле для партнёрских контактов, сотрудничества, взаимопонимания; сформировался соответствующий опыт общения, толерантные практики.

Однако, несмотря на долгую историю сосуществования и взаимодействия разных народов в рамках общих административных границ, сейчас опыт тесных межкультурных и межнациональных контактов воспринимается и переживается по-другому, сбалансированные системы межгрупповых взаимодействий перестраиваются. При достаточно высокой толерантности (63–89%) одновременно у половины населения фиксируются выраженные антииммигрантские и растущие защитные геополитические настроения. В условиях изменения уровня этноконтантности в связи с притоком инонационального населения наблюдается трансформация привычных практик взаимодействия коренных жителей (преимущественно русских). В ответ на готовность нерусских респондентов к взаимодействию и их желание стать своими для местного населения, русские предпочитают выстраивать значительную социальную дистанцию с ними во всех сферах общения, т. е. разность интересов и потребностей групп порождает разность установок и дистанцированность.

Это связано с появлением или обострением проблем, актуализирующих общественные фрустрации и ксенофобные настроения населения. К ним относятся: социально-экономическая дифференциация, напряжённая ситуация на грузино-абхазской и грузино-югоосетинской границах, тревожность

Многонациональность является гарантом межнационального согласия и мирного разрешения противоречий, т. к. в сфере межэтнических отношений у населения Сочи сложилось поле для партнёрских контактов, сотрудничества, взаимопонимания; сформировался соответствующий опыт общения, толерантные практики.

При достаточно высокой толерантности (63–89%) одновременно у половины населения фиксируются выраженные антииммигрантские и растущие защитные геополитические настроения.

в связи с объявлением Сочи столицей Олимпиады 2014 г.¹, меняющийся контекст миграционной ситуации, вследствие которого нарушается сложившееся этническое разделение труда, обостряется межгрупповое соперничество.

Названные обстоятельства влияют на сознание населения, повышая его тревожность, неуверенность в завтрашнем дне и пессимистические оценки общей ситуации. Информационный дефицит, непонимание сущности происходящего зачастую заставляют людей искать «врага» (чиновники, милиция, мигранты, иноэтнические представители).

Таким образом, характер межэтнических взаимодействий населения Сочи во многом является следствием как социально обусловленных исторических факторов, так и современных реалий совместной жизнедеятельности в этноконтактной зоне. Проведённый анализ позволяет говорить о преобладающем позитивном балансе межнациональных отношений в Сочинском регионе, не заражённом этническими предрассудками. Успех сохранения такого позитивного тренда в динамике баланса межэтнических отношений зависит от того, какие практики будут более востребованными для решения ряда текущих проблем, которыми, в глазах общественного мнения, не хочет или не может заниматься власть: «ситуативные» негативные, основанные на этнофобии, или – толерантные.

Библиографический список

1. Ворошилов В. Материалы по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времён до второй половины XIX века (Историко-этнографические очерки Убыхии). – Сочи, 1979.

¹ «В связи со строительством Олимпийских сооружений Сочи как место для жизни становится хуже», – считают 56,1% сочинцев, «лучше» – 15,2%, «не меняется» – 15,1%».

Трибуна молодого учёного

Социальное измерение современного российского родительства

Грицай Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, ассистент кафедры социальной психологии и социальной работы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

e-mail: usan82@gmail.com

Социальное измерение современного российского родительства

Аннотация

В статье изучается родительство как социальный феномен, его значение в системе жизненных ориентаций россиян. Формулируется ряд обстоятельств, обуславливающих необходимость социально-философского анализа этого общественного явления, а также рассматриваются основные социокультурные модели родительства. Предлагается преимущественный анализ всех моделей, на основе которых делается вывод о будущем российской семьи.

Abstract

In the article the parenting is explored as a social phenomenon and its role in the system of values of Russian people are considered; the article provides reasons the underlie the necessity of such analysis. The main social and cultural models of parenting are also considered. The priority analysis of all models is carried out. It serves as a basis for speculation on the future on the Russian family.

Ключевые слова: родительство, кризис родительства, философско-культурные причины падения рождаемости, социокультурные модели родительства, ценностное отношение к родительству, будущее российской семьи

Keywords: parenting, the crisis of parenting, philosophical and cultural causes of demographic decrease, social and cultural models of parenting, valuable attitude towards parenting, future of Russian family

В последние годы в отечественной научной литературе широко обсуждается вопрос о необходимости укрепления института семьи.

Не секрет, что в современной России семья переживает острый кризис, проявляющийся, в первую очередь, в сфере детско-родительских отношений. Ослабляются социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства.

Как отмечает Н. В. Богачёва, «самоутверждение и автономность как наиболее важные принципы современной жизни ведут к разрушению традиционных устоев семьи. При этом супружество становится основной линией внутрисемейных отношений, тогда как родительство – второстепенной» [1, с. 3].

Серьёзно затронули эти изменения и Россию и, в конечном итоге, привели к малодетности наших семей. Так, согласно исследованиям отечественных социологов, малодетность сегодня становится жизненной нормой: половина российских семей воспитывает только одного ребёнка, и многие родители не стремятся к рождению последующих детей, ссылаясь на недостаточность своих средств, времени и сил (см.: [2]).

Наряду с этим психологи и педагоги с тревогой пишут об ослаблении в последние годы родительского внимания к детям, которое называют «дефицитом родительской любви» (см.: [3]), а с другой стороны, о новом явлении общественной жизни – свойственной некоторой части российской молодёжи «педофобии», т. е. нежелании иметь детей, из-за боязни нести моральную и экономическую ответственность за них.

Сложившаяся ситуация усугубляется низким уровнем педагогической культуры многих родителей, их неумением, а подчас и нежеланием серьёзно и вдумчиво заниматься воспитанием собственных детей.

Изучая данные явления, уместно говорить не только о кризисе семьи, но и о кризисе родительства, ярко проявляющем себя в современном мире.

Причины данного кризиса можно увидеть в политических, экономических, социальных преобразованиях последних лет, однако, на наш взгляд, кризис родительства, в первую очередь, вызван низким значением ценности семьи с детьми в сознании наших современников.

Именно эта утрата ценности семейственности приводит к таким печальным явлениям современной действительности, как падение уровня физического и психического здоровья детей, понижение их интеллектуального потенциала и духовно-нравственных ценностей, усложнение процесса адаптации в обществе, социальное сиротство и т. д.

Безусловно, подобные негативные явления требуют поиска способов преодоления сложившейся ситуации. В связи с этим актуальность приобретает проблема изучения современ-

ного состояния российского родительства, а также моделирования на этой основе будущего, ожидающего российскую семью в начинающемся XXI столетии.

Исходя из этого, мы определили следующие задачи данного исследования:

1. На основе анализа отечественных научных источников уяснить сущность социологического подхода к пониманию феномена родительства;
2. Эмпирическим путём выявить модели родительства, значимые для российской молодёжи в возрасте от 23 до 35 лет;
3. В свете современных социальных процессов предположить пути развития института российского родительства в будущем.

Следует отметить, что понятие «родительство» является областью исследования целого ряда наук: философии, социологии, психологии, педагогики, медицины, права, демографии, культурологии, этики, религиоведения и др. Как отмечает Э. Р. Алексеева, родительство может рассматриваться как «биологический, психологический, а также социокультурный феномен; как социальный институт, включающий в себя два других института: отцовство и материнство; как деятельность родителя по уходу, содержанию, воспитанию и обучению ребёнка; как этап в жизни человека, начинающийся с момента зачатия ребёнка и не заканчивающийся после смерти ребёнка; как отношения кровного родства между родителем и ребёнком; как субъективное восприятие человека себя родителем» [4].

С одной стороны, это обстоятельство доказывает значимость данного феномена в жизни каждого отдельного человека и всего человечества, но с другой – свидетельствует об отсутствии единого подхода, то есть определённой «фрагментарности» исследований родительства.

В отечественной науке на сегодняшний день можно выделить несколько научных подходов, опирающихся на психологическое (М. О. Ермихина, А. А. Леонтьев, Р. В. Овчарова, В. А. Рамих, Г. Г. Филиппова), социологическое (А. И. Антонов, Н. В. Богачёва, О. В. Глезденева, Т. А. Гурко, И. С. Кон) и педагогическое (И. Н. Гребенников, О. Л. Зверева, А. Н. Ганичева, Л. Ф. Спириг) понимание феномена «родительство». При этом наиболее широко представлены психологическое и социологическое направления.

Сущность социологического подхода к изучению родительства

Родительство как социологическая категория представляет собой «устойчивое эмоционально насыщенное взаимодействие реальных и потенциальных родителей, связанное

с рождением и воспитанием детей и характеризующееся соответствующим поведением мужчины и женщины» [1, с. 13]. По мнению И. С. Кона, данная категория включает в себя: «родительские чувства, любовь, привязанность к детям; специфические социальные роли и нормативные предписания культуры» (цит по: [5, с. 5]). Н.В. Богачёва добавляет к этому также «социальные функции родителей, культурные символы отцовства и материнства, права и обязанности мужчины-отца и женщины-матери по отношению к ребёнку» [1, с. 13]. Именно на эту социальную обусловленность родительства указывают многие исследователи (Э. Бадинтер, В. В. Бойко, Ю. В. Борисенко, Л. А. Дубисская, И. С. Кон, Р. В. Манеров, М. Мид, Р. В. Овчарова, Т. В. Рябова, Н. Л. Пушкарёва, С. Г. Фатыхова др.).

В частности, В. В. Бойко выделяет два плана потребности в детях: общественный – установки родителей, соответствующие сложившемуся социально-историческому типу семьи; и индивидуальный – степень любви к детям, свойственная субъекту как носителю усвоенных общественных норм, установки по отношению к детям вообще (см.: [6]).

Как отмечает Р. В. Овчарова, общественное влияние на становление родительства необходимо рассматривать с двух точек зрения: социального регулирования (формализованная сторона), что складывается из социального управления процессами деторождения, в том числе и материального и морального стимулирования рождаемости в рамках демографической политики государства; а также с точки зрения опосредованного воздействия (неформализованная сторона), заключающегося в комплексе социальных влияний на личность, передающихся через СМИ, произведения искусства и культуры (см.: [7, с. 34–35]).

Таким образом, мы можем утверждать, что отношение к родительству в истории человечества зависит от представлений о нём в каждой конкретной культуре. Следовательно, причины кризиса современного родительства нужно искать в социальных механизмах процесса его становления в современном российском обществе.

Методология исследования

Теоретико-методологической основой исследования послужили философские положения о социальной обусловленности формирования и развития личности, её поведения, деятельностный подход к анализу семьи, позволяющий изучить её репродуктивные потребности и деятельность, включая потребность в детях.

Экспериментальное исследование проводилось в августе 2010 г. среди молодых родителей в возрасте от 23 до 35 лет. Причем при выборе респондентов нами учитывался уровень

их интеллектуальной подготовки: так 100% молодых людей, принявших участие в нашем анкетировании, имеют высшее образование, примерно две трети из них продолжают своё обучение в аспирантуре, а несколько человек уже являются кандидатами наук. Данный выбор участников опроса был обусловлен стремлением определить родительские ориентации той части молодежи, которая в будущем может стать своеобразной «интеллектуальной элитой» нашей страны.

Всего в исследовании участвовало 50 родителей (супружеские пары и матери или отцы). Всем молодым людям предлагалось ответить на вопросы анкеты, а также прокомментировать свой выбор в ходе беседы. Опрос проходил как в очной форме, так и в заочной с привлечением Интернета (в социальной сети «ВКонтакте» (URL: <http://www.vkontakte.ru>) были размещены объявления с просьбой ответить на вопросы анкеты и прокомментировать их).

Анкета состояла из 6 блоков.

В первый блок входили вопросы, призванные определить желаемое число детей для молодых родителей (мы учитывали тот факт, что наши респонденты – это молодые люди, вполне ещё готовые к рождению других детей).

Во втором блоке выявлялись мотивы желания иметь детей, которые были разделены на внутренние психологические мотивы (эмоционального приятия ребёнка как объекта любви и заботы; альтруистической потребности дарения себя другому человеку; определения детей в качестве важнейшей смысловой ориентации личности; религиозные мотивы, а также образовательные мотивы развития личности родителей благодаря воспитанию ребёнка) и на внешние социальные мотивы (сохранения и укрепления семьи; исполнения определенной социальной нормы детности; экономические мотивы).

В третьем блоке определялись основные препятствия к рождению детей в молодых семьях и их значение для родителей: внешние препятствия (экономические; социальные, а также индивидуально-социальные: дети как помеха карьерному росту родителей, особенно матери) и внутренние (страх потери личного досуга в связи с рождением ребёнка, а также страх беременности и родов, необходимости постоянной ответственности за судьбы своих детей, образовательные препятствия, связанные с недостатком опыта и знаний о воспитании ребенка).

Четвёртый блок выявлял представления о родительстве современных молодых людей (составляющие родительства: долг, ответственность, забота о ребёнке, любовь и т. п.; уровень психологической (личной) и социальной значимости родительства и т. п.).

Пятый блок был направлен на определение основных особенностей семейного воспитания детей (требования, предъявляемые родителями к ребёнку, количество времени, проводимого совместно с детьми, круг общих занятий и т. п.).

И, наконец, в последнем шестом блоке изучалось отношение молодых отцов и матерей к изменениям, произошедшим в их жизни, то есть определялось, насколько позитивно они оценивают свою жизнь с появлением в их семье ребёнка.

Пять основных моделей родительства

Результаты исследования позволили предположить, что сегодня в России существует пять основных моделей родительства – родительство, сохраняющее остатки традиционности, «расколотое» родительство, девиантное родительство, «индивидуалистическое» и созидательное родительство.

Первая модель обозначена нами как родительство, сохраняющее остатки традиционности. Согласно данным нашего исследования, такая модель родительства характерна для 56% опрошенных. Как правило, родители в подобных семьях стремятся к рождению двух, реже трёх детей, свидетельствуя о своём в целом положительном опыте родительства. Среди мотивов желания иметь детей, наиболее часто выделяемых этими респондентами, преобладают внутренние психологические.

Как отмечает Н. Х. Орлова, в таких семьях два фактора подталкивают родителей к рождению детей и заботе о них: психологический, когда дети как духовная потребность остаются приоритетными в системе ценностей личности; и социальный, когда факт появления ребёнка становится элементом социального престижа семьи (см.: [8, с. 13]).

Среди препятствий к рождению детей молодые родители, отнесённые к данной модели, называют следующие: экономические (в 90% случаев), социальные, страх перед ответственностью за воспитание ребёнка, страх беременности и родов, понимание того, что дети являются помехой карьерному росту родителей, а также страх потери личного досуга в связи с рождением ребёнка. Однако молодые родители всё-таки готовы идти на рождение второго (или третьего) малыша, при этом добавляя, что возможно дальнейшая жизнь внесёт в их планы какие-либо коррективы.

Таким образом, можно заключить, что основные представления о родительстве в подобных семьях связаны с тем, что родители помнят о своей ответственности за судьбы детей, заботятся не только об их пропитании, но и об образовании и воспитании, уделяя внимание их внутреннему нравственному развитию. При этом родители, так или иначе поддерживая своих детей на протяжении всей жизни, сохраняют в их глазах действительный авторитет. Однако это вполне благополучное родительство не является для супругов осознанной первой жизненной ориентацией и представляет собой скорее положительный сплав установок, вынесенных из своих родительских семей, традиционных взглядов на воспитание детей, сохраняющихся в народной педагогике, собственных нравственных

Первая модель обозначена нами как родительство, сохраняющее остатки традиционности.

позиций и т. д. К сожалению, в ситуации современной социальной и нравственной нестабильности такое родительство достаточно уязвимо перед угрозами внешнего мира, ориентированного в первую очередь на сферу потребления.

Вторая модель родительства может быть условно названа «расколотой», образовавшейся в результате разрушения семьи либо изначального одинокого материнства (крайне редко отцовства). В данном случае одному из родителей приходится совмещать в своём лице материнские и отцовские позиции. И такое вынужденное совмещение не проходит бесследно для формирования личности ребёнка. Как правило, утрата отца или матери или же отсутствие согласованности в воспитании детей (что часто случается при разводах родителей) приводит к болезненным сдвигам в психике ребёнка.

Конечно, примеры одинокого родительства не редкость для России, история которой изобилует войнами, морями и различными общественными катаклизмами, однако массовый характер эта модель приобрела именно в XX в.

В нашем опросе 12% женщин указали, что воспитывают ребёнка в неполной семье (две из них официально являются матерями-одиночками, четыре состоят в разводе). Две женщины ответили, что находятся в так называемом «гражданском браке» и воспитывают детей от этого «брака» (данная категория родительства была отнесена нами к подобной модели, вследствие непрочности подобного союза мужчины и женщины, готового распасться от любого, даже малого конфликта). Случаев одинокого отцовства нами зафиксировано не было.

Особо отметим тот факт, что большинство молодых матерей, отнесённых нами к данной модели, говорили о том, что хотели бы ещё родить детей (возможно, создав новую семью), однако их одиночество и непростое материальное положение не дают осуществиться этим планам.

Третья модель родительства – девиантное родительство. Родители в таких семьях часто имеют низкий социальный статус, ведут аморальный, а порою и противоправный образ жизни, дети находятся без надзора и подвержены разрушительному влиянию деструктивных асоциальных форм поведения. К сожалению, в нашей стране в настоящее время существует достаточно много примеров таких неблагополучных семей. Хотя в нашем опросе случаев девиантного родительства выявлено не было, мы не можем не отметить данную модель.

Четвёртая модель родительства – индивидуалистическая – может проявлять себя в двух направлениях: родительство, строящееся на партнёрских взаимоотношениях между родителями и детьми и на авторитарном воспитании. Предполагающее малодетность, определённое отчуждение членов семьи друг от друга, свободное воспитание, это родительство характеризуется предъявлением минимума требований к сыну или дочери, моральной независимостью детей от родителей.

Вторая модель родительства может быть условно названа «расколотой», образовавшейся в результате разрушения семьи либо изначального одинокого материнства (крайне редко отцовства).

Третья модель родительства – девиантное родительство. Родители в таких семьях часто имеют низкий социальный статус, ведут аморальный, а порою и противоправный образ жизни, дети находятся без надзора и подвержены разрушительному влиянию деструктивных асоциальных форм поведения.

Четвёртая модель родительства – индивидуалистическая – может проявлять себя в двух направлениях: родительство, строящееся на партнёрских взаимоотношениях между родителями и детьми и на авторитарном воспитании.

С другой стороны, индивидуалистический тип родительского сознания, подкреплённый однодетностью, может привести к авторитарному воспитанию, когда усилия родителей будут направлены на то, чтобы подавить волю ребёнка, сделав из него зависимую личность. В таком авторитарном детоцентризме, по сути дела, проявляется эгоизм родителей, их желание подчинить себе другого человека, пусть и собственного ребёнка.

В нашем исследовании мы определили 12% родителей, тяготеющих к данной модели. Особо отметим, что такие родители стремятся к безусловной однодетности, всеми силами демонстрируя её преимущества («у ребёнка должно быть всё», «в наше время люди могут родить только одного», «сейчас одного родишь – и корми потом всю жизнь» и т. п.). Среди мотивов желания иметь ребёнка преобладают внутренние психологические, а также социальные мотивы исполнения определённой нормы поведения в обществе. Среди препятствий к рождению детей такие молодые родители, как правило, особо указывают на экономические и социальные и на то обстоятельство, что дети являются существенной помехой карьере родителей и отчасти мешают их самореализации в жизни и в обществе.

Можно согласиться с В. Н. Архангельским, который полагает, что высокая значимость экономических и социальных препятствий к рождению детей, высказываемая частью респондентов, связана с тем обстоятельством, что участники подобных опросов склонны объяснять ими своё простое нежелание иметь детей (см.: [9]).

Последняя модель родительства названа созидательной.

В результате исследования было выявлено 16% молодых людей, для которых такая форма родительского поведения характерна. На наш взгляд, именно эта модель в большей степени отвечает духовно-нравственному наследию России, предполагая не только осознанное отношение родителей к своим обязанностям, эмоциональную готовность к принятию ребёнка и родительской ответственности, но и опору на создание духовно здоровой семьи в традиции ценностей национальной культуры.

Таким образом, в отличие от первой рассмотренной нами модели (родительства, сохраняющего остатки традиционности), созидательное родительство опирается на более прочную мировоззренческую платформу, не только определяющую родительство в числе важнейших семейных ценностей для человека, но и предлагающую определённый образ построения взаимоотношений в семье на основе религиозных нравственных смыслов бытия (в нашем исследовании – христианских). По сути дела, желание рожать и воспитывать детей у родителей, отнесённых нами к данной модели, практически не связано с какими-либо внешними обстоятельствами, а определяется, в первую очередь, их религиозными и нравственными

Пятая модель родительства, названная созидательной, предполагает не только осознанное отношение родителей к своим обязанностям, эмоциональную готовность к принятию ребёнка и родительской ответственности, но и опору на создание духовно здоровой семьи в традиции ценностей национальной культуры.

убеждениями. Именно у этих родителей выявлено безусловное стремление к двух – трёхдетности (в некоторых семьях уже воспитываются трое детей).

Отвечая на вопрос о препятствиях к рождению детей, такие родители соглашались с тем, что в современном мире рождение ребёнка требует преодоления экономических, моральных и физических трудностей, однако они не считают их препятствиями, из-за которых можно было бы отказаться от рождения второго или третьего ребёнка.

Сопоставление результатов исследования с существующим научным дискурсом по теме

Полученные в ходе нашего исследования результаты в целом сопоставимы с данными аналогичных работ.

Так, по суждению известного социолога семьи А. И. Антонова, в современной России наблюдается снижение уровня репродуктивных ожиданий молодёжи в сравнении с соответствующими установками их родителей. Главную опасность сложившейся ситуации учёный видит в «массовом распространении многоразводной и малодетной семьи в качестве социальной нормы и признание её общественностью» [10].

В. Пантин, анализируя отношение к ценностям родительства у современных россиян, делает вывод о том, что у большинства наших молодых соотечественников есть потребность в принятии семьи, материнства и детства как главных ценностей [11]. Однако в реальности эта потребность уходит на второй план не только из-за материальных трудностей, но и под влиянием стереотипов общественного сознания, акцентирующих внимание на экономической, социальной и нравственной незащищённости семьи и детей перед угрозами современного мира.

По заключению авторов исследования «Семья и дети в жизненных установках россиян», семейные ориентации 36% молодых людей до 30 лет не сопровождаются установкой на рождение детей [12].

По всей видимости, на этой почве в нашей стране набирает обороты западное движение, пропагандирующее бездетное супружество, получившее название «чайлдфри» (англ. “childfree” – свободные от детей). Отметим, что данное движение отчасти приближается к модели «индивидуалистического» родительства, выбирающего, как правило, однодетность. На эту же особенность репродуктивных установок части современной молодёжи указывает в своём исследовании А. В. Узик. По его мнению, наиболее предпочтительной для современных юношей и девушек является однодетная семья (50,4%) (см.: [13, с. 62]).

Как свидетельствуют данные статистики, модель «расколотого» родительства в целом по России также более распространена, чем это продемонстрировало исследование, проведённое нами. Учёные пишут о 30% детей, рождённых вне брака (см.: [2]). Часть из этих детей, правда, по письменному заявлению родителей регистрируются с фамилией и отчеством отца, но возникает естественный вопрос о том, насколько длительным окажется сожителство матери с родным отцом ребёнка.

Также социологи с большой тревогой свидетельствуют о том, что число семей с девиантным родительством в современной России постоянно растёт и достигает уже недопустимо высокого уровня (см.: [14]).

Что касается пятой из выделенных нами моделей родительства, то, по заключению большинства учёных, религиозно ориентированные семьи в самом деле более прочны и многодетны по сравнению с другими (см.: [5, с. 28]). Однако таких семей немного (согласно мнению авторитетных богословов, действительно верующими людьми, то есть стремящимися в своей жизни воплотить религиозные нормы бытия, могут считаться лишь 10–15% от всего населения страны (см.: [15]). Поэтому такие семьи лишь отчасти могут влиять на общую картину современного российского родительства.

Перечисленные обстоятельства не могут не вызывать тревоги, так как нетрудно предположить, что ждёт нашу страну в будущем, если модели «расколотого», «индивидуалистического» и девиантного родительства станут приоритетными для 70–80% наших сограждан (что весьма вероятно, потому что социальные процессы способствуют этому).

Скорее всего, тогда Россия будет постепенно растворяться в глобальном мире, теряя свою культуру и национальную самобытность. Здесь уместно вспомнить слова известного русского философа И. А. Ильина, высоко ценившего семью и называвшего её «школой любви и жертвенности», духовного единства всех членов, так как только в семье можно «научиться первым совестным движениям сердца и подняться к дальнейшим формам человеческого духовного единения – родине и государству, потому что семья, внутренне спаянная любовью и счастьем, есть школа душевного здоровья, уравновешенного характера, творческой предприимчивости» [16, с. 198].

В рассматриваемых моделях родительства происходит не объединение членов семьи друг с другом, а, напротив, их разъединение. Личные индивидуальные ценности ставятся во главу угла, что, безусловно, сказывается не только на духовно-нравственном состоянии общества, но и на детско-родительских взаимоотношениях в семьях.

В рассматриваемых моделях родительства происходит не объединение членов семьи друг с другом, а, напротив, их разъединение. Личные индивидуальные ценности ставятся во главу угла, что, безусловно, сказывается не только на духовно-нравственном состоянии общества, но и на детско-родительских взаимоотношениях в семьях.

А в таком обществе, где людей уже ничто не объединяет, разобщённость достигнет предела. Можно предположить, что при таком развитии событий ещё большую популярность приобретут так называемые «гражданские» и «гостевые» браки.

Именно это прогнозируется в работах автора концепции постиндустриальной цивилизации Д. Белла, который определяет современное общество как «постиндустриальное общество производства информации и услуг» [17, с. 661]. В таком обществе утрачиваются традиционные ценности любви, супружеской верности, рождения и воспитания детей, служения ближнему, на смену им приходят ценности личной автономии, профессиональной самореализации и гедонизма.

Об этой черте современной цивилизации с тревогой пишет и Н. Х. Орлова. По её мнению, «особенностью современности является так называемый мировой или цивилизационный кризис идентичности, который сопровождается дезорганизацией больших сообществ и структур, культурной фрагментарностью, глобализацией мировых процессов, разрушением традиций, постмодернизацией» [8, с. 18]. Современный человек сталкивается с почти неизвестными его предкам трудностями, к которым можно отнести всё возрастающую скорость жизненных ритмов и многообразие социальных связей, усложняющих возможность целостного понимания мира. Всё чаще и чаще духовные жизненные цели подменяются «средствами жизни», борьбой за материальные блага и социальный статус, меркантилизацией, гедонистической направленностью. Счастьем оказывается не жизнь в её полноте, а некий фрагментарный набор её свойств и качеств, не «бытие», а «обладание» (см.: [8, с. 19]).

Данный кризис проявляет себя во всём мировом обществе (особенно он заметен в развитых странах) и характеризуется «ценностным сдвигом» в сторону индивидуализации человека (см.: [18]), обособления его как в семейной жизни, так и в социуме.

Ситуация на постсоветском российском пространстве усугубляется радикальным разрушением мировоззренческих норм и ценностей без замены их на другие, отвечающие традициям российского менталитета. Поэтому в нашей стране в настоящее время «индивидуалистическое» и «расколотое» родительство столь сильно распространено. В этой связи следует также отметить, что родительские установки и перспективы развития института семьи невозможно рассматривать без изучения демографических тенденций. При этом очевидно, что «индивидуалистическое» и «расколотое» родительство, как правило, малодетно, а это обстоятельство только усугубит процесс депопуляции нации, наблюдаемый ныне в нашем государстве.

И всё-таки, справедливости ради, нельзя не заметить, что не все современные исследователи придерживаются подобного пессимистического взгляда на будущее современного родительства. Хотя работ, посвящённых кризису современной семьи, предсказывающих лишь усугубление его, большинство (см.: [7; 10; 19]). Однако есть редкие предположения, что происходит не кризис семьи, а лишь её трансформация, которая приведёт к некоей стабилизации в перспективе развития общества (см.: [5; 11]).

Выводы

Будущее российского родительства представляется весьма неоднозначным, так как традиционные модели утрачиваются, а им на смену приходят стратегии родительского поведения, далёкие от национального ценностного отношения к семье в целом и родительству в частности.

Однако среди наиболее образованной части современной молодёжи эти тенденции несколько сглаживаются, что подтверждается в нашем исследовании тем, что большинство респондентов стремятся к традиционной семье с несколькими детьми. На наш взгляд, связано данное обстоятельство с тем, что эта группа молодёжи менее подвержена влиянию массовой культуры, а также склонна к поиску прочных смысло-жизненных основ (для кого-то ими могут стать семья и родительство, служение другим людям и своей родине, для кого-то – религиозные смыслы бытия, предполагающие глубоко нравственные отношения в семье и в социуме).

Поэтому единственный, на наш взгляд, выход из ситуации кризиса семьи и родительства заключается в возвращении к сложившимся веками идеалам родительского поведения, которые являются наиболее продуктивными для сохранения человеческого потенциала России. Это традиционная и созидательная модели родительства.

Однако становление этих двух моделей родительства требует не только мер государственной поддержки, оказания семье с детьми широкого спектра психолого-терапевтической и медико-социальной помощи, координации работы СМИ по повышению престижа родительства в современном обществе, создания возможностей для педагогической подготовки молодёжи к родительству, включающих в себя деятельность в учебно-воспитательном пространстве школ, колледжей и вузов, но и значительного преобразования всей системы духовно-нравственных ориентиров наших соотечественников.

А такое преобразование не произойдёт, даже если государство и социальные институты будут оказывать давление на общественное сознание, так как оно требует ответственного вы-

бора каждым человеком той системы ценностей, при которой он добровольно был бы готов смирять себя ради блага своей семьи и окружающих людей.

Поэтому вопрос о будущем российского родительства, и шире – будущем самой России, – остаётся открытым. Однако каждому из нас следует помнить, что от того, удастся ли нашей стране в следующем столетии сохранить свою культуру, национальную целостность и определённое место в мировом пространстве, или же ей суждено раствориться во времени и в других цивилизациях, зависит будущее наших детей, внуков и правнуков. По сути дела, строя свою сегодняшнюю жизнь, мы выбираем и их судьбу.

Библиографический список

1. Богачёва Н. В. Родительство как фактор устойчивости семьи в современном российской обществе: автореф. канд. социол. наук. – Казань, 2005.
2. Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru> (10.10.09).
3. Мошкова И. Н. Укрепление семьи – общецерковная задача // В начале пути. – М., 2002, с. 49–106.
4. Алексеева Э. Р. Анализ семейных форм социального родительства в современной России // Вестник Башкирского университета. Серия «Философия, социология, политология и культурология». 2008, т. 13, № 3, с. 644–646.
5. Гурко Т. А. Трансформация института родительства в постсоветской России: автореф. д-ра социол. наук. – М., 2008.
6. Бойко В. В. Репродуктивное поведение семьи и личности: Социально-психологическое изучение рождаемости: дис ... д-ра психол. наук. – Л., 1981.
7. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен. – М.: Изд-во МСПИ, 2006.
8. Орлова Н. Х. Семья как объект социально-философского исследования (Эволюция семейных отношений на рубеже XX–XXI столетий): автореф. канд. филос. наук. – СПб., 2000.
9. Архангельский В. Н. Мнения о «помехах» к рождению детей в семье и о действительных трудностях реализации желаемого числа детей // Демографические исследования. № 3. URL: <http://www.demographia.ru> (1.04.2011).

10. Антонов А. И. Почему нельзя надеяться, что рождаемость повысится, когда в брак начнут вступать сегодняшние старшеклассники // Демография.ру Институт демографических исследований. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=245 (4.04.11).
11. Пантин В. И. Семья и семейные ценности в сознании россиян // Воспитание школьников. 2008, № 10, с. 9–14.
12. Варламова С. Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006, № 11, с. 61–73.
13. Узик А. В. Изучение ценностных ориентаций и семейного поведения городского населения современной России // Вестник МГУ. Социология и политология. 2007, № 4, с. 60–62.
14. Гостунская Я. И. Особенности психолого-педагогической работы с семьями девиантных подростков // Гуманитарные науки. – Ставрополь. 2003, № 10. URL: <http://science.ncstu.ru/articles/hs/10> (1.04.2011).
15. Кураев А. В. Церковь в мире людей. – М.: Изд-во Сретенского мон., 2009.
16. Ильин И. А. Путь духовного обновления: Собр. соч.: в 10 тт. – М.: Русская книга, 1996, т. 1, с. 39–282.
17. Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999.
18. Рукавишников В. О. Конкурентоспособность и демократия // Социологические исследования. 2005, № 2, с. 3–15.
19. Лопин Р. А. Кризис современной российской семьи: материалы Всероссийской научно-практической конф. «Семья – культура – образование в изменяющейся России» / Под ред. О. В. Бессчетновой. – Саратов: Научная книга, 2009, с. 272–276.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Учреждение Российской академии наук
Институт социологии РАН

Издатель – Учреждение Российской академии наук
Институт социологии РАН

Председатель международного редакционного совета:
Владимир Александрович Ядов

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Елена Николаевна Кофанова

Перевод аннотаций на английский язык: Михаил Фёдорович Черныш

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдииков

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 29 апреля 2010 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-39594

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, кор. 5, каб. 303

E-mail: sekretar@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>